

10335

1961/9

ბიბლიოთეკა
ეროვნული

9

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1961

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й Г Р У З И И

Год издания пятый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Читая проект Программы...	3
СЕРГЕЙ ЕРКОМАИШВИЛИ. За высокую культуру животноводства	7
Н. НОВИЦКИЙ. Странички с выставки. Репортаж.	13
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Звездным братьям. Стихи	20
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Судьба женщины. Роман. Часть вторая	22
ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Съезд коммунистов. Стихи	37
БЕНИК СЕИРАНЯН. Родные. Рассказ	38
СЕРГЕЙ САРТАКОВ. Любовь. Часть вторая. Окончание	42
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Мать. Драматическая поэма. Окончание	53
ЭДМУНД ОСМАНЧИК. Новая книга джунглей	67

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

БЕСО ЖГЕНТИ. Эпопея о национальностях Грузии

РЕВАЗ ТВАРАДЗЕ. О некоторых тенденциях в грузинской молодой прозе

СЕНТЯБРЬ
1961

67006

9

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.
Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Георгий Натрошвили

Читая проект Программы...

«КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения — обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма».

Прочтите эти строки в проекте Программы и дальше, пробежав по абзацам, встретите в каждом из них слово «БЕСПЛАТНО»: бесплатное содержание детей... бесплатное образование... бесплатные лекарства и врачи... бесплатная квартира... бесплатный транспорт... бесплатные санатории... Да разве все перечислишь... И всего этого дождется наше поколение, все это будет наградой за тот упорный и мужественный труд, без которого коммунизм немислим.

В многовековой истории человечества социализм первый оценил труд, первый признал достоинство человека; он первый преградил путь голоду, поселившемуся, казалось, навечно в жилище человека, ставшему постоянным спутником тружеников, вынужденных батрачить всю жизнь.

Нет нужды искать примеры в исторических или литературных источниках. Я и так помню, какой была Кахетия до установления Советской власти, помню тогдашний Шираки и знаменитого ширакского жнеца Димо Таралашвили. Во всем Шираки это был лучший жнец. Сельские кулаки, владельцы больших угодий, часто ссорились, чтоб заполучить его на будущее лето. Это и понятно было — Димо работал за четверых. Он знал себе цену. И когда созревали хлеба, не терял ни минуты. Если его по дороге на работу задерживал кто-

либо из знакомых, Димо сердито ворчал на него:

— Не задерживай меня, знаешь ведь, я в день целого коди¹ стою:

Но так платили только одному Димо. Другие же, обыкновенные жнецы, получали в четыре раза меньше. Не думайте, что наниматель проигрывал от такой высокой оплаты: Димо, как волк, набрасывался на поле и работал так быстро, что ни один жнец не мог угнаться за ним. Без отдыха трудился этот удивительный богатырь, оставляя за собой целые горы снопов.

Одним словом, это был самый лучший и самый... бедный труженик во всем селе. Для чего надо было этому несчастному дорожить жалкими минутами, — не задерживайте, мол, меня, — когда вся его жизнь не принадлежала ему.

Ну что это за жизнь у него была: протянет как-нибудь зиму, попросит у того или другого кулака в счет будущего лета несколько пудов пшеницы, а богачи три шкуры с него сдирали за этот отданный в долг хлеб. Весной дети Димо (не помню точно сколько, но знаю, что много их было у бедняка, и все ходили полуголые, разутые) рассыпались по близлежащим склонам гор. Вы думаете, может быть, что дети радовались весне, голубоглазым фиалкам и другим цветам? Нет, красота весны не имела для них никакого значения. Просто они были голодны и неутомимо рыскали по зеленым скло-

¹ Коди — мера сыпучих тел, равная примерно трем пудам.

нам, собирая мхали¹. Это была их единственная пища, и в этом смысле они действительно любили весну.

Да, так было... И не на сжатом отцом хлебе, а на щавеле и крапиве, спарже и вязеле должны были вырасти эти дети. Димо был моим соседом, и я прекрасно помню, как он с жадностью ел вязель и купырь. Посолит, бывало, листочки и стебелек и отправит в рот.

Еще одна картина стоит у меня перед глазами.

Уставший и голодный, обессиленный и измученный возвратился Димо с поля, еле дотащился до очага и крикнул жене:

— Сделай немного харчо!

Не подумайте, что это было то харчо, которое занимает почетное место в меню всех лучших ресторанов. Тогда в Кизики² под «харчо» подразумевалось совсем иное блюдо: на сковородку нарезали немного лука, подливали чуть-чуть постного масла, поджаривали, а затем сковородку наполняли водой. Вот и все... Жена Димо быстро приготовила это бедняцкое харчо. Димо вылил содержимое сковородки в большую миску, накрошил туда хлеба и, когда взял в руки ложку, заметил, что дети окружили его и жадными глазами смотрят на дымящуюся похлебку. Рука отца застыла в воздухе: он понял, что дети голодны, понял, но бодро, будто и не было в семье нищеты и голода, подозвал детей:

— Эй, Гио, чего стоишь, сынок, подходи, бери... И ты, Тебро, подходи, девочка... Ну, давайте... И Манану пропустите. Раз она самая маленькая, так, думаете, не хочет есть?... И ты подходи, Ила, и ты, Нато... Ну, мои дорогие, кушайте, порадуйте отца...

В один миг миска опустела. Димо и капли не досталось. Повернулся он и еще раз крикнул жене:

— Я же говорил тебе, приготовь харчо! — сказал так, будто жена и в самом деле не сделала этого только что.

Жена опять поставила на огонь сковородку, Димо еще раз наполнил миску, дети снова окружили отца, и повторилась та же история:

¹ М х а л и — зелень, употребляемая в пищу в вареном виде.

² К и з и к и — старинное название одного из уголков Кахетии.

— Нато, тебе мало досталось, подходи, бери, моя девочка... А ты? И ты, и ты... подходите!

Глянул Димо, а миска снова пуста. Тогда разозлился он, вскочил, голодный и усталый, и закричал на жену:

— Что это ты, черт возьми, привязалась к этой сковородке? Разве это хватит нам? Посмотри, сколько нас! — Он обвел горящим взглядом детей, потом вытащил огромный котел, влил туда целый кувшин воды и поставил на огонь...

* * *

Современный бразильский ученый Жозуе де Кастро, председатель Комитета по делам продовольствия и сельского хозяйства при Организации Объединенных Наций, в своем обширном труде «География голода» на конкретных примерах и цифрах показал, что история мирового капитализма — это история изнурения голодом множества поколений, что голод истребил на земле больше людей, чем все войны и эпидемии в истории человечества, вместе взятые. Я не стану приводить те цифры и факты, которыми полна книга (в ней 400 страниц!) бразильского профессора, это заведет нас далеко. Скажу лишь одно: Жозуе де Кастро нельзя даже заподозрить в сочувствии коммунистам, но и он не мог уйти от действительности и был вынужден признать, что спасти человечество может только та дорога, которую указал ему Ленин. Правильный анализ жизни народов мира, их истории, естественно, привел этого ученого к тому выводу, что только коммунизм может спасти людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации.

Этот путь спасения человека еще на заре нынешнего века указала первая программа нашей партии. Среди нас живут свидетели тех исторических боев, которые вела партия для низвержения капитализма. Когда социалистическая революция свергла старую Российскую империю и камнями на камне не оставила от классовых привилегий эксплуататоров, в 1919 году партия приняла вторую программу, которая неизведанными путями повела нашу Родину к социалистическому обществу; и сейчас, когда в Советском Союзе социализм победил полностью и окончательно, проектом своей третьей программы партия намечает задачу — в два десяти-

тилетия осуществить самую светлую мечту человечества — коммунизм, зримые приметы которого видны на каждом шагу в нашей жизни.

* * *

Сколько дум и размышлений вызывает каждый пункт, каждая строка проекта новой Программы. Она вселяет и укрепляет в нас веру в непобедимость Родины. О годах Великой Отечественной войны в проекте сказано, что она была «самой тяжелой из всех войн, какие когда-либо знала история. Победа советского народа в этой войне подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить наступательное развитие социалистического общества».

Самая тяжелая из всех войн, какие только помнит история человечества! Мне вспоминаются так называемые зоны пустынь на Смоленщине, где гитлеровцы устроили настоящий ад. Из сожженных сел люди бежали в леса, где зимой невозможно было достать хоть какую-нибудь пищу. Зимой 1942 года к нашим бойцам в лес, на берег реки Угры, откуда-то пришла маленькая девочка, — на этого опухшего от голода ребенка страшно было смотреть. Девочка сказала, что местные жители прячутся где-то недалеко, в землянке, и попросила картофельную кожуру, лепешку, мол, испечем. Бедняжка думала, что мы здесь — целый полк с походными кухнями.

У нас картофельной кожуры не оказалось, и мы отдали ей все, что имели: хлеб, колбасу и зеленое лобio с мясом, такое замерзшее, что разрубить его можно было только топором. Мы отдали ей все, что имели, и жизни своей не пожалели бы для несчастной девочки. Но вместо добра, даже не подозревая об этом, мы совершили зло: бедные люди голодали так долго, что им ни в коем случае нельзя было есть эту пищу... Уже после войны я прочитал: 12 апреля 1945 года, при осмотре Берген-Бельзенского лагеря смерти; сразу же после изгнания фашистских палачей, медицинский персонал союзников и сотрудники Красного Креста увидели там тысячи людей, превращенных голодом в тени. Даже медики не знали, как помочь этим людям — сперва давали им протертую пищу и ввели в вены спе-

циальные препараты. Но и эта предосторожность не помогла: прошедшим через гитлеровский ад несчастным людям такая помощь принесла только новые мучения, многие погибли. Позже установили, что в таких случаях лучшей пищей является снятое молоко.

Кто перечислит, кто опишет все несчастья, которые принесла война человечеству! И сколько надежд, сколько радости испытывают народы всего мира, читая проект новой Программы партии Ленина, этот новый Коммунистический манифест, намечающий пути к вечному миру. Каждый коммунист, каждый труженик ясно представляют себе свою роль в построении на земле дня завтрашнего. «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма», — читаем мы в этом новом великом документе об извечной мечте человека. В 1795 году немецкий философ Иммануил Кант написал книгу «О вечном мире», но практическое осуществление этого идеала он передвинул в какое-то далекое, окутанное туманом, несбыточное будущее. Мы не вправе упрекать выдающегося философа: ведь тогда не было той силы, которая противостояла бы войне, тогда вечный мир был мечтой, иллюзией, а сегодня это практическая задача, которую коммунизм ставит перед человечеством! Проект Программы дает ясное представление о наших силах, он показывает, что народы могут избежать мировой войны волей могущественного социалистического лагеря, волей миролюбивых несоциалистических государств, объединенными усилиями международного рабочего класса и вообще всех, кто защищает дело мира.

И проект Программы показывает нам реальные пути осуществления народами этой благороднейшей задачи всемирно-исторического значения.

Проект Программы всенародно провозглашает: обеспечить свободное развитие языков советских народов, не допускать никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков; в условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения!

Этого требует мудрая ленинская

национальная политика, и это дает всем народам Советского Союза новый стимул на пути их национального развития, в том числе грузинскому народу — еще больше развивать наш язык — язык Руставели и Ильи Чавчавадзе, беречь и защищать его.

Тысячелетия боролись грузины и армяне, белорусы и украинцы, чтоб спасти свой родной язык. Разве не так было и в годы Великой Отечественной войны, когда стихи на родном языке придавали воинам-грузинам новые силы. И сколько славных сынов Грузии пало на поле битвы, спасая свой язык и свою Родину...

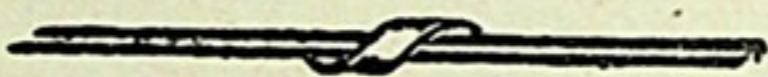
И ты, мой маленький первоклассник или первоклассница, в день, когда мать даст тебе в руки букварь и поведет в школу, помни, не забывай, что ценой целого моря крови и слез, ценой страшных мучений и испытаний спасли мы твою родную рочь, «Дэдаэна», эту маленькую книжку, что лежит у тебя в ранце... До революции

твой родной язык был в загоне. Свобода, которую принесла нам партия Ленина, возродила его. Опирайся на эту партию — она выведет тебя на большую дорогу, в большой мир.

Я говорю это потому, что человеку, пустившему глубокие корни в родную почву, будет легче изучить другой, братский язык. А без этого и нельзя, ведь мы живем в стране братских народов, и брат не может не знать языка своего брата.

В основе нашей культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, лежит высокий интернационализм и святой советский патриотизм. Этим и обусловлена огромная сила воздействия советской культуры на миллионы трудящихся.

В знаменательные дни подготовки к историческому XXII съезду КПСС и к XXI съезду КП Грузии мы читаем и перечитываем с огромным воодушевлением мудрые слова проекта Программы Коммунистической партии нашей страны.

«В целях полного удовлетворения потребностей всего населения и народного хозяйства в сельскохозяйственных продуктах ставится задача увеличить ОБЩИЙ ОБЪЕМ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА за 10 лет примерно в два с половиной раза, а за 20 лет — в три с половиной раза. Рост продукции сельского хозяйства должен опережать растущий спрос на нее. Советский Союз в первом десятилетии перегонит Соединенные Штаты Америки по производству основных сельскохозяйственных продуктов на душу населения».

(Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза).

Сергей Еркомаишвили,
академик Академии сельскохозяйственных наук Грузинской ССР

За высокую культуру животноводства

Больше мяса, больше молока, больше продуктов животноводства! Этот призыв не сходит со страниц газет, он вдохновляет всех тружеников сельского хозяйства, он записан в решениях пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии и совещаний, обсуждавших эти вопросы в республиках, краях, областях Советского Союза.

Сейчас, накануне крупнейшего события — XXII съезда КПСС, на котором будет приниматься Программа коммунистического строительства в нашей стране, одна из важнейших наших забот — добиться того, чтобы на столе у советских людей всегда были свежее вкусное мясо, свежие яйца и молочные продукты.

Эта задача нашла свое законное место в величайшем документе современности — проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза, в котором дана развернутая перспектива создания изобилия сельскохозяйственных продуктов.

«Быстрыми темпами будет развиваться животноводство. Объем производства животноводческих продуктов увеличится: по мясу за первое десятилетие

примерно в три раза, а за двадцать лет — почти в четыре раза; по молоку — за десять лет более чем в два раза, а за двадцать лет — почти в три раза».

Такое резкое увеличение производства мяса, молока, яиц и других продуктов животноводства — самый верный путь улучшения качества, структуры питания.

Говоря о правильной структуре питания человека, мы имеем в виду физиологически обоснованное количественное соотношение между основными группами продуктов животноводства (мясо, молоко, яйца) и растениеводства (хлеб, крупа, овощи, плоды и др.).

Экспериментальные исследования подтвердили, что мясо, молоко, яйца, в отличие от многих продуктов растительного происхождения, легко перевариваются организмом человека и являются основным источником его белкового и жирового питания. Недостаток в этих продуктах отрицательно сказывается на работоспособности и стойкости организма. Кроме того, известно, что чем выше культурно-технический уровень населения, тем больше потребность человека в мясных и молочных продуктах.

По принятым нормам питания в сред-

нем годовая потребность одного человека в Советском Союзе, выраженная в основных продуктах, составляет: зерно и овощи (в эквиваленте зерна) — 190 кг; мясо всякое (в живом весе) — 160 кг; молочные продукты (в переводе на молоко) — 540 кг; яйца — 290 штук.

Примерно половину нормы молочных продуктов человек должен получать в виде молока ежедневно, остальную часть — в виде масла, сыров, сгущенного и сухого молока и других продуктов.

Принятые в СССР нормы питания значительно выше, чем в США. И перед животноводцами СССР стоит задача догнать, а в перспективе и значительно превзойти Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и других продуктов на душу населения.

Чтобы удовлетворить потребность населения нашей республики в животноводческих продуктах, к концу семилетки необходимо иметь:

мяса всех видов (в убойном весе) — 352 000 тонн;

молока (в том числе для выращивания телят) — 2 100 000 тонн;

яиц (в том числе для инкубации) — 1 200 млн. штук.

А семилетний план Грузии, исходя из реальных возможностей, предусматривает на 1965 год производство мяса — 175 000 тонн, молока — 1 010 000 тонн. Поэтому, разумеется, еще продолжительное время мы будем завозить мясо и остальные продукты животноводства из других республик. Это, безусловно, затруднит бесперебойное снабжение населения качественными продуктами питания, прежде всего, свежим мясом и молоком, не говоря уже о дополнительных расходах, связанных с перевозкой и длительным хранением продуктов.

Но полностью решить задачу обеспечения населения республики продуктами животноводства собственного производства за годы семилетки будет нелегко. Это станет реальным, когда будет полностью осуществлена правильная организация животноводческих хозяйств — систематическое повышение зоотехнической и ветеринарной культуры, выявление и правильное использование всех резервов, в особенности расширение и качественное улучшение кормовой базы, применение современной техники и внедрение комплексной механизации.

Труженики колхозов и совхозов нашей республики за последние 2—3 десятилетия показали прекрасные примеры выявления и творческого использования резервов развития таких отраслей, как чаеводство, табаководство, цитрусоводство, виноградарство и другие.

К сожалению, этого нельзя сказать о

полеводстве (главным образом, о производстве зерна) и животноводстве. Объясняется это тем, что названными отраслями сельского хозяйства у нас занимались мало, резервы их ускоренного развития выявлялись слабо или не использовались в достаточной степени.

За последние 7—8 лет достигнуты некоторые успехи в области животноводства. Так, среднегодовой удой одной фуражной коровы увеличен почти в три раза и в прошлом году составил 1 286 кг. Но и этот показатель, по сравнению с данными отдельных колхозов, совхозов и передовиков молочного скотоводства, добившихся 5—6 тысяч и больше килограммов от одной фуражной коровы, говорит о том, что и в этой области имеющиеся резервы выявлены недостаточно. Так же обстоит дело и с производством мяса; с 1953 по 1960 год его валовая продукция выросла только на 18 процентов.

Решение задачи ускоренного развития животноводства в нашей республике не ограничивается лишь расширением производства мяса, молока и других продуктов, необходимы еще высокая культура и доходность животноводства, которое занимает особое место в экономике всего народного хозяйства, а также каждого колхоза, совхоза и района Грузии.

Горные местности занимают у нас половину земельных угодий. Известно, что сельское хозяйство и его экономика в горных районах развиваются все еще медленно, значительно отстают от темпов развития низменных местностей, где занимаются, в основном, культурой чая, субтропическим и континентальным плодоводством, виноградарством и т. п.

Развитие и создание культурного животноводства и соответствующей обильной кормовой базы — единственно надежный путь развития экономики и культуры сельского хозяйства в колхозах и совхозах высокогорных районов республики. Надо сказать, что в настоящее время животноводство — самый трудный и все еще отстающий участок в борьбе за резкий подъем экономики всего сельского хозяйства Грузии. Поэтому такие показатели, как себестоимость продукции, затраты труда и денег на единицу продукции все еще высоки, а рентабельность животноводства в ряде колхозов ниже, чем рентабельность других отраслей. В колхозах республики себестоимость 1 центнера мяса в живом весе по данным 1959 года составила: говядины — 1 628 руб., свинины — 1 943 руб., баранины — 518 руб., птичьего мяса — 2 365 руб., себестоимость молока — 228 руб., шерсти — 2 448 руб., яиц — (100 шт.) — 160 руб. За последние 40 лет в СССР затраты труда на 1 га пше-

ницы уменьшились в 4 раза, на производство 1 центнера пшеницы в 5 раз. А производительность труда при производстве мяса и молока за это время возросла всего лишь на 40 процентов, в птицеводстве же и того меньше — на 15—20 процентов.

Какими же резервами для расширения производства мяса, молока, яиц и других продуктов мы располагаем и над чем работают животноводы и ученые нашей республики?

Луга и пастбища, почвы для производства полевых кормовых культур, многочисленные кормовые отходы и другие источники содержания сельскохозяйственных животных вполне могут обеспечить успешное развитие животноводства до уровня полного удовлетворения населения обильными нормами питания.

Расчеты показывают, что без ущерба для производства чая, винограда, табака, плодов и так далее интенсификация полеводства и луго-пастбищных кормовых угодий может обеспечить годовое производство до 8 миллионов тоннокормоединиц различных кормов. А этого вполне достаточно для производства продуктов животноводства в размерах: мяса всех видов — 410 000 тонн (в убойном весе), молока — 2 500 000 тонн, яиц — 1,5 миллиарда штук; шерсти — 7 500 тонн.

Из всех видов продуктов животноводства в условиях нашей республики труднее всего поддается росту производства и улучшению качества мясо. Существующие за последние 7—8 лет темпы его роста далеко не достаточны.

Заостряя внимание на резком увеличении производства мяса в Грузии, а следовательно и на систематическом сокращении доли завезенного из других республик мяса, мы, тем самым, разрешим два основных вопроса. Во-первых — наш потребитель будет получать свежее, в диетическом отношении высококачественное мясо. Во-вторых — расширение производства мяса (говядины, баранины) вынудит нас мобилизовать кормовые резервы, прежде всего интенсифицировать наши естественные кормовые угодья (сенокосы, пастбища, выгоны, редколесье и кустарники), шире использовать отходы растениеводства и переработки ряда продуктов. Благодаря этим мероприятиям значительно возрастут доходы колхозов и совхозов, не говоря уже об увеличении валовой продукции мяса и других продуктов животноводства.

При определении структуры производства мяса, обязательно надо учесть вкусы потребителя в настоящее время и в будущем, а также конкретные кормовые ресурсы. Сегодня наш потребитель отдает предпочтение мясу с хорошо развитой мышечной тканью, умеренно жирному.

Эволюция вкуса потребителя к мясным продуктам закономерно меняется, и не учесть этого никак нельзя.

Интересно, что незадолго до войны в США и европейских странах в мясном балансе ведущее место занимала свинина, а в настоящее время ее удельный вес систематически снижается.

Экономический фактор, прежде всего себестоимость различных видов мяса, также предопределяет производство и потребление мяса. Почти во всех странах наиболее дешевое мясо дает овцеводство и крупное рогатое скотоводство. По данным годовых отчетов колхозов и совхозов, себестоимость одного центнера мяса птицы и свинины примерно в два раза выше себестоимости говядины и баранины. Объясняется это тем, что овец и крупный рогатый скот можно содержать на пастбищах, притом с минимальными затратами труда. Свиней и птиц приходится кормить преимущественно концентратами — дорогостоящими кормами, и на уход и содержание их расходуется намного больше труда и других средств, чем на содержание овец и крупного рогатого скота.

Учитывая возможности производства кормов в нашей республике и вкусовые тенденции потребителя, производство мяса в перспективе должно иметь примерно следующую структуру (в убойном весе, в процентах): говядина — 50, баранина — 10, свинина — 20, птичье мясо — 20.

Резервами роста производства мяса являются откорм и нагул скота; качество, т. е. породность поголовья сельскохозяйственных животных, структура стада, плодовитость маточного поголовья и условия выращивания молодняка.

Но ведущими резервами являются правильно организованный откорм всех видов животных и нагул крупного рогатого скота и овец.

Массовые опыты, проведенные во Всесоюзном институте мясной промышленности, показали, что при правильно организованном откорме молодняк крупного рогатого скота в возрасте 2,5 года за 90 дней обильного кормления увеличивает живой вес на 48 процентов, убойный вес на 85 процентов, съедобное мясо (мускулатура и жировые отложения) на 205 процентов.

В настоящее время немало передовых производств в результате откорма скота за 2,5—3 месяца получают увеличение живого веса одной головы на 120—160 кг и больше.

Но особенно экономичным является откорм на пастбищах крупного рогатого скота и овец. К тому же известно, что на горных пастбищах молодняк крупного и мелкого рогатого скота наращивает

мясо высокого качества. Животное быстро достигает установленного планом живого веса: сокращается таким образом продолжительность откорма, меньше корма расходуется на 1 кг привеса, значительно снижается себестоимость мяса. Не учитывая этого элементарного правила, некоторые руководители колхозов и ферм все еще допускают «экономное кормление» животных, поставленных на откорм. Это приводит к результатам прямо противоположным — увеличивается расход корма на производство 1 кг мяса, значительно повышается себестоимость продукции, откорм становится нерентабельным. Короче, обильное кормление мясного скота — верное средство уменьшения расхода корма на единицу привеса.

Наши ученые провели много работ по изучению мясных качеств местных пород сельскохозяйственных животных, установили меру влияния различных кормовых рационов на откорм и качество мяса и так далее.

Эти исследования показали, что существующее в колхозах и совхозах республики поголовье крупного и мелкого рогатого скота, свиней и птиц, при правильной организации откорма и нагула может увеличить продукцию качественного мяса вдвое и втрое больше против производимого в настоящее время. Тетрицкаройский район, например, в результате правильной организации доращивания молодняка и нагула крупного и мелкого рогатого скота успешно выполнил взятые обязательства.

В настоящее время потребитель не всегда имеет возможность выбора мяса. Но по мере увеличения его производства можно будет выбирать только качественное, подходящее по вкусу мясо. Задача заключается в систематическом улучшении его качества.

А оно зависит от возраста, породных особенностей и условий кормления животных. Чем они моложе, тем нежнее их мускулатура, а мясо легче поддается кулинарной переработке, оно вкуснее и ароматнее, лучше усваивается организмом человека.

Для решения основной задачи увеличения производства продуктов животноводства необходимо значительно расширить численность поголовья, а это вынуждает пока строго регламентировать забой молодняка и временно отказаться от самого вкусного мяса — телятины, поросятины, ягнятины.

В перспективе, по мере увеличения численности поголовья и повышения продуктивности животноводства основным источником производства говядины будет молодняк 1—1,5-годичного возраста, свинины — мясное и беконное поголовье

6—7-месячного возраста, баранины — молодняк 10—12-месячного возраста, птичьего мяса — бройлеры (2,5-месячные цыплята) и «зеленые утки» 2-месячного возраста.

Для получения вкусного мяса нужно заботиться и о кормах. Корма с неприятным запахом (рыбная и мясная мука, куколки тутового шелкопряда и др.) при их неправильном использовании могут придать мясу неприятный запах и вкус, которые передаются даже яйцам и молоку. Корма, богатые жировыми веществами — соевые бобы, овес, отруби, при широком применении способствуют отложению мягкого, иногда неприятного на вкус жира.

Получение мяса с хорошо развитой мышечной тканью во многом зависит от уровня белкового питания растущего животного. Мышечная ткань — почти полностью белковое вещество. При нехватке кормов, содержащих достаточное количество белка, молодняк плохо растет и развивается, а мясо получается дряблое, невкусное. В процессе варки оно выделяет очень мало азотистых экстрактивных веществ, поэтому бульон получается жидкий, безвкусный и не ароматный.

Важным источником увеличения производства мяса является метизация, т. е. скрещивание различных пород животных. Чем больше скрещиваемые породы отличаются друг от друга, тем лучше эффект. Первое поколение животных, получаемых в результате скрещивания, растет и развивается быстрее, дает на 15—25 процентов мяса больше, чем их родители. При этом на получение 1 кг мяса расходуется корма примерно на 20 процентов меньше, чем в обычных условиях.

В наших условиях хорошие результаты дает скрещивание хряков крупной белой и мангалицкой пород с местными свиньями.

В овцеводстве и крупном рогатом скотоводстве метизация ведется уже давно. Но она не полностью показала свои возможности, так как недостаток кормов тормозит увеличение продуктивности. Благодаря некоторым сдвигам в породном отношении достигнуто увеличение годового удоя от каждой коровы на 800 кг.

Исключительно большую роль в улучшении породных качеств и расширенной репродукции животных должна сыграть единая сеть племенного дела и искусственного осеменения. В ряде районов уже созданы все условия для использования высокопродуктивных, проверенных по потомству, породистых производителей. Способ искусственного осемене-

ния дает возможность быстро переделать природу стада и в 10—15 раз уменьшить число быков-производителей. Один бык-производитель вместо 100 коров искусственно может осеменить 1 500—2 000 коров.

Современные методы и техника искусственного осеменения дают возможность широко использовать высокоценных производителей для получения от них большого потомства. Бык Нептун (США) с 1952 года по 1957 год осеменил 118 247 коров. Максимальное годовое осеменение в 1957 году достигло 24 766 коров. Дочери этого быка дали в среднем за год каждая на 580 кг молока больше, чем их матери.

Сейчас в колхозах и совхозах нашей республики ведется интенсивная работа по внедрению передовых методов ведения животноводства — беспривязное содержание скота в сочетании с обильным кормлением; выращивание телят путем группового подсоса под коровами-кормилицами; крупностаночное содержание молодняка и откормочников в свиноводстве с автоматической подачей корма и воды; комплексная механизация всех основных трудоемких процессов, в первую очередь дойки электромеханическими установками; перевозка овец с зимних пастбищ на летние и обратно автотранспортом; электромеханическая стрижка овец и т. д. Общий уровень механизации животноводства в республике все еще не достаточно высок. Поэтому предстоит большая работа по решению этой важнейшей проблемы нашего сельского хозяйства.

Параллельно осуществляются у нас мероприятия по резкому увеличению валового производства молока.

Для осуществления этой задачи выделяются два основных направления.

Первое — увеличение числа коров в колхозах и совхозах, второе — увеличение продуктивности молочного скота. Улучшив работу всей сети племенных станций и станций искусственного осеменения, ликвидировав яловость коров, животноводы республики достигнут получения 100 телят от 100 коров. При правильной организации кормления и содержания, телки могут идти в случку в возрасте 18—24 месяцев, вместо 30—36 месяцев в настоящее время, т. е. на год позже возможного. Таким образом, можно заметно ускорить рост численности поголовья коров и на 20—30 процентов сократить расходы, связанные с выращиванием телки, а главное, от одной коровы получить дополнительно одного теленка и одну лактацию.

Молочная продуктивность коровы зависит не только от ее породных и индивидуальных свойств, но и от условий

кормления. При правильном кормлении и содержании любая порода может обеспечить в среднем 2 000 кг молока на фуражную корову.

Хевсурская порода может дать 2 000—2 500 кг молока на корову. Существующее в настоящее время поголовье коров в колхозах и совхозах республики в состоянии обеспечить в среднем 2 500 кг молока на фуражную корову. Следовательно, главнейшими резервами быстрого и резкого увеличения производства молока является кормовая база: полное обеспечение скота не только общим уровнем кормления, но и белковым, витаминным и минеральным питанием.

Путем метизации местного скота производителями швицкой породы, главным образом, в Дманисском, Боржомском, Ахалкалакском, Цалкском и других животноводческих районах республики образовалась новая большая группа скота с хорошими молочными и мясными качествами. Этот скот признан новой породой и в настоящее время именуется кавказским бурым скотом.

Большая работа ведется у нас по увеличению жирности молока. Для этой цели недавно начали использовать производителей джерзейской породы, самой жирномолочной среди культурных пород мира. Хорошие результаты получены от скрещивания коров красной степной породы, дающей очень жирное молоко. Коровы, полученные от такого скрещивания, унаследовали от красного степного скота высокую молочность, а от хевсурских коров — большой процент содержания жира в молоке.

Итак, улучшение пород крупного рогатого скота дает возможность одновременно увеличить живой вес и скороспелость стада, а также удойность и жирность молока.

Одним из важных мероприятий по организации высококультурного животноводства является укрупнение производства путем создания межколхозных объединений. В республике в прошлом году было организовано 79 межколхозных нагульных гуртов с поголовьем в 14 тысяч, что позволило получить 9 000 центнеров прироста живого веса скота.

Кроме того, в Грузии организовано 37 межколхозных птицеферм. На этих фермах сосредоточено до 22 процентов общего поголовья птицы всех колхозов республики. На Кобулетской межколхозной птицеводческой ферме в 1960 году себестоимость 1 килограмма птичьего мяса составила 13 р., а на колхозных мелких фермах — 30 р., себестоимость десятка яиц составила 7 р. 80 коп., на колхозных фермах — 20 р. в старых деньгах.

Укрупнение животноводческих производств дает возможность расширить производство продуктов животноводства с наименьшими затратами труда и других средств, снизить себестоимость продукции и повысить рентабельность производства.

До последнего времени основным продуктом овцеводства считалась шерсть. В будущем же на первый план выдвигается мясо. Следует учесть, что природную шерсть постепенно заменит синтетическая. А потребность в мясе, в частности баранине, будет все время увеличиваться. Поэтому необходимо приложить все усилия по линии реконструкции породного состава, кормовой базы и техники ведения овцеводства, чтобы значительно увеличить и качественно улучшить мясную продуктивность овец. Наряду с этим следует совершенствовать и шерстную продуктивность, хотя в овцеводстве республики именно в этой области имеются известные сдвиги по улучшению породности.

Но в результате огульной метизации почти исчезла тушинская порода овец, древняя и хорошо приспособленная к суровым условиям отгонного овцеводства. А ведь тушинская овца дает самую вкусную баранину и первоклассную шерсть для производства качественных ковров. Теперь уже ведется работа по восстановлению тушинской породы овец и по дальнейшему ее улучшению путем разведе-

ния «в себе», то есть без скрещивания.

В овцеводстве у нас широко внедряется ранний (декабрь, январь) окот, который, в отличие от позднего, обеспечивает более качественный приплод, а также увеличение живого веса молодняка на осень до 10 килограммов, а шерсти на 1,0—1,5 килограмма. Это мероприятие, в сочетании с улучшением структуры стада овец, т. е. доведением удельного веса овцематок в зимнем поголовье до 75—80 процентов, значительно увеличивает выход баранины и шерсти, снижает себестоимость продукции, повышает доходность овцеводства.

Наряду с коренными мероприятиями по расширению кормовой базы, следует заботиться о систематическом улучшении белкового питания, учитывая, что недостаток его сильно тормозит рост и развитие молодняка, снижает продуктивность и плодовитость животного, увеличивает расход корма на единицу продукции и способствует развитию различных заболеваний организма.

Решительно внедряя весь комплекс прогрессивных способов зоотехнической работы при широком использовании достижений науки и передового опыта, животноводы нашей республики обеспечат действительно большой размах и резкий подъем производства мяса, молока, яиц и других продуктов. А это будет конкретным осуществлением задачи, поставленной в проекте Программы нашей партии.

Н. Новицкий

Странички с выставки

РЕПОРТАЖ

БЕЗ ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫХ БИЛЕТОВ

— Поедем на выставку!

Эту фразу, начиная с весны, я слышу все чаще и чаще. Я слышу ее на заводах и фабриках, в научных институтах, в знакомых мне семьях... Собираются экскурсионные группы, в воскресный день отец берет детей, отправляются и в одиночку — куда? На выставку!

Так рождается традиция. Подобно тому, как москвичи и гости Москвы считают обязательным для себя посетить Выставку достижений народного хозяйства СССР, так и мы, тбилисцы, и гости нашего города все лучше узнаем дорогу на выставку...

Это одна из самых молодых в стране республиканских Выставок достижений народного хозяйства. Открылась она 11 мая нынешнего года, в канун торжественного празднования 40-летия установления Советской власти и образования Компартии Грузии. В тот же день ее посетил Никита Сергеевич Хрущев — дорогой и почетный гость грузинского народа на его славном национальном празднике. Прошло с того памятного дня не так много дней. Но выставка органически вошла в жизнь республики, ее посетили уже десятки тысяч людей, она наглядно показывает, чем и как встречаются трудящиеся республики XXII съезд КПСС и XXI съезд Компартии Грузии.

Трудно объехать Грузию даже за несколько дней, чтобы познакомиться с различными ее уголками, в том числе и с далекими горными районами. А выставка дает вам возможность в течение нескольких часов получить яркое представление о всем многообразии природы Грузии, заглянуть и в поднебесные горные районы, и на Черноморское по-

бережье, и на чайные плантации, и на поля Кахетии... И всюду вы видите новое лицо Грузии, чудесно преображенное за сорок лет Советской власти. Вы видите, как сказочные богатства Грузии коммунисты и все трудящиеся республики поставили на службу народу. Вы видите, как участвует Грузия в создании материально-технической базы коммунизма и какое место предстоит ей занять в решении величественных задач проекта Программы КПСС, которая будет утверждена на XXII съезде партии.

Выставка, однако, заставляет вас не только с гордостью за республику оглянуться на пройденный ею путь, она зовет и к новым победам, к новым свершениям, к новым трудовым подвигам.

За то небольшое время, что она существует, выставка стала неотъемлемой частью нового, социалистического Тбилиси. Расположена она в Дидубе, районе, который получил за годы Советской власти большое промышленное развитие. Былой тбилисской окраине здесь пришел конец еще в тридцатых годах, когда поднялись корпуса камвольно-суконного комбината «Советская Грузия». А вслед за ним появились и другие предприятия, развернулось жилищное и коммунальное строительство. Сейчас выставка выходит на проспект Акакия Церетели, центральную магистраль этого района, быстро застраиваемую новыми зданиями. И когда по проспекту вы подъезжаете к выставке, первое, что предстает перед вами — это кварталы жилых домов и корпуса предприятий, зелень деревьев и асфальт магистрали, а дальше, за извилистой лентой Куры, легко взбираются на крутой берег мачты линии электропередачи. На этом фоне сильно, броско выступает высоко взметнувшаяся ввысь скульптура «Полет разума», открывшая вход на выставку.

Вы только ступили на ее территорию, а красочные панно уже предваряют ваше знакомство с ее павильонами, с ее экспонатами:

— В республике 1 667 крупных предприятий...

— В 40 раз возрос выпуск промышленной продукции по сравнению с 1913 годом...

— На полях республики работают 12 254 трактора (в 15-кратном исчислении) и 1 687 комбайнов...

— 25 процентов всей обрабатываемой площади занимают насаждения чая, виноградников, цитрусовых, плодовых и других ценных многолетних культур...

— Грузия — республика сплошной грамотности...

— Грузия — всесоюзная здравница...

Да, такова сегодня Советская Грузия, с которой нам предстоит познакомиться в павильонах выставки...

ИНТЕРВЬЮ С ХОДУ

Первое интервью на выставке мы получили у ее директора Вахтанга Александровича Лоладзе. Отвечая на наши вопросы, он рассказал, как возникла выставка, как она работает, какие преследует цели.

В. Лоладзе: История выставки коротка. Впервые, как промышленная выставка столицы Советской Грузии, она была открыта в дни празднования 1500-летия Тбилиси. Ей была отведена территория бывшего плодоягодного питомника Министерства сельского хозяйства Грузинской ССР, на которой были сооружены павильоны временного типа, а к существующим многолетним насаждениям добавлены новые. Выставка 1958 года пользовалась успехом, сыграла свою роль, показала развитие тбилисской промышленности за годы Советской власти. Неудивительно поэтому, что спустя некоторое время, когда началась подготовка к 40-летию Советской Грузии, решено было на базе существующей создать новую, уже республиканскую выставку, и при этом отражающую достижения не только промышленности, но и других отраслей народного хозяйства...

Работа, связанная с реорганизацией и расширением выставки, оказалась весьма сложной. Были привлечены творческие организации, общественность, предприятия республики, и это определило успех дела. Территория выставки выросла в полтора раза, планировка ее изменилась. Были сооружены новые, капитальные павильоны. Теперь их — 14...

Знакомство с выставкой начинается с Главного павильона, где посетитель получает общее представление о расцвете экономики и культуры Грузии за 40 лет Советской власти. Особенно запоминается здесь гигантская рельефная кар-

та Грузии, показывающая возникновение и развитие в республике новых очагов промышленности.

Легко представить себе, какие чудесные изменения произойдут на этой карте в ближайшие два десятилетия, в течение которых в СССР, как это записано в проекте Программы КПСС, будет в основном построено коммунистическое общество. Картографов ждет много работы. Им предстоит год за годом наносить на карту обозначения все новых и новых крупных индустриальных центров, ирригационных систем, городов и поселков. И через двадцать лет будет действовать старушка ЗАГЭС — первая крупная электростанция Грузии, которой к тому времени пойдет шестой десяток. Но к тому времени Грузия будет уже республикой сплошной электрификации, новые электростанции возникнут и на тех реках, на которых их пока нет, — на Ингури, Бзыби, Кодори и других, а линии высоковольтных передач смело шагнут через самые высокие горные перевалы, на соединение с Единой Энергетической Системой СССР. Да, такой мы видим на этой выставке и этой карте Грузию, шагающую в коммунизм...

Из Главного павильона вы попадаете в павильон строительства и промышленности строительных материалов, затем — в павильон металлургической и химической промышленности, и сразу же оказываетесь в гуще строек, кипучей индустриальной жизни республики. А тут же рядом, в окружении зеленых насаждений, расположилось легкое, как оранжерея, но капитальное строение павильона сельского хозяйства. Здесь царит густой аромат цитрусов, фруктовых садов, эфирососов, а более чем саженая кукуруза заставляет вас высоко поднимать голову. Далее вы следуете в павильон трудовых резервов, где знакомитесь с тем, как растет и обучается новое поколение рабочего класса Грузии, и в павильон потребительской кооперации, где показан рост культуры и зажиточности грузинского села. В павильоне лесной и бумажной промышленности вам, бесспорно, особенно понравятся типовые квартиры «в разрезе», обставленные малогабаритной мебелью тбилисского производства, а в павильоне машиностроения с его открытой площадкой вас со всех сторон обступят машины, станки, приборы, многие из которых Грузия посылает не только во все уголки Советского Союза, но и во многие страны мира. В павильоне легкой и текстильной промышленности ваше внимание, несомненно, в первую очередь привлекут модели одежды, обуви, галантереи, а также тканей образца 1961 и 1962 годов. И наконец, минуя еще ряд павильонов и открытых площадок, вы попадете туда, где на многих

стендах показаны успехи пищевой индустрии Грузии, дающей почти половину всей валовой промышленной продукции республики.

Есть на выставке и ряд уголков отдыха, киоски, ларьки, предназначенные для обслуживания посетителей. Один из киосков оформлен в виде большого винного кувшина, другой приспособлен к продаже чая... В дальнейшем дирекция выставки намечает проводить тематические дни, посвященные новой технике, встречи новаторов и соревнующихся друг с другом предприятий.

...Директор выставки провел нас по маршруту, каким шел по ней Никита Сергеевич Хрущев. Его сердечно приветствовали сотни людей, а пояснения в павильонах давали и президент Академии наук Грузинской ССР, и рядовой рабочий-наладчик... Деловые замечания Никиты Сергеевича об отдельных экспонатах, например, о тбилисских токарных станках с программным управлением, о кутаисских автомобилях «Колхида», о широком продвижении в массовое производство новых товаров народного потребления — все это уже служит делу, практически осуществляется работниками промышленности.

Большую радость доставило и то, что Никита Сергеевич заглянул в «марани», точь в точь такое же, как скажем в Кахетии, и, сидя здесь на пенечке, под навесом, отведал грузинского вина и хачапури. Это был добрый знак уважения к традиционному грузинскому гостеприимству, духом которого проникнута вся работа выставки.

ЭМБЛЕМА ВРЕМЕНИ

«Добро пожаловать на выставку!» И люди идут и идут сюда. Много не только тбилисцев, но и приезжих из районов республики. А сколько побывало здесь гостей из других республик нашей страны и из-за рубежа! Вот два характерных штриха. Из Ташкента прибыла сюда делегация, возглавляемая секретарем горкома партии: столица Узбекистана решила перенять опыт Грузии в деле организации, планировки, художественного оформления Выставки достижений народного хозяйства. А спустя несколько дней делегация французских женщин записывает в книгу посетителей восторженный отзыв о тбилисских духах и предсказывает нарождающейся грузинской парфюмерии большое будущее.

В один из вечеров в начале августа выставку посетила гостившая в Тбилиси партийно-правительственная делегация Румынской Народной Республики. Территорию выставки освещали прожектора, павильоны стояли, залитые электрическим светом. Это было очень

красивое зрелище. Самое же большое впечатление на делегацию произвели экспонаты выставки, выразительно рассказывающие о том пути, который прошла Грузия за 40 лет Советской власти и которым она идет к светлому будущему — коммунизму. Внимание гостей, например, привлек самосвал Кутаисского автозавода имени Орджоникидзе. Накануне приезда гостей завод выпустил 50-тысячный автомобиль. Нам было понятно, почему с таким волнением рассматривали гости грузинскую автомашину. Ведь некий американский бизнесмен изрек как-то, что если румыны научатся делать тракторы, то он первый бросится под колеса этого трактора. И теперь румыны делают тракторы точно так, как делают, например, автомашины грузины. И еще кое-что посложнее научились делать народы стран социализма, несмотря на карканье из-за океана.

На следующий день, выступая во Дворце спорта, глава делегации Георге Георгиу-Деж говорил: «Посещение Выставки достижений народного хозяйства Грузии, хотя и беглое, показало нам богатую картину всестороннего развития экономики и культуры вашей республики, неуклонного роста жизненного уровня трудящихся, блестящие успехи, достигнутые грузинским народом под руководством Коммунистической партии Грузии — боевого отряда КПСС».

Прекрасно сказано!

И так — день за днем. Самые разные люди сходятся в одном: выставка радуется, учит, зовет к новым успехам! Ведь об этом говорит и ее эмблема — скульптурная композиция, установленная у входа.

Художник-архитектор Леонид Сардионович Мамаладзе назвал свою работу, водруженную у входа на республиканскую выставку, — «Полет разума». На монолитном постаменте установлена динамическая конструкция из бетона и стали, которая завершается такой же динамической фигурой из стали, неудержимо рвущейся ввысь. Приглядитесь к фигуре: одной рукой она держит факел, другая... Да это крыло птицы! Рука-крыло! Таким представляется художнику человек наших дней. А теперь оторвите свой взор от стремительных линий фигуры, вознесенной на высоту 24 метров, и присмотритесь к постаменту. По обе стороны его — барельефные портреты К. Э. Циолковского и Ю. А. Гагарина. Это ли не символ наших дней?

Впрочем, послушаем самого художника:

— Действительно, замысел «Полета разума» родился под впечатлением исторического прорыва нашей страны в космос. Он зрел, принимал законченные очертания по мере того, как один за

другим отрывались от нашей планеты советские космические корабли. Около года шла работа над созданием этой композиции. Мне хотелось выразить свой замысел современными художественными формами, использовать для этого современные материалы. Весь коллектив художников и архитекторов трудился над тем, чтобы в этом плане решить архитектуру и живописные формы всей выставки. Композиция, которую вы видите у входа, это, своего рода, и энергичное приглашение к тому, чтобы вы познакомились и с другими работами художников на выставке.

Мы стремились, чтобы планировка выставки была удобна для посетителей, а линии и формы павильонов предельно просты, ясны, лаконичны. Обратите внимание прежде всего на Главный павильон, на его дугообразное расположение... Если вы заметили, на выставке нет ни одного зала в обычном понимании этого слова, где посетителям приходится переходить от стены к стене, долго кружить в одном и том же помещении; здесь он может легко и свободно переходить из павильона в павильон. При этом он видит по одну сторону — экспонаты, а по другую — живую природу...

Вместе с главным художником и архитектором выставки Л. Мамаладзе с большим творческим горением трудились архитекторы В. Пейкришвили, В. Насаридзе, Д. Папинашвили, С. Кацитадзе, В. Чубабрия, Т. Чхеидзе, а также художники-скульпторы Т. Асатиани, А. Горгадзе и Г. Тагорашвили и художники-оформители С. Кецховели, С. Шахкаламов и К. Чанкветадзе.

Удача этого небольшого коллектива заставляет о многом задуматься. Прежде всего, о смелом продвижении в жизнь городов современных архитектурных решений, современных средств художественной выразительности. Хотелось бы, чтобы достигнутое на выставке широко использовалось в строящихся новых жилых районах Тбилиси и других городов Грузии. Тяжелые парадные, помпезно-архаичные формы и линии — долой! Дорогу — легким, светлым, приятным для глаза и удобным в жизни линиям, формам, краскам!

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ

В потоке посетителей выставки можно встретить представителей многих предприятий истроек, научных организаций и учебных заведений, людей различных специальностей и возрастов. Всех их привели сюда жажда знаний; желание ближе познакомиться с достижениями республики во всех отраслях народного хозяйства, стремление позаимствовать передовой опыт.

Подойдем вот к тому молодому человеку, который так внимательно рассматривает экспонаты в павильоне легкой и текстильной промышленности. Это Аполлон Чиковани — руководитель бригады коммунистического труда с Тбилисского камвольно-суконного комбината «Советская Грузия». Чем он так заинтересован?

— Простите, товарищ Чиковани, хотелось бы узнать, нет ли среди тканей, которые вы сейчас рассматриваете, продукции вашего предприятия?

— Разумеется, есть! Это преимущественно новые ткани, освоенные в самое последнее время. Вот это, например, мужская костюмная ткань «Мтацминда», а это — тонкий драп на дамское пальто, рядом — ткани для детских пальто и костюмчиков. Мне кажется, что все они будут иметь широкий спрос. Хочется отметить и успех предприятий шелковой и хлопчатобумажной промышленности, которые также представили на выставку много новых образцов. Я просматривал только что книгу отзывов и узнал по записям, что посетители единодушно, наравне с нашей тканью «Мтацминда», отмечают, например, ткань «Даиси», созданную на Тбилисской шелкоткацкой фабрике, и набивное пике выработки Горийского хлопчатобумажного комбината. Из всех этих тканей швейники пошили отличные модные костюмы и платья, и посетители в своих записях в один голос требуют от работников легкой индустрии приложить все усилия для того, чтобы эта продукция все в большем количестве поступала в наши магазины...

Аполлон Чиковани побывал в Москве, где участвовал в работе Пленума ВЦСПС, посвященного задачам профсоюзов во всенародном соревновании за достойную встречу XXII съезда КПСС. Он был приглашен сюда, вместе с другими новаторами страны, как руководитель бригады коммунистического труда, которая выступила инициатором за выпуск только первосортной продукции.

Среди посетителей выставки мы встретили доктора физико-математических наук Гиви Ражденовича Хуцишвили. Познакомились с ним. Оказалось, что Гиви Ражденович — ровесник Советской власти в Грузии. Юбилей республики, открытие выставки — это, если так можно сказать, и его личный, персональный юбилей. В свои сорок лет ученый добился многого — он автор ряда ценных трудов, заведует сектором теоретической физики в Институте физики Академии наук Грузинской ССР, читает лекции в Тбилисском государственном университете. Это человек одной из самых почетных профессий нашего времени: он — физик; а в некоторых разделах физики, например, в области изучения космических лучей, достижения грузинских ученых особенно

значительны. В этом им помогает созданная в республике сеть научных учреждений, обсерваторий и горных станций.

В Главном павильоне Гиви Ражденович долго стоял у стендов, отражающих бурное развитие научной мысли в Грузии. Они действительно производят сильное впечатление, эти стенды, рассказывающие о том, как Академия наук Грузинской ССР, созданная в 1941 году, превратилась в одну из крупнейших научных организаций Советского Союза. Далекое за пределами нашей Родины стали известны исследования грузинских физиологов, математиков, физиков, геологов, лингвистов, историков. Что же обусловило столь быстрый рост науки в Грузии?

— Этот вопрос, — говорит наш собеседник, доктор наук Г. Р. Хуцишвили, — часто задают иностранные ученые, с которыми мне приходится встречаться. Ответ один — высокий уровень образования и культуры, достигнутый в Грузии за годы Советской власти. На выставке есть стенд, красноречиво говорящий о замечательных успехах Советской Грузии в этой области. «В Грузии, — сообщает стенд, — на каждую тысячу человек населения число лиц с высшим образованием больше в 50 раз, чем в Иране, в 10 раз — чем в Турции, в 4 раза — чем в Англии, в 3,5 раза — чем во Франции». В этом и надо искать ключ небывалого роста и подъема грузинской советской науки. Грузия, ставшая республикой сплошной грамотности, республикой с густой сетью вузов и научных учреждений, успешно штурмует все новые и новые высоты науки подобно тому, как прославленные грузинские альпинисты покоряют одну за другой недоступные горные вершины. И самое замечательное состоит в том, что научные организации республики все теснее связывают свою деятельность с производством.

Особенно яркое подтверждение этих слов мы нашли на открытой площадке павильона машиностроения. Здесь особое внимание посетителей привлекает универсальный токарный станок с программным управлением — тот самый, который заинтересовал Никиту Сергеевича Хрущева. Станок — обычный, серийный станок с маркой Тбилисского завода имени Кирова, широко известный во многих странах, а система программного управления к нему придана Институтом электроники, автоматки и телемеханики Академии наук Грузинской ССР. Станку дается задача в виде программы на перфорированной ленте. Есть датчик, и есть исполнитель — и все это без участия станочника. Вот задается, например, программа на обработку конусных цилиндрических деталей. Стендист включает дат-

чик, и станок очень послушно выполняет то, что ему задано. Автоматика действует безукоризненно. Пройдет не так уж много времени, и в цехах наших заводов начнут появляться станки с программным управлением. Выставка говорит: работники науки и производства Грузии вносят в решение этой большой задачи свою немалую долю участия...

Большинство промышленных и сельскохозяйственных экспонатов на выставке представляет собой продукцию в натуре. Но есть здесь и немало макетов, в точности воспроизводящих, например, какую-нибудь модель машины. У одного из таких макетов — он копирует новый грузинский магистральный электровоз Т-8 — мы встретили бригадира слесарей Тбилисского электровозостроительного завода имени Ленина Василия Папинашвили.

— Ну, как, товарищ Папинашвили, модель точная?

— Да, очень точная. Но пока готовилась модель электровоза Т-8, наш завод изготовил этот локомотив в натуре и отправил его в первые испытательные рейсы. Электровоз оказался отличным. Мощность его на 25 процентов превышает мощность нашего серийного электровоза Н-8, а весит он на 8 тонн меньше. В нем широко использованы новые материалы, созданы большие удобства для машиниста, высоки динамические качества электровоза, он развивает скорость до 100 километров в час. С будущего года, должно быть, начнем выпускать этот локомотив серийным порядком.

Надо полагать, что новый электровоз «в натуре» появится в дальнейшем на одной из площадок. Надо полагать, что работники выставки и в будущем «не проморгают» ни одну техническую новинку предприятий Грузии...

ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

Еще одна встреча.

Я не удивился, увидев на открытой площадке павильона машиностроения Георгия Михайловича Гордезиани. Этого человека хорошо знают работники промышленности нашей республики. Его судьба совпала с судьбой промышленности Грузии.

Вместе с Советской властью возник в Тбилиси новый завод — имени 26 комиссаров. Он был создан на базе автоматерских, оставшихся еще с первой мировой войны. Завод на первых порах ремонтировал кровати, весы... Никакой техники, в нынешнем понимании этого слова, здесь не было. Поэтому, когда спустя несколько лет сюда поступил учеником Георгий Гордезиани, ему пришлось иметь дело лишь с напильником да с резцами. И долго еще на заводе не знали ни машинной, ни станочной техники, вплоть до первой пятилетки. Георгий

Михайлович прошел здесь путь от ученика рабочего до директора завода, руководителя одного из первых машиностроительных заводов Грузии. Рабочий-самоучка, изобретатель и рационализатор, он лишь в 1952 году стал дипломированным инженером-механиком. А ныне Георгий Михайлович возглавляет Государственное специальное конструкторское бюро по сельскохозяйственной технике Совнархоза Грузии. Такой организации, можно с уверенностью сказать, нет нигде в мире. Работающие здесь 200 конструкторов создают машины для чайного производства и других отраслей субтропического земледелия. Путь от кустарной техники до вершин технического прогресса — разве он не характерен для всей промышленности Грузии, для творческого роста индустриальных кадров республики?

Мы спросили начальника ГСКБ:

— Каков средний возраст работающих у вас конструкторов?

— Это, главным образом, люди в возрасте 25—27 лет, инженеры последних выпусков тбилисских вузов. Судьба поставленной перед нами задачи — создать до конца семилетки машины для комплексной механизации возделывания чая, табака и эфиромасличных культур — находится в руках этой молодежи. И это очень талантливая, быстро растущая молодежь...

В наш разговор, который завязался у выставленных на площадке машин, включился начальник первого отдела ГСКБ Теймураз Александрович Чейшвили. Этот отдел занят конструированием чайных машин, и не случайно товарищи, приезжающие из Москвы, в шутку проносят фамилию начальника отдела по своему: «Чайшвили». Да, этот молодой человек, всего десять лет назад окончивший Грузинский политехнический институт, и руководимый им коллектив посвятили себя созданию машин для, быть может, самого сложного производства в сельском хозяйстве. Основная идея их работы — освободить людей от тяжелого труда на чайных плантациях, максимально приблизить машинный сбор чайного листа к ручному сбору как по количеству, так и по качеству этого сырья. И молодые конструкторы стремятся создать не робот, механически воспроизводящий действия человека, а машину как бы с живой душой. Но ведь для этого так много нужно знать! Нужно знать особенно хорошо радиоэлектронику с тем, чтобы машина, которая будет рождена в итоге многих поисков и испытаний была бы на уровне самых современных достижений науки и техники. И молодые конструкторы жадно овладевают знаниями, расширяют свои творческие горизонты, заглядывая в смежные области техники и производства. Недаром они задумали создать машину с так называемой элек-

троследящей системой, а это — новый большой шаг вперед.

Первые чаеуборочные машины уже не только сконструированы в ГСКБ, но и изготовлены тбилисскими заводами «Грузсельмаш» и имени 26 комиссаров. В нынешнем сезоне сбора чайного листа они проходят испытание на плантациях. Эти испытания должны выявить лучшую конструкцию с тем, чтобы положить ее в основу серийного производства машин.

Завтрашний день сельского хозяйства Грузии хорошо виден с позиций этой площадки республиканской выставки. Машины, машины, машины... Они идут на смену тяжелому ручному труду на полях и плантациях. Но нужно еще много работать над созданием и совершенствованием этих машин, чтобы приблизит несущий с собой изобилие сельскохозяйственных продуктов завтрашний день грузинской деревни.

Мы подходим к павильону сельского хозяйства. Это большое, вытянутое в длину строение обсажено со всех сторон зелеными насаждениями. Вы видите здесь кусты чая, цитрусовые и плодовые деревья, а также многочисленные экзоты — мушмулу, авокадо, фейхоа... и вы словно попали в один из уголков субтропической зоны Грузии. Это ощущение пребывания среди живой природы не покидает вас и тогда, когда вы знакомитесь с экспонатами павильона, отражающими развитие многогранного сельского хозяйства Грузии.

Особенно много посетителей у стендов, посвященных борьбе за «большую кукурузу». «Королева полей» действительно выглядит по-королевски: она много выше человеческого роста.

Дары солнечной Грузии! Вы можете увидеть их во всем прекрасном и расточительно богатом разнообразии в павильоне пищевой индустрии. Это — вино, чай, консервы, табачные изделия и другие виды промышленной продукции, в которых как бы заключена частица жаркого и доброго солнца Грузии. Вы видите, как перерабатывается сельскохозяйственное сырье на многочисленных, оснащенных передовой техникой заводах и фабриках, как рождаются те замечательные изделия пищевой промышленности, которые принесли Советской Грузии мировую славу.

ДВА СЛОВА НА ПРОЩАНИЕ...

На выставке много тысяч экспонатов — о всех не расскажешь. За каждым стоит большой труд многих людей.

Но перед тем, как покинуть выставку, хочется сказать еще несколько слов по поводу некоторых показанных здесь изделий.

Речь идет о художественном оформлении промышленной продукции.

Слов нет, перед юбилеем республики Совнархоз и его предприятия немало потрудились над тем, чтобы расширить ассортимент товаров народного потребления, а некоторые из них выпустить в свет в новом, более привлекательном виде. В первую очередь это коснулось таких «традиционных» товаров Грузии, как вино, коньяк, чай, консервы, табачные изделия, фруктовые и минеральные воды. Есть в этом деле и удачи, есть и явные промахи. Выставка заставляет поднять большой и важный разговор о наших богатейших, неиспользованных возможностях в деле художественного оформления прекрасных товаров Грузии.

Известно, что вина и коньяки Грузии за последние годы завоевали на международных выставках и дегустациях более двадцати золотых и серебряных медалей. Очень хорошо, что на новых этикетках «Хванчкары», «Цинандали» появились изображения этих медалей, но ведь это еще только первые шаги! В основном же этикетки не менялись много лет. Рука подлинного мастера оформления еще не коснулась многих видов промышленных товаров Грузии. Современные формы и линии нужны не только павильонам выставки, нашим жилым домам, школам, кафэ... Нужны новые этикетки, новые виды упаковки, и при этом из новых материалов.

Лучший в мире грузинский чай имеет далеко не лучшую упаковку. Непонятно, почему пачки чая в юбилейных облатках втиснуты по нескольку штук в тяжелые коробки, напоминающие старинные «бабушкины» альбомы с плюшевым верхом. Непонятно, почему самые плохие по внешнему оформлению тбилисские сигареты называются «Прима». Непонятно, почему боржомская вода, равной которой нет в мире, имеет такую тусклую, невыразительную этикетку... Непонятно... Впрочем все очень хорошо понятно: такой важный участок, как художественное оформление промышленной продукции, оказался у нас почему-то забытым, отодвинутым на задний план. И это касается не только товаров народного потребления. Тускло и серо окрашиваются наши станки, машины, приборы; производственные марки предприятий зачастую носят непродуманный и незапоминающийся характер.

Все это еще раз говорит о том, что Совнархозу и его предприятиям нужны свои художники, свои мастера рекламы. Это должны быть такие люди, которые вместе с конструкторами, модельерами, технологами думали бы над тем, как придать новому изделию привлекательный вид в духе национального колорита. Пока же у нас оформлением товаров занимаются от случая к случаю и при этом делают это по большей части люди холодные, без выдумки, чья фантазия не идет дальше того, чтобы заключить бутылочки вина или пачки чая в старомодные плюшевые коробки.

Есть у Совнархоза Грузии фабрика литоофсетной печати. Это здесь печатают этикетки для многих товаров. До сих пор об этом предприятии мало говорят и мало пишут. А жаль! Им надо заниматься не меньше, чем любым другим крупным предприятиям республики. Оборудование здесь во многом устаревшее, бумага и краски зачастую поступают некондиционные. И получается в результате, что наши сигареты, например, во многом проигрывают по своему оформлению перед сигаретами других стран. Какая же это «Прима», когда само название на этикетке плохо читается!

Но выставка обнадеживает: первые верные шаги на пути лучшего оформления товаров сделаны. Как было бы хорошо, если бы Совнархоз собрал у стендов выставки художников, модельеров, конструкторов для того, чтобы заняться улучшением внешнего вида продукции своих многочисленных предприятий!

* * *

Итак, мы побывали на Выставке достижений народного хозяйства Грузинской ССР, познакомились с ее павильонами, с ее экспонатами. Прежде чем покинуть выставку, посидим немного в тени деревьев или заглянем в кафе. Выставка-парк создана и для отдыха — не будем об этом забывать... Пожелаем же выставке и дальше делать свое доброе дело — пропагандировать передовой опыт, знакомить с достигнутыми успехами, звать к новым победам в борьбе за семилетку, за коммунизм.

Иосиф Нонешвили

ЗВЕЗДНЫМ БРАТЬЯМ

Ю. Гагарину и Г. Титову

Перевод с грузинского Э. Иодковского

Вот мы ринулись в натиск юный
с нашим знаменем, с нашим гербом,
чтобы крылья расправил
Юрий,
чтобы небо сотряс бы
Герман!
Позавидует каждый грузчик
вам, взвалившим на плечи небо,
вам, двум парусам дней грядущих,
вам, вскормленным российским хлебом.
Есть любовь, в ней — ни капли фальши.
Диалектика ею движет:
вы от нас улетали всех дальше,
становились для нас — всех ближе...
Вас не только руки — науки
взвили в темь космической ночи, —
вас подняли крестьянские руки,
вас подняли руки рабочих.
Что такое полет?

Работа!

Раньше с ней справлялись лишь боги...
Руки старца, руки ребенка
вас поддерживали в дороге.

...Были мы — разуты, раздеты,
ныне — плавим ядра урана.
В жаростойком хребте ракеты
что-то есть от хребта Урала.

Вот где силы вашей истоки,
вот родник моего восторга!
Есть, наверно, в вашем «Востоке»
что-то от моего Востока.
Мир, мерцавший тайно и немо, —
он у вас не вызвал испуга...
Счастлив я, что черное небо
вам напомнило ночи Юга.

Я завидую вам в смятеньи...
Вечно славься, корабль советский,
что коснулся конусом тени
самых дальних, немых созвездий!

0.

Михаил Джавахишвили

Судьба женщины

РОМАН

Часть вторая

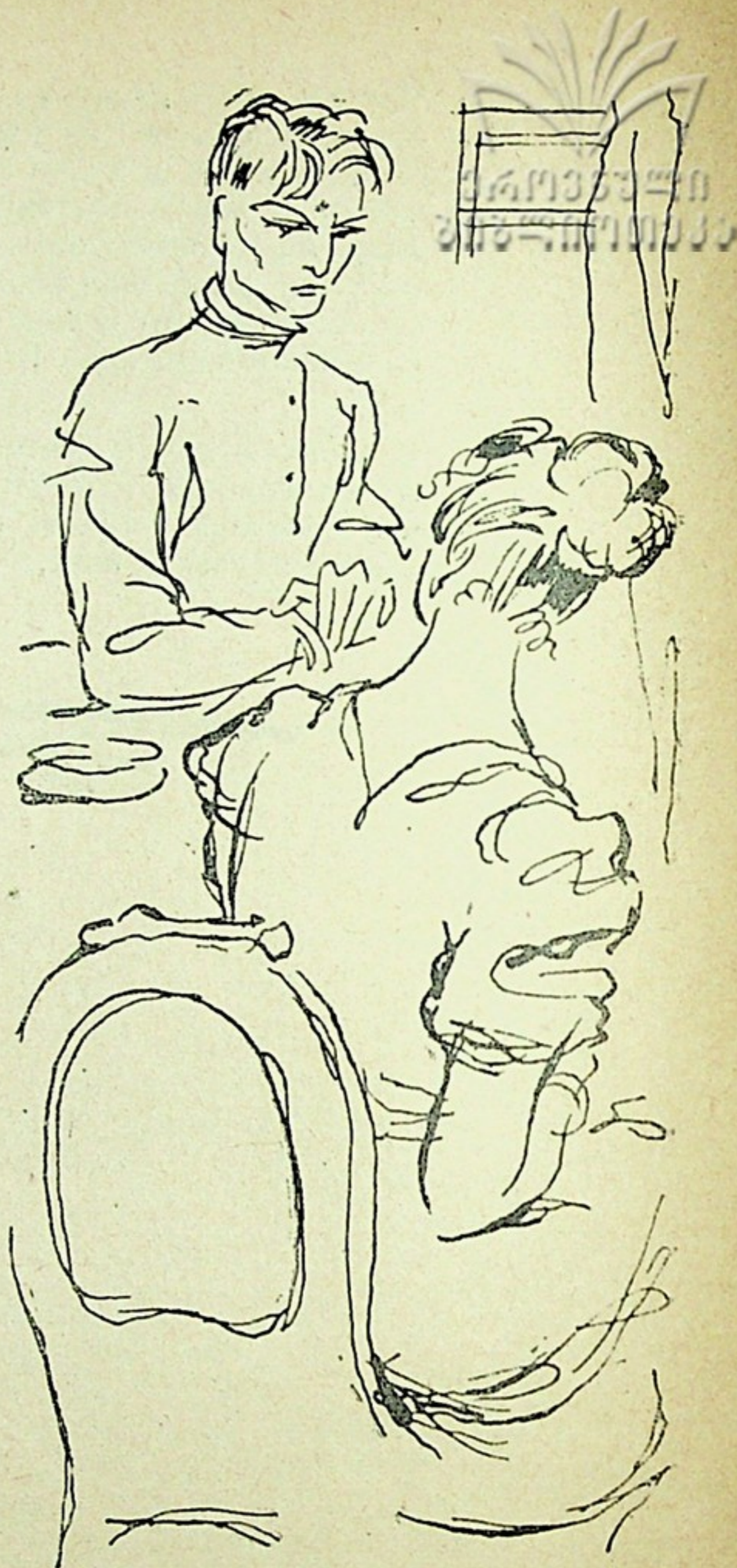
Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Рис. И. Гурро

На другой день Кето проснулась поздно. Горничная вошла к ней в спальню, открыла ставни и разбудила ее. Солнечные лучи, ворвавшиеся в окно, залили белую комнату ярким светом, и Кето, едва раскрыв глаза, заморгала и снова зажмурилась. Мысли у нее туманились, голова была словно налита свинцом и жестоко болела. Ей сразу вспомнилось, как Авшаров целовал ее в фэ-тоне и на лестнице. Потом воспоминания стали разворачиваться с конца, точно складная картинка. Одно за другим всплыли в памяти: красная коробка-кабинет в шантане, бесстыдный танец, прыжок Илико, плачущий Авшаров, жаркие объятия и поцелуи и, наконец, Зураб, едва различимый за пеленой густого тумана.

«Боже мой! Что же это со мной приключилось? Неужели я дала слово Авшарову? — Однако, несмотря на все старания, Кето никак не могла вспомнить, дала она слово или нет. — А впрочем, какое это имеет значение? Теперь, после того, как меня видели с ним в шантане!.. Конечно, многие узнали меня — хотя бы приятели Илико. Сегодня они развоняют по всему городу: «Кето Ахатнели просидела чуть ли не до утра наедине с Авшаровым в отдельной ложе шантана». Пожалуй, лучше, если она дала Авшарову слово — иначе от стыда нельзя будет людям на глаза показаться. Кето хотела было восстановить в памяти все события предыдущей ночи и весь свой разговор с Авшаровым, проанализировать их и решить, как себя держать в дальнейшем, но туман в голове никак не рассеивался, да и горничная не дала ей времени поразмыслить.

Первая часть напечатана в №№ 1, 2, 3, 4 за 1961 г.

— Пора вставать, барышня. Уже половина двенадцатого. Как бы не пришел кто-нибудь в гости.

— Какой сегодня день?

— Воскресенье. Барыня с барином ушли с утра в церковь. Скоро уже вернутся.

Горничная помогла своей барышне одеться, затянула на ней корсет, причесала ее и вышла. Немного погодя и Кето последовала за ней. В столовой ее ждал завтрак — чашка шоколада, яйца в смятку и виноград.

В галерее со стороны двора показался Нико. Он знал, что отца нет дома, и решил заглянуть к сестре. Ядовитая статья его, напечатанная в нелегальной газете, попалась-таки на глаза Андро и глубоко уязвила его. Узнав, кто автор статьи, Ахатнели проклял сына и слег в постель с сильнейшим сердцебиением. Он пролежал три дня, а когда встал, все заметили происшедшую в нем перемену: Андро похудел и ссутулился, борода и усы у него совсем побелели, под глазами вздулись мешки.

Нико был мрачен. Не поздоровавшись с сестрой, он подсел к столу.

— Кого же ты в конце концов покорила вчера, — спросил он. Зураба или Авшарова?

Кето ответила нехотя:

— Обоих.

— А тебя кто покорила?

— Оба.

— Перестань шутить, Кето!

— Я и не шучу.

— Ты не забыла, Кето, что мы с тобой условились помогать друг другу? — Не дождавшись ответа, Нико продолжал пониженным голосом: — Вчера Марта призналась мне, что Зураб любит ее до безумия, и она его тоже любит.

Кето отставила чашку и взглянула на брата.

— Ну, что ты об этом скажешь? — спросил тот, нервно ломая пальцы.

— Именно так она и сказала? Что Зураб любит ее до безумия?

— Да, именно так. Я передал тебе дословно.

— Наверно, ты объяснился ей в любви. Оттого она и призналась.

Нико ничего не сказал на это — только еще сильнее захрустел пальцами. Помолчав немного, Кето продолжала печально:

— Я и сама знаю, что они любят друг друга. Зураб часто приходит к Марте. Правда, они оба занимаются революционной работой, но ясно, что их связывает не только это. Когда Зураб заговаривает о Марте, я чувствую в его голосе теплоту и волнение. Да, дорогой мой, ничего не вышло из нашего уговора. Оба мы потерпели поражение. Зураб ясно и определенно заявил, что не намерен жениться. И хотя он очень мне нравится...

— Может, ты даже влюблена в него?

— Не буду скрывать — почти влюблена... Да, почти влюблена, но не могу же я стать, как Марта, его любовницей!

— Как Марта?! — воскликнул Нико и вскочил, словно ужаленный.

— А что же ты думал? Раз они друг друга любят и раз они не венчаны, значит Марта попросту — любовница Зураба.

— Венчание — пустое суеверие, выдумка попов! — воскликнул брат.

— Тем более! Это только подтверждает мои слова, — безжалостно возразила сестра. — Они, конечно, не придают никакого значения поповским выдумкам. Зачем же им было дожидаться венчания, чтобы освятить свою любовь?

Слова Кето вонзились в сердце студента, словно ледяное острие. Мучительное подозрение, заставившее его провести без сна всю прошлую ночь, снова обожгло его. Нико упал на стул, как подкошенный. Его мужское самолюбие было оскорблено, унижено, втоптанно в грязь — охваченный жгучим стыдом, он не мог глядеть на сестру и отвернулся к стене.

«Люблю ли я Марту настоящей, глубокой любовью? Или, как сказала она сама, все мои мучения — от ложной гордости и от высокомерия?» — подумал он, но и на этот раз не смог разобраться в своих чувствах. Зато его сестра, по-видимому, уже успела разрешить этот вопрос.

— Я не верю в эту твою всепоглощающую, непреодолимую любовь, Нико, — сказала она. — Тебя и Марту объединяют одинаковые убеждения и совместная революционная работа. А в остальном, по моему, между вами мало общего.

— Зато много общего, надо полагать, между тобой и Зурабом, — съязвил Нико и продолжал, не дожидаясь ее возражений. — Так значит, и у тебя возлюбленный уплыл из рук... Сочувствую, от души сочувствую. Но объясни мне, что ты дальше собираешься делать?

Что собирается делать Кето? Да она и сама не знает! Туман у нее в голове никак не рассеется. А от этого разговора с Нико мысли ее окончательно запутались. Только одно ей помнится ясно и четко: «Я не вправе жениться», сказал ей вчера Зураб и косвенно, намеками предложил ей удел библейской Юдифи. Да, Зураб дал ей понять, что роль жены декабриста окажется для нее гораздо трудней. Захочет ли Кетеван последовать совету Гургенидзе, это выяснится позднее, а пока бесспорно одно: Зураб — глубоко порядочный человек; он чуть ли не прямо сказал Кето: «Возможно, что я погибну в борьбе, не связывайтесь со мной». Кто-нибудь другой на его месте злоупотребил бы доверием и симпатией Кето, несколько не заботясь о последствиях. Итак, с Зурабом все ясно. С этих пор Кето будет считать Гургенидзе своим лучшим другом, своим учителем и вырвет из сердца всякое другое чувство к нему.

А Марта?.. Бедная Марта! Кето выросла вместе с этой девушкой, с детства сроднилась с нею. Как же может она встать Марте поперек дороги? Отнять у нее суженого, доставшегося бедняжке ценой бог знает каких мучений? Вероятно, Марта даже принесла ему в жертву свою невинность. Одно, во всяком случае, очевидно: Марта и Зураб связаны неразрывной цепью, и эта цепь — служение революции. Рука об руку шествуют они по тернистому пути, ведущему, быть может, к каторге или к эшафоту. И что же — Кето встанет между ними, разлучит их, чтобы самой занять место Марты? Но разве заменит она Барсу его возлюбленную? Нет, не сможет Кето нести вместе с Зурабом его ношу, упадет под этой тяжестью! А значит, обездолив Марту, Кето сделает злое дело: принесет несчастье себе и подруге и повредит делу свободы.

«Дай вам бог пройти с миром ваш трудный путь до конца! Пусть исполнятся все ваши желания, и пусть никогда не иссякнет для вас источник радости! — горячо благословляет она в душе Марту и Зураба; потом возвращается мыслью к самой себе: — А я... Я избираю другую

дорогу. Видно, таков мой удел. Пусть же сбудется то, что назначено судьбой!»

Наконец-то рассеялся туман, в котором блуждала Кето. Наконец-то определились ее мысли. И даже, кажется, унялась головная боль.

— Так что же ты собираешься делать, Кетино? — нарушив долгое молчание, вторично спросил Нико.

Кето ответила вопросом на его вопрос:

— Скажи мне, Нико, можно ли представить себе такой случай... Женщина выходит замуж за врага, за классового и партийного врага... И, используя свое новое положение, продолжает служить делу, которому служила раньше. Возможно ли это?

— Отчего же нет? — ответил, не задумываясь, Нико. — Таких примеров в истории сколько угодно!

— Скажем, Юдифь и Олоферн, правда?

— Прекрасный пример! — согласился Нико.

«Марта, Зураб, Нико... Все трое говорят одно и то же... Значит, если я стану женой Авшарова, это не будет сочтено за измену революции», — мелькнуло в голове у Кето и блаженный покой охватил ее.

— Ты не ответила мне, Кетино, — напомнил еще раз Нико. — Что ты намерена делать?

Кето виновато улыбнулась ему и шепнула:

— Выхожу замуж.

— За кого?

— За Авшарова.

— Что за шутки!?

— Я не шучу.

Нико ударил кулаком по столу, вскочил.

— Брось эти шутки, говорю!

— Я совсем не расположена шутить.

— Так вот что!.. Значит, изменяешь нам? Отступаешься? Так просто, так легко?

— Нико, милый, у меня и в мыслях нет ничего подобного! Ты же сам сейчас сказал, что можно, пробравшись в лагерь врага, приносить пользу делу революции...

— Черт знает что. Ты хочешь сделать жандарма моим зятем!?

— Раз уж я соглашаюсь стать женой Авшарова, не погнушайся и ты назваться его шурином! — невозмутимо предложила Кето.

Но спокойствие сестры не утихомирило брата.

— Ты променяла революцию на блестящий мундир и лихо закрученные усики и хочешь, чтобы за эту низость тебе сказали спасибо, как за революционный подвиг!.. Какая грязь! — воскликнул он несколько театральным тоном. — Кого ты обманываешь?

В эту минуту в передней раздался звонок. Нико, которому вовсе не хотелось встречаться с отцом, закончил скороговоркой:

— Ну хорошо же! Очень скоро ты горько раскаешься, но тогда уже будет поздно рвать на себе волосы. Ступай к своему жандарму, уходи от нас... Можешь отныне не считать меня братом!

И Нико выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

«Вот и первый горький плод на новом пути. О, немало их еще придется на мою долю! — подумала Кето, с трудом удерживая подступившие слезы. — Все отвернутся от меня — и Акакий, и Тамара, и Григол, и Димитрий, и Шукураули, и Климиашвили, и Цверадзе, и еще много других — близких и далеких родственников и друзей... Помогите мне, господи!»

Вошла Мариам, поцеловала Кето в лоб и села рядом со словами:
— Спаси и помилуй тебя святыня Сиони, девочка моя!
Потом, помолчав немного, спросила дружеским тоном:
— Откуда ты возвратилась вчера в три часа ночи?
«Все равно узнает... От Илико или еще от кого-нибудь», —
подумала Кето и ответила напрямик:

— Из шантана.
— У кого это ты научилась так шутить, девочка?
— Нет, мама, я не шучу! Вчера вечером я возвращалась с Авчальской улицы. На Верийском спуске повстречались мне Илико и Авшаров. Они ссадили меня с фаэтона и насильно затащили в шантан.
— Господи! — воскликнула ошеломленная Мариам.
— Зато могу порадовать тебя новостью, мама: я приняла предложение Авшарова, — продолжала Кето, испытующе заглядывая в изумленные глаза матери.

Уже полтора года Авшаров ухаживал за Кето, и Мариам была между двух огней. Андро и Илико считали его вполне подходящим и даже желанным женихом для Кето, а все остальные Ахатнели морщились при одном упоминании его имени. Но вот настала минута, когда Мариам должна была определить свое отношение к нему, высказать радость или огорчение. Выбор был непрост. Мариам колебалась, и лицо ее отражало борющиеся в ней чувства. Наконец Кето не выдержала.

— Ну, говори же, рада ты или не рада?
— Не знаю, что и сказать, милая, — отозвалась наконец Мариам. — Право, не знаю. Пойду сообщу твоему отцу, — и Мариам, слегка переваливаясь, направилась в кабинет мужа.

«Ну, оттуда она вернется с радостным лицом. Можно считать, что у меня уже есть три заступника», — подумала Кето и пошла к себе. Она раскрыла книгу, тут же отложила ее, взялась за рукоделие — но ни на чем не могла сосредоточиться, и решила посидеть просто так, без дела, собраться с мыслями.

Звонок, донесшийся из передней, вывел Кето из задумчивости и наполнил ее неясной тревогой. Сама не зная почему, она вскочила, подбежала к двери и с бьющимся сердцем прислушалась к приглушенным голосам. Прислушалась — и неопределимое волнение, словно налетевший вихрь, охватило ее.

«Боже мой! Это он!»

Да, это несомненно он, Авшаров, тот, кто по собственному желанию Кето станет завтра ее мужем! Разумеется, он явился просить ее руки. Боже мой! Неужели Кето пойдет за жандарма? Она, помолвленная с революцией! Неужели через несколько минут она выйдет в соседнюю комнату и объявит во всеуслышание, что хочет стать женой Авшарова? Нет, это какой-то кошмар, злое наваждение!

Правда, Кето — как она только что сообщила брату и матери — дала слово Авшарову... Но ведь это было только слово, мысль и больше ничего! Если Авшаров напомнит Кето об этом, она извинится и скажет: «Простите меня! Простите в первый и последний раз — больше я никогда, никогда не буду... Я пошутила, я не думала, что вы примете мои слова всерьез. Напрасно вы беспокоились!»

Авшаров, наверно, запомнит, как она обнималась и целовалась с ним. Но что из этого? Нет, нет, Кето не будет женой Авшарова! Она вовсе не выйдет в гостиную, не покажется ему на глаза. Нет, нет, это решено!

— Девочка моя, почему ты не выходишь к нам? — спрашивает Мариам, — а Кето лежит, уткнувшись лицом в подушку. — Отчего

ты плачешь, мое сокровище? Ты же только что была так радостна и хотела, чтобы я порадовалась вместе с тобой!

— Мама... Мамочка!.. — пролепетала Кето и горько рыдая прижалась к груди Мариам.

Нет, такого не упомнит Мариам! Разве Кето когда-нибудь плакала такими горячими слезами? Пожалуй, только трехлетней девочкой... А теперь ей уже двадцать! — Что ж, должно быть вспомнила детство. Верно, прощается с беззаботной жизнью, оплакивает свое девичество, мечты своей юности...

— Да что с тобой, скажи мне...

— Мама... мамочка... я сама не знаю!..

Оставь ее в покое, мама! Не спрашивай. Все равно, ты ничего не поймешь, решительно ничего — даже если она тебе расскажет. Кето и сама не знает, отчего ей хочется плакать. Что-то непонятное вдруг нахлынуло на нее, и слезы сами собой полились из глаз.

Ну вот и все. Конец. Кето осушила слезы и уже готова покориться велению слепой судьбы. А теперь ступай, мама. Иди развлекать будущего зятя. Кетино выйдет следом за тобой, через несколько минут.

Мариам ушла. А Кето заставила себя встать, подошла к зеркалу и изумилась: что за разительная перемена за одни сутки — и какие сутки, с кутежом и бессонной ночью! Лицо точно расцвело, щеки разрумянились, глаза стали шире, глубже и горят каким-то недобрым огнем, знаменитая серебристая прядь словно стала еще ярче, еще белей, и прямо-таки сверкает в смолисто-черных волосах.

Кето вытерла глаза, пригладила волосы, поправила платье, заставила себя прибодриться и твердым шагом направилась в гостиную, где дожидались ее довольные, радостные родители и сияющий жених с огромным букетом.

Авшаров был в полной парадной форме. Звеня шпорами, поспешил он со счастливой улыбкой навстречу Кето, поднес цветы, склонился к ее руке и принялся нанизывать заранее приготовленные слова:

— Я уже принес извинения вашим уважаемым родителям... Смирно молю вас простить меня... Вчера вечером мы с вашим братом Илико были изрядно навеселе — иначе разве мы позволили бы себе пригласить вас в шантан? Я сознаю свою вину — и в то же время этот шантан, эта ложа представляются мне неким святилищем, местом обетованным, ибо именно там нашел я счастье своей жизни, блаженство, которое унесу с собой в могилу...

Торжественный тон Авшарова покоробил Кето. Она ничего не ответила, а только прижала к груди цветы и подставила отцу обе щеки. Андро горячо расцеловал свою дочь.

— Девочка моя! — растроганно бормотал он. — Ты единственная моя радость... Единственное утешение моей старости! Будь счастлива... Я уверен, что ты не уронишь наше имя... Будешь достойной дочерью своей семьи и своего рода...

Настала очередь Мариам. Она прижала Кето к груди и долго не выпускала ее из объятий. Потом, отирая платком влажные глаза, ушла в столовую. Андро несколько раз прошелся из угла в угол и тоже незаметно ускользнул к себе в кабинет.

Жених и невеста остались одни. Авшаров сел рядом с Кето, взял ее руку в свою, спросил, как она спала, в каком проснулась настроении...

— Как я счастлив! Боже, как я счастлив! — восклицал он поминутно. — А теперь я хочу задать вам вопрос... Кстати, давайте оставим официальный тон, забудем навсегда это сухое, холодное «вы»! Хорошо?

— Если хотите.
— Не так! «Если хочешь»...
— Хорошо. Пусть так — если хочешь, будем с этого дня разговаривать на «ты», — сказала, поколебавшись, Кето.
— Так вот, я хочу спросить... Когда мы повенчаемся?
— Когда хотите...
— Не «хотите», а «хочешь» — поправил ее еще раз Авшаров. — Так вот, давай, не будем и на этот раз спрашивать наших стариков, и сами все решим. Что касается меня, то я не люблю промедлений и оттяжек.

— И я не люблю.
— По-моему, лучше кончить все за две недели.
— И я того же мнения.
— Значит, решено! Но смотри, когда будешь разговаривать с родителями, будь тверда, не уступай им.

И счастливый жених принялся описывать свою новую квартиру, убранство которой, по его словам, в точности соответствует вкусу Кето. Досталась эта квартира Авшарову благодаря счастливому случаю. Один из его товарищей по службе женился два месяца тому назад и устроил прелестное гнездышко для себя и своей молодой жены. Теперь этого сослуживца переводят в Варшаву, и ему не хочется таскать с собой мебель и драпировки. Он согласен уступить все это Авшарову, с тем чтобы ему выплатили всю сумму частями в течение года.

— Очень выгодное условие, правда?

— Да, превосходное, — подтвердила Кето.

Спальня в их будущей квартире — розовая, гостиная — белая, столовая — в золотисто-коричневом тоне, кабинет — темнокрасный, а мебель...

— Нет, мебель я не стану описывать. Возьми с собой маму, приезжай и посмотри своими глазами.

— Непременно приедем.

— Ну так за чем же еще может быть остановка? Посуда, платья, белье — какие-нибудь там простыни и скатерти? Это все тебе соберут и сошьют за неделю. А если что не успеется — пусть прикупают потом, понемногу. Согласна?

Кето согласна на все. Лишь бы скорее покончить со всем этим и вступить в новую жизнь.

Тем временем Мариам устроила импровизированный завтрак. Стол ломится от снеди: тут и зелень, и икра, и балык, и холодное жаркое, и фрукты, и печенье, и кофе, и наконец крепкая виноградная водка «чача» и кахетинское вино. Андро Ахатнели с женой и их дочь со своим женихом сидят за столом, тихо беседуют и поднимают бокал за бокалом за здоровье друг друга.

Авшаров потребовал, чтобы бракосочетание состоялось через две недели. Это вызвало спор. Наконец обе стороны пошли на уступки, и решено было сыграть свадьбу двадцатого октября.

После завтрака Ахатнели подхватил жениха под руку и увел к себе в кабинет, чтобы договориться о приданом. А Кето вернулась в свою комнату, растянулась в кресле-качалке, заложила руки за голову и еще раз попыталась разобраться во всем случившемся: взвесить и оценить события прошедших суток, обдумать перспективы завтрашнего дня, окинуть взглядом путь, открывающийся впереди, и вообще свести концы с концами. Но так же, как утром, она сразу заблудилась в этом темном лабиринте. Мысли ее разбегались, точно испуганные цыплята. Кето старалась собрать их, связать воедино, но не могла справиться со

своей рассеянностью. Свинцовая усталость одолевала ее. Наконец, обессиленная бессонной ночью и пережитыми волнениями, девушка не выдержала и погрузилась в дремоту.

Через полчаса Авшаров заглянул в ее комнату. Увидев мирно спящую невесту, он просиял, поманил пальцем Мариам, показал ей на девушку... Потом опустился на колени перед Кето, поцеловал ее руку и на цыпочках вышел.

* * *

На другой день Кето не вставала с постели. Не то, чтобы она чувствовала себя нездоровой — просто не хотелось выходить в гостиную, где, конечно, соберутся сегодня все ее родственники. Ей было попросту страшно. Поднимется шум, все будут совместно обсуждать ее дела, и, разумеется, на нее обрушится общее презрение. Лучше уж пусть каждый выскажет ей свое осуждение отдельно, с глазу на глаз.

Первыми пришли навестить ее жена Акакия и жена Григола. Тамара наклонилась над подушкой Кето, рассыпав свои рыжие, жесткие волосы, точно взбитую шерсть, по ее лицу, и три раза торопливо поцеловала девушку:

— Кето, бессовестная! Что ж ты от меня-то скрывала? Не стыдно тебе?

Анико, по-монастырски скромная и ласковая, расцеловала девушку и благословила ее, как монашенка:

— Сокровище мое, Кетино! От души поздравляю тебя! Молю всевышнего простереть над тобой милостивую свою десницу и ниспослать тебе счастье ныне и присно и во веки веков! Аминь! — закончив эту тираду, она утерла слезы.

Обе женщины подсели к постели Кето, спросили, как она себя чувствует, в каком она настроении. Тамара болтала без умолку, не давая никому вставить слово. Кето слушала со сдержанно-холодным видом, изредка бросая коротко: «Нет... Да... Знаю... Не знаю...» Анико молчала.

— Говорят, мать Авшарова — очень интеллигентная, образованная женщина. Впрочем, «говорят» — это еще ничего не значит. Надо основательно проверить, так это или нет. С иной свекровью жить — все равно что гореть в аду. У меня есть опыт, можешь мне поверить!

«Опытность» Тамары существовала только в ее воображении: ей ни разу не пришлось провести целый день под одной крышей со свекровью, так что Кето, собственно, не поняла, когда же супруга Акакия успела испытать эти «адские муки». Тамара еще многое высказывала золовке намеками и обиняками и наконец выпалила напрямик:

— Господи, ну и выбрала же ты себе жениха! Точно не замуж выходишь, а за тридевять земель уезжаешь! Раз мы не сможем бывать друг у друга, не все ли равно, здесь ты или, скажем, в Сибири?

— Тетя Анико! А если я заболею в доме у Авшаровых, вы тоже не придете меня навестить? — спросила Кето жену Григола.

— Что за вопрос! — изумилась Анико. — Да я тебе и так успею надоест, а уж если будешь больна...

Не дав Анико закончить, Кето порывисто приподнялась на постели, обняла и крепко поцеловала ее.

— Ей-то бояться нечего! — оправдывалась Тамара. — В городе она никому не известна, а в деревне кто ее осудит? А нас вся Грузия знает, мы будем опозорены перед всем светом!

Этого уже Кето не могла стерпеть.

— Прошу вас, дорогая моя невестка, — сказала она холодно, — ни в коем случае не подвергать себя ради моей особы ни малейшему беспокойству, — а уж тем более не позориться перед людьми!

— Да ведь уже опозорились — дальше идти некуда! Подумайте — жандарма будут называть нашим зятем!

— Что же вы мне советуете — не выходить за него? — с чуть заметной насмешкой спросила Кето.

— Ну, теперь уж поздно советовать, — ты и твои родители дали ему формальное согласие... Нас никто и не спрашивает!

— Совершенно верно, вас никто не спрашивает, — ответила без обиняков Кето и отвернулась к стене.

Тамара надулась. С минуту она безмолвствовала, а потом встала и, не простившись, вышла из комнаты. Кето обернулась к другой невестке и сказала со слезами в голосе:

— Вот видите, тетя... Не только не поздравила, а даже счастья мне не пожелала!

— Да ну ее, сокровище мое! Не слушай никого и устраивай свое счастье — не их дело, за кого ты замуж выйдешь, — успокаивала Анико девушку. Она поправила Кето волосы, погладила ее по лбу и сказала, чтобы подбодрить, несколько историй — в том числе и свою собственную:

— Господи, сколько у Григола объявилось советчиков, когда мы собрались пожениться! Убеждали его, что я ему не пара — да и ко мне приставали: дескать, Григол мот и расточитель, пустит за год твое приданое по ветру... Но Григол, слава богу, быстро образумился и через несколько месяцев стал другим человеком... И сколько же я счастья видела с Григолом! Если бог пошлет тебе хоть половину, и то всякая позавидует. Пусть только душа твоя будет спокойна, — а все остальное устроится, перемелется и войдет в русло.

— А какого мнения дядя Григол? — спросила уже несколько успокоившись Кето.

— Григол сам тебе скажет.

Скоро постучались к Кето Григол с Димитрием.

— Что скрывать, не могу поздравить тебя с выбором. А счастья желаю тебе от души, — сказал девушке старший из двоюродных братьев, присаживаясь поодаль.

— И я того же желаю, — холодно добавил Димитрий и, повернувшись спиной к Кето, стал перелистывать книги, лежавшие стопкой на столе.

— Спасибо, — так же холодно отозвалась Кето и примолкла.

Воцарилось долгое, неловкое молчание. Григол первым нарушил его.

— Настоящую грузинскую семью ты не сумеешь создать, — он взглянул на брата. — Как ты думаешь, Мито?

— Не сумеет, — подтвердил доктор, даже не обернувшись.

— Вот, значит, для чего мы ее растили и воспитывали... — начал снова Григол и, помолчав, закончил: — Так я, собственно, и не понимаю, какого рода-племени наш будущий зять: русский он, грузин, армянин или немец?

— Я знаю твердо только одно: что он не грузин. И этого с меня достаточно, — снова заговорил Димитрий. — У нас станет одной человеческой душой меньше, а чьего-то там полку прибудет, вот и все. Хоть бы этот Авшаров не был в жандармском мундире!

— Панихиду по мне служите? Вы для этого сюда пришли? — и Кето заплакала, всхлипывая, как ребенок.

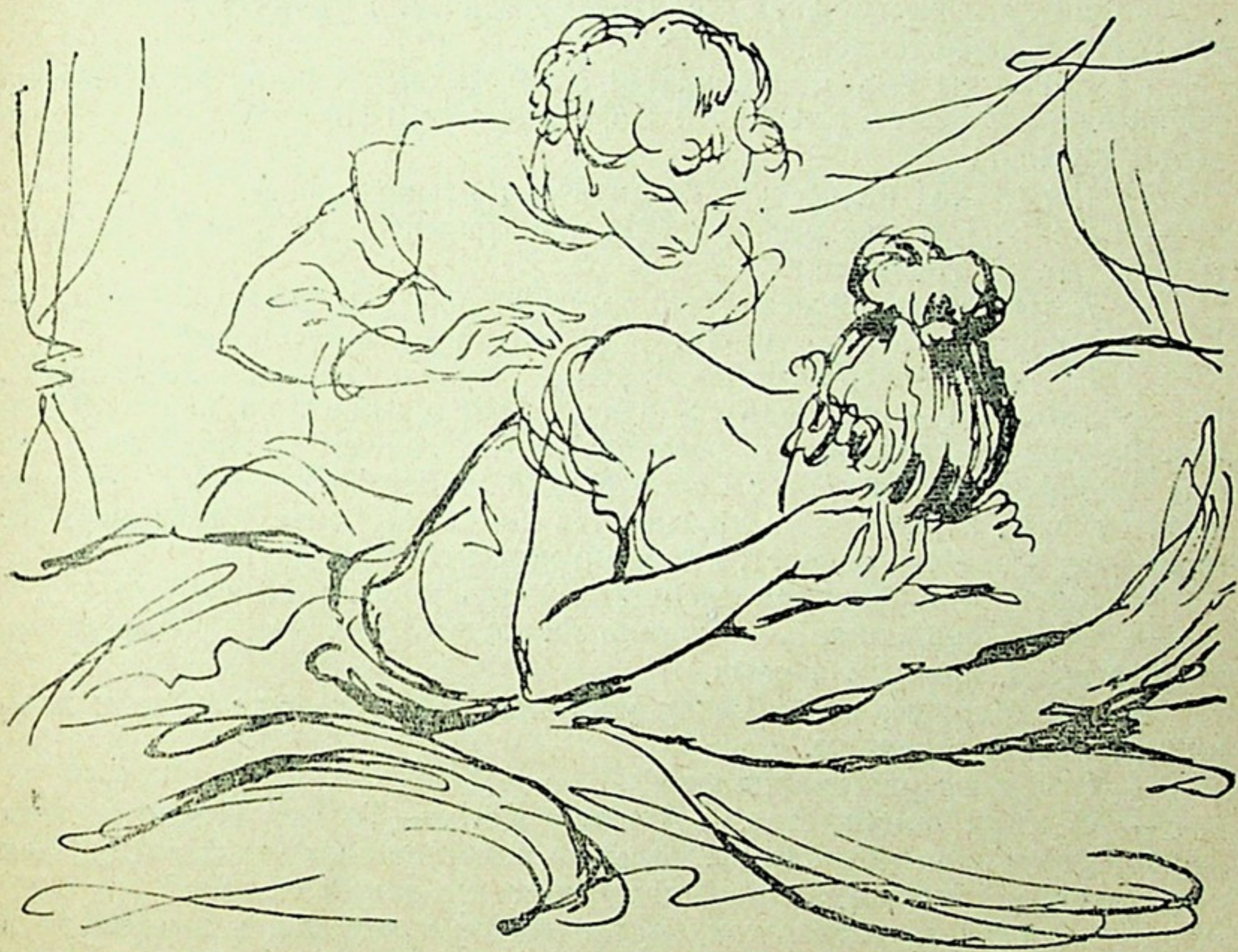
Тут уж вмешалась в разговор Анико, сидевшая до сих пор молча, точно немая мамка около царевны:

— Пора вам убраться отсюда! Лучше бы совсем не приходили! Что вы смыслите в женском сердце? Накинулись на невинного агнца и истязаете его без всякой жалости! Уходите, говорю!

Братья смущенно пятились к двери, бормоча, точно наказанные мальчишки:

— Мы не хотели обидеть... От нас она может выслушать... Ну и ослы же мы!..

— Уходите!

Закрыв дверь за ушедшими, Анико вернулась к золовке и снова принялась успокаивать и ободрять ее, рассказывая разные утешительные истории.

На помощь ей скоро пришел Илико: он ворвался так, словно дом был объят пожаром, и уже на пороге принялся кричать:

— Долгой жизни, солнечных дней и безоблачного счастья моей маленькой сестренке! Здравствуй! — И Илико затискал и зацеловал сестру так, что у нее перехватило дыхание.

Перемешивая торжественные благословения с шутливыми поздравлениями, Илико дурачился, смешил сестру и хохотал сам.

— Такую лихую лезгинку спляшу, что черти в аду лопнут от зависти! А дружек приведу — у самой царицы Тамар, наверно, не было таких! Повеселюсь на твоей свадьбе, а там и тебя на свою приглашу. Вот как!

— Ты это серьезно или шутишь? — спросила Кето.

— Нашутился я вдоволь, хватит! — ответил Илико, сразу перестав смеяться. — Только ты пока никому не говори, а то поднимется страшная буча.

— Почему? На ком ты собираешься жениться?

Илико заупрямился, ни за что не хотел признаваться, но Кето поклялась не выдавать его и выведала сначала имя дамы его сердца:

— Зовут ее Адель. Танцует она так, что сам Петипа позавидует.

— Скажи уж и фамилию, Илико!

— Фамилия ее Гопкинс. Мадам Гопкинс.

Кето даже растерялась. Она недоуменно глядела на брата: правду он говорит или это очередная его шутка?

— Как? Та самая танцовщица, что выплясывала кек-уок в шантане?

— Вот именно. Она самая. Почему это тебя удивляет?

Кето расхохоталась.

— Какой ты выдумщик, право! Этой мадам Гопкинс не с Петипа равняться, а с нашим мясником! Да, с мясником! Не верю тебе. Ты, наверно, шутишь!

Илико глядел на сестру, разинув рот от изумления.

— Какой там еще мясник? При чем тут мясник? Ты сама-то понимаешь, что ты говоришь?

— А ты сам понимаешь, что ты делаешь? — возразила сестра. — Как можно сыну Андро Ахатнели жениться на шансонетке!

— Ну, если дочери Андро Ахатнели можно выйти за жандарма...

— Замолчи! — воскликнула Кето, приподнимаясь на подушках. — Как ты смеешь сравнивать Авшарова с этой девкой? Помнишь, что сам Авшаров сказал тебе об этой рыжей жабе? Что одевает ее этот негр, ее муж, а раздевают другие? На самом-то деле, я думаю, не муж — ее, а она его одевает, да еще и кормит в придачу!

— Адель — порядочная женщина, — пролепетал Илико.

— Что? Порядочная? — пришла в ярость Кето, но, услышав за дверью шаги, прикусила язык.

Вошла Мариам, и оба сразу умолкли. Мать окинула сына и дочь внимательным взглядом.

— О чем вы разговаривали?

— О моем замужестве, — солгала Кето. — Только Илико и тетя Анико поздравили меня. Все остальные родственники нахохлились, как рассерженные индюки. Акакий даже вовсе не зашел сюда.

Илико сделал сестре знак, чтобы она помалкивала, и выскользнул в дверь.

— Наберись терпения, девочка, — сказала Мариам.

— Наберусь, мамочка. Мне еще многое придется стерпеть.

К вечеру Кето встала и вышла в гостиную. Побродив по комнате, она под села к роялю и сыграла несколько коротеньких пьес. Внезапно вошел Цверадзе. Он почтительно поклонился Кето и сказал:

— Для всех-то вы охотно играете, госпожа Кетеван... Что бы вам разочек и для меня поиграть?

— Что же мне для вас сыграть, батано Якоб?

— Сыграйте баяти¹.

Кето улыбнулась и пробренчала одним пальцем восточную мелодию. Цверадзе беспокойно ходил по комнате. Кето знала об его намерениях, да и мать предупредила ее, что Якоб собирается сделать ей пред-

¹ Восточные романсы, исполняемые сазандарами и зурначами.

ложение. «Баяти — только предисловие. Он готовится к объяснению. Как только кончу играть, сразу перейдет к делу», — подумала она и решила его опередить; внезапно оборвала игру, повернулась на своем вращающемся стуле к Цверадзе и объявила:

— Поздравьте и вы меня, батоно Якоб!

— С чем поздравить?

— Замуж выхожу.

Цверадзе остановился, как вкопанный. Лицо его выразило сильнейшее неудовольствие. С трудом разжав рот, он пробормотал:

— Кто... За кого?..

— За Авшарова, — ответила с готовностью Кето.

— А я... А мне что вы скажете?

Кето рассмеялась от души.

— Так, значит, и вы собирались свататься?.. Но я ведь не читаю в сердцах. Почему вы раньше не сказали?

— Духу не хватило. Эх, не везет мне, — и Цверадзе махнул рукой с безнадежным видом.

В торговых делах и в биржевых комбинациях, однако, Цверадзе неизменно везло, да и духу всегда хватало. А вот чтобы сказать несколько слов девушке — слабому, беспомощному в сущности созданию, — у него не нашлось смелости. Сколько он обдумывал, как долго готовился — и вот только и сумел пробормотать: «А мне что вы скажете», да и то лишь когда девушка сама сообщила ему, что выходит замуж за другого...

Какой же он тюфяк! И что он тут наболтал? Цверадзе стало так стыдно, что он даже не поздравил Кето — молча повернулся к ней спиной и вышел.

А Кето было и смешно и жалко его...

Скоро появилась и Марта. Она с улыбкой взглянула Кето в глаза:

— Это правда?

— Правда, Матико, правда... — Кето увела подругу в свою комнату, усадила ее на диван, сама села рядом и начала задумчиво: — Странные вещи происходят со мной. Никак не возьму в толк — к счастью это или к беде? Помнишь, ты сказала мне однажды, что можно жить в доме у врага и помогать революции? Так вот, очень скоро я окажусь именно в таком положении. Не знаю, сумею ли с честью донести до конца эту ношу...

— Что я могу тебе сказать, милая Кето? — немного подумав, ответила подруга. В наше время такую ношу взвалили себе на плечи очень многие — мужчины и женщины, крестьяне и рабочие, большие и малые. Одни донесут ее до конца, другие упадут под нею. Битва в разгаре, уже немало наших бойцов погибло, и еще многих может постигнуть та же участь. Тот, кто сумеет выбрать ношу себе по силам, без сомнения, с честью донесет ее до конца; кто ошибется в оценке своих сил, может потерпеть поражение, а то и погибнуть. Малодушный будет сразу сломлен, а тот, у кого твердое сердце, оттолкнет палача и сам взойдет на эшафот. Я знаю тебя с детства, Кетино, мне хорошо известно, что ты за человек, и на что ты способна. И я должна предостеречь тебя: бороться за революцию — дело опасное. Пройтись по улице с демонстрантами, спеть запрещенную песню и крикнуть: «Да здравствует революция! Долой палачей!» — способен почти каждый. Но от этого царский трон не рухнет. Существуют и более опасные дела — и ты, как я вижу, задумала включиться именно в такую работу... Если об этом узнают — горе тебе.

— Я не трусиха, — напомнила подруге Кето.

— Знаю, знаю, что ты храбрая женщина... Но храбрость и стойкость — это ведь не совсем одно и то же! А тебе придется проявить прежде всего — стойкость, во-вторых — осторожность, в-третьих — выносливость, и наконец — хитрость.

— И первое, и второе, и третье, и четвертое у меня есть, — уверенно объявила Кето.

Марта несколько мгновений смотрела на нее своими умными глазами.

— Тебе уже приходилось испытать себя в этом смысле? — спросила она наконец. — В чем и когда?

— Очень много раз и во множестве случаев.

— И к хитрости приходилось прибегать? — Марта недоверчиво улыбнулась.

— С друзьями — не пробовала никогда, а с чужими — не раз, и с успехом, — ответила Кето, так же улыбаясь, и добавила: — Но ведь и ты взвалила на себя такую же ношу и несешь ее молча, не сгибаясь под нею и не жалуясь.

Марта улыбнулась.

— Ну, я тебе все сказала, а решать ты будешь сама. Всей душой желаю тебе найти свое счастье... и справиться с этой твоей ношей. Зураб согласен со мной во всем и тоже считает, что надо тебя предостеречь...

— Спасибо, милая Матико, спасибо.

Подруги поцеловались. Марта переменяла предмет разговора:

— Зря ты тогда отдала полицейскому свое кольцо. Мы и без того выпутались бы вместе со всеми.

— Знаю, я ведь там была до конца. Бог с ним, с этим кольцом. Считаю, что отдала его на дело свободы. Таких побрякушек у меня еще много будет. Знаешь, куда я попала с кладбища?

И Кето рассказала Марте обо всех происшествиях того вечера: о докладе Зураба, об их совместном пути по ночному городу, о беседе, которую они вели, наконец, о том, как она попала в шантан и что там видела.

— А на другое утро пришел Нико и жестоко разбил меня. Бедный Нико! Он очень страдает.

Марта поняла подругу с полуслова. Обе прекрасно знали причину страданий студента. Но ни одна даже не обмолвилась о ней.

В то утро Кето в душе уступила Зураба подруге и даже благословила их. Но сейчас какое-то горькое чувство, похожее на сожаление, больно кольнуло ее. Ей вдруг захотелось, чтобы в сердце Зураба не нашлось места ни для какой другой женщины, кто бы она ни была, Марта, Нино или Эло. Даже мимолетная мысль о том, что Зураб может достаться другой девушке, была мучительна для невесты Авшарова. Но ей сразу стало стыдно. Она упрямо встряхнула головой, точно отгоняя эти незваные мысли. «Боже, что я за дура! — подумала она. — Какая же я, оказывается, жадная!»

IX

Леван, Ражден, Тедо, Марта и Нико сошли с трамвая и направились в разные стороны, не обменявшись даже взглядом, точно незнакомые друг с другом люди.

Леван вошел в ворота товарной станции железной дороги. Тедо следовал за ним поодаль. Нико свернул в соседнюю улицу, к таможене. Марта шла сзади, шагах в десяти. Ражден остался один и затерялся

в сутолоке широкой площади, кишашей людьми, экипажами и телегами.

Тедо внимательно следит за Леваном, Марта охраняет Нико, а Ражден — всех четверых.

Нико одет, как приказчик: узенькие брюки и обтянутый пиджачок яркой расцветки, жесткий крахмальный воротничок, розовый галстук, дешевая соломенная шляпа-канотье, в руках — тоненькая черная бамбуковая тросточка. Вид у него — легкомысленный и щегольский, поистине приказчиный. Впрочем, это соответствует действительности: сегодня Нико — приказчик негодянта Цверадзе, что подтверждается соответствующим удостоверением, спрятанным у него в кармане. На имя Цверадзе прибыла из-за границы партия товара, и Нико, служащий торговой фирмы, послан на станцию, чтобы получить его.

План предстоящих действий разработан во всех подробностях. Сначала Нико пройдет в контору, подождет своей очереди, уплатит таможенную пошлину — рублей тридцать или около того — затем спустится в склад, расположенный тут же рядом, и обратится к железнодорожному чиновнику с зеленым кантом. Чиновник, после тщательного изучения товарной квитанции, пройдет вместе с Нико в дальний конец огромного склада и разыщет среди ящиков товар Цверадзе. На помощь ему для таможенного досмотра явятся еще два железнодорожника. Приказчика подвергнут настоящему допросу.

— Откуда прислан товар?

— Из Лейпцига, — отвечает приказчик, небрежно вертя в руках бамбуковую тросточку.

— Содержимое ящиков?

— Портреты знаменитых генералов, писателей и ученых.

— Генералов? Каких именно?

— Бисмарк, Мольтке, Суворова, Куропаткина.

— Как, и Куропаткина? — изумляется чиновник.

— Когда клиент сделал нам заказ, Куропаткин был еще в силе. Теперь, когда Куропаткин слетел, наш клиент, конечно, потерпит на его портретах убыток. Что ж, его риск. Нам-то что за дело?

Таможенные рабочие сбили крышки со всех четырех ящиков и достали из каждого по образцу. Все совершенно верно: в ящиках — литографированные портреты. Больше там ничего нет. Портреты эти скатаны в рулоны вместе с проложенными листами картона, а сверху обернуты бумагой.

— Что ж, все в порядке, — сказал наконец старший из чиновников. — Можете увозить.

«Болваны! — подумал Нико. — Безмозглые дураки! Стоило развернуть хоть один рулон — и сразу нашли бы целую пачку газет «Пролетария» или «Вперед».

Ну, разумеется, — стоило только развернуть... Но для этого нужна была хоть тень подозрения. А подозрительного-то как раз ничего и не было.

Рабочие вынесли все четыре ящика на улицу и ушли.

Тотчас же подоспел с телегой Ражден. Погрузив товар, они двинулись в сторону вокзала. Шагах в полутораста дожидался с пятью другими тяжелыми ящиками Леван. Новый груз уложили вместе с прежним, и телега продолжала путь. Леван и Ражден сопровождали ее — один спереди, другой сзади, остальные же исчезли, не перекинувшись ни единым словом. Леван и Ражден тоже держались так, словно не были знакомы друг с другом. Леван шагал в авангарде, довольно да-

леко впереди, и разведывал путь, а Ражден охранял телегу с тыла, внимательно всматриваясь в каждого прохожего.

* * *

Вечером Леван отправился в Надзаладеви, разыскал Зураба и сказал коротко:

— Все готово. Пойдем, покажу.

Через полчаса, поднявшись по крутой улице, они подошли к ветхому домику, притаившемуся за глухой оградой напротив дома Ахатнели. Зураб толкнул деревянную калитку.

— Здесь заперто, — тихо сказал Леван. — И будет заперто постоянно — для отвода глаз. А для нас я устроил вход с другой стороны. Идем.

У подъезда Ахатнели стоял столб с керосиновым фонарем, тускло озарявшим небольшое пространство перед домом и бросавшим сквозь густую листву деревьев слабый отблеск на противоположную сторону улицы. Маленький домик вырисовывался в сумраке смутной тенью.

Леван и Зураб поднялись по улице еще на несколько шагов и свернули налево, в узкий проход между домами.

— Ничего не вижу, — шепнул Зураб.

— Дай руку! — Леван взял Гургенидзе за руку и повел его за собой, как слепого.

Они еще раз повернули налево и вошли в тесный двор. Между тем, тучи на мгновение разошлись. Луна точно выглянула из-за темного занавеса и обшарила лучами каждый закоулок.

— Помнишь — здесь была лестница с кирпичными ступеньками? — спросил Леван своего спутника.

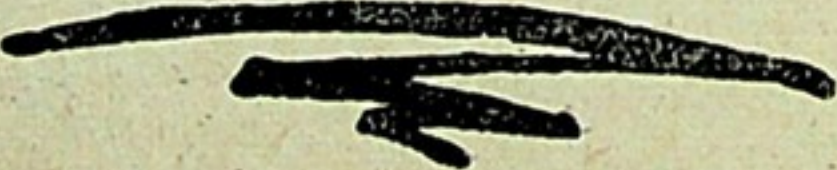
— Помню. Она вела в подвал.

— А теперь ее нет. Иди сюда, за мной. Раньше было две двери, не так ли? А теперь осталась только одна. Ну-ка, войдем в дом.

Они толкнули дверь и очутились в довольно большой, слабо освещенной комнате. Там ожидали их Марта, Нико, Тедо и Ражден.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Зураб, окидывая взглядом полутемное помещение.

Продолжение следует

Теймураз Джангулашвили

СЪЕЗД КОММУНИЗМА

Перевод с грузинского Э. Иодковского

С каждым днем мы ближе к Коммуне.

Объявляется:

«Съезд открыт...»

Это кто стоит на трибуне?

Коммунизм

на трибуне

стоит!

Слово

светит

солнцем в зените:

всколыхнет его правота

и души тончайшие нити,

и гудящие провода.

Эта речь —

как бич

для невежды,

как удар по чьей-то короне,

в этой речи

гудят надежды

угнетенных рабов колоний.

Скоро,

скоро

весь мир проснется,

гневно взвесит «против» и «за»...

Ах, кому-то сиянье солнца

затуманивает глаза!

Но гремит

от полюса

к полюсу

нашей поступи грозный гром.

Подпоясаны солнечным поясом,

по весенней Земле идем.

Все поля напоены ярью,

над полями —

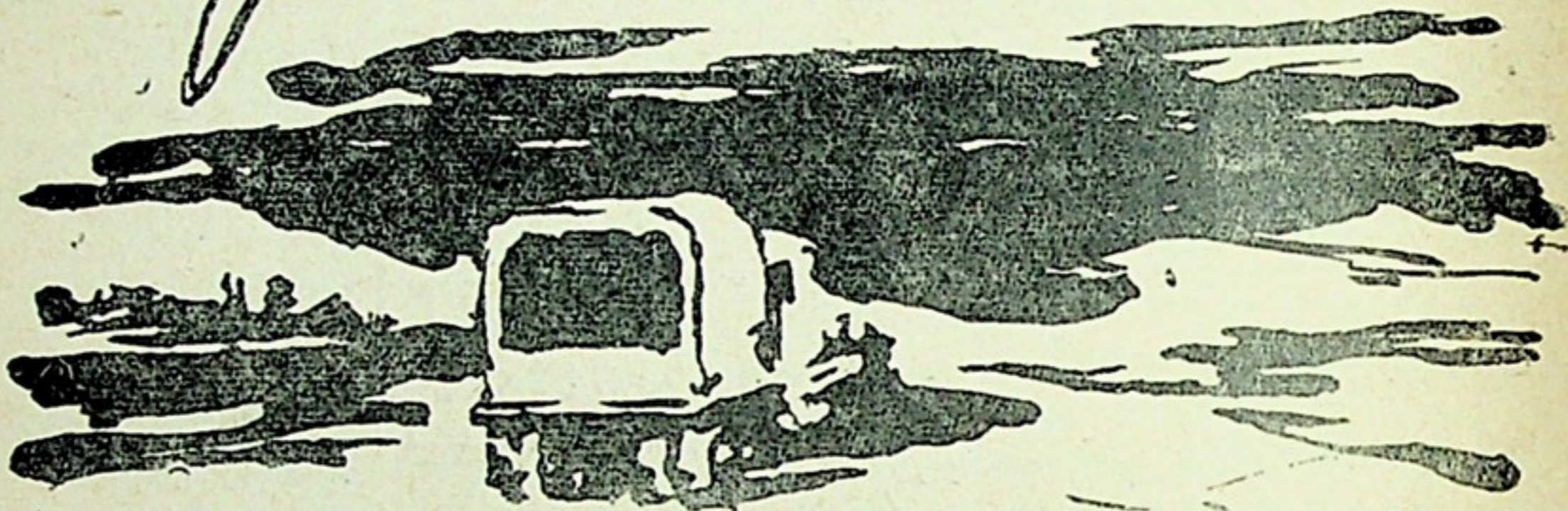
пролет моста,

и становится

дерзкой явью

человеческая мечта!

Родные

РАССКАЗ

Перевод с армянского Г. Мулкиджаняна

Рис. И. Гурро

Ночь. Над селом, как парашют в глубине неба, спокойно плывет серебристый диск луны. Ее призрачным светом залито все вокруг. Можно ясно различить каждый дом, каждое дерево или куст.

Перекинув лопату через плечо, Атанес возвращается домой с горной делянки. На душе у него так же светло и ясно, как и кругом в эту лунную ночь.

А ведь он не знал отдыха целый день. До заката работал на колхозном току, бросал снопы в ненасытную пасть молотилки. С наступлением темноты, когда ярко вспыхнули огни на селе и вечерняя смена с вилами «осадила» ток, Атанес направился домой. Поужинал и по просьбе жены спустился в ущелье полить огород.

Вечер прохладный, приятный. Тишина. Только вода — ее провели

в этом году от обильных горных родников — все течет и течет, журча. Под ее тихий плеск Атанес мурлычет старинную песню и, зная себе, поливает грядку за грядкой.

Истомившаяся от жажды, потрескавшаяся земля, впитывая освежающую влагу, оживает, словно поднимается, благодарно гладит босые ноги старика. И он ощущает приятную прохладу во всем теле.

Каждый раз, переводя струю воды с одной грядки на другую или широкой лопатой преградив путь водяному потоку, старик склоняется к нему и молча слушает, как булькает вода. Чудится, она рассказывает о тайне, принесенной издалека, с цветущих горных склонов, и что не земля, а именно он, Атанес, вдыхает ее живительную влагу.

И опершись на лопату, весь залитый лунным светом, с любовью смот-

рит он на деревья, стараясь вспомнить, когда и по какому поводу было посажено каждое из них.

Когда взгляд падает на кудрявую яблоню у плетня, сердце наполняется тоской.

— В день рождения моего Вазрика...

Вазген, или, как ласково называли его родители, Вазрик — старший сын Атанеса. Ушел на войну... Не вернулся. Последнее письмо прислал с Украины. Больше никаких вестей от него не было.

Каждую весну, в пору цветения, тайком от жены своей Талал, приходил Атанес в сад и садился под дерево Вазрика. Потом снимал папаху, становился на колени и начинал мысленно беседовать с сыном.

Старик придумывал тысячи историй и, возвратясь домой, рассказывал их, как быль, своей Талал, надеясь хоть этим утешить ее.

— Слышишь, Микоевна? Говорят, один аксибарец, проходя по этим краям, однажды говорил нашим пастухам, что...

И Атанес подробно рассказывал, когда, где и при каких обстоятельствах этот аксибарец в последний раз видел их сына.

Талал слушала, верила, ибо все истории, придуманные Атанесом, были близки ее сердцу, да к тому же она за их долгую совместную жизнь привыкла во всем верить мужу.

Так проходили годы. Война стала далеким воспоминанием, и только тоска по Вазгену никак не утихала в сердцах стариков...

Рядом с яблоней — абрикосовое дерево. Его пышные ветви перевешивались через плетень. Это было дерево Азиза.

Бог знает, где он теперь. Письма идут с Камчатки, из Милковского района. Студент Московского геологического института, он вместе с экспедицией Академии наук дошел до края земли.

«Дорогой отец! Письма, возможно, задержатся. Не беспокойтесь.

Проводим изыскания в горах. Ни почты здесь, ни телеграфа...»

«Как же не беспокоиться», — с горечью думает Атанес.

Зато односельчане совсем иного мнения.

— Всем миром завладел старик, — шутят они.

И временами, когда в сердце притупляется тоска по сыну, Атанес соглашается с односельчанами: да, правы они...

— Встань, поднимись на вершины родных гор, расправь крылья — одно над Украиной, другое — над Камчаткой... И увидишь — словно над всем миром паришь ты.

Правду говорят земляки. И сердце старика наполняется гордостью.

Атанес направил струю в соседний огород — Атанц Гагасина, знатного тракториста, проводившего в эту страдную пору дни и ночи в поле.

Полил грядки с капустой, помидорами, луком и базиликой. Полил заботливо, с любовью, даже, может быть, более старательно, чем свой огород. Для чего давать повод людям думать, что старый Атанес не одинаково относится к своему и чужому добру...

Покончив с поливкой, отведя воду, вполне довольный собой Атанес направился к дому.

* * *

Вот он вошел в деревню. Перед ним, будто стремясь обогнать хозяина и быстрее добраться до дому, бежала его длинная тень. Неожиданно, вслед за гулом, яркий луч света рассек темноту. Это была машина. Атанес замедлил шаг, чтобы уступить ей дорогу. Но машина остановилась рядом с ним. Из кабины показалась голова:

— Не знаете, где здесь живут геологи...

Как-то Атанес видел на опушке Балахутского леса нечто похожее на нефтьвышку. Но где, в чьем доме остановились разведчики недр, он не знал.

— Что же нам делать? Куда идти? — раздался из полумрака кабины усталый недовольный голос.

При свете луны старый Атанес заметил, как бессильно опустились руки водителя. Его одолевал сон.

— Ну... Что делать? — снова пробубнил сонный голос.

Тогда старик предложил вдруг:

— Давайте, ребята, я отведу вас в дом одного геолога.

Атанес вскочил на подножку и на правах старшего, приказал:

— Гоните по боковой дороге.

Вскоре машина была у дома Атанеса. Когда она въезжала во двор, казалось, что сюда входит, раздвигая столбы изгороди, исполинский черный буйвол с тяжелой поклажей.

На скрип ворот вышла сонная Талал.

— Где ты застрял? — обратилась она к мужу и, не ожидая ответа, добавила: — А это кто?

— Наши, — коротко отрезал Атанес.

Он закрыл ворота и вместе с гостями поднялся на балкон. Здесь на угловом столбе висел медный самовар, служивший умывальником. Рядом — белоснежное полотенце. Хозяин умылся. Его примеру последовали гости. Талал накрыла на стол. Усталые люди с волчьим аппетитом набросились на яичницу, сыр, свежий дандур, приправленный чесноком и уксусом.

Атанес разлил по стаканчику водки.

Ужин, вероятно, так и прошел бы в полном молчании, если бы вторая стопка не развязала язык словоохотливому старику.

Атанес попросил жену принести сумку Азиза. Талал вышла в сени и вскоре вернулась с сероватым мешком в руках. Под электрическим светом заблестели, засверкали всеми цветами радуги осколки минералов и кристаллы, драгоценными камнями посыпались они из мешка.

Атанес бережно взял в руки желтый, как янтарь, кусок минерала, поднес к нему горящую спичку: камень задымился, распространяя за-

пах не то горящего масла, не то ладана, затем вспыхнул голубым пламенем.

С нескрываемым интересом наблюдали гости за колеблющимися язычками пламени.

— А вот этот — мой Азиз нашел в размытом овраге.

Атанес показал и другой, покрытый медным налетом, осколок, который Азиз отыскал в лесной глуши, на участке, называемом «Бердзенер». Говорят, древние греки там плавил медь и отправляли ее на ослах и мулах в далекие страны. Атанес своими глазами видел следы разоренного забоя.

— А вот этого — мы называем его кремнем, — просто полно в наших пещерах. Да, наш горный край богат такими сокровищами.

— А вы, отец, не показывали все это руководителю нашей поисковой группы? — спросил светловолосый юноша с чистыми голубыми глазами, так удивительно похожий на пропавшего без вести сына Атанеса.

Трудно сказать, голос ли этого юноши напомнил старику Вазрика или слово «отец» согрело его истосковавшееся по сыну сердце, только он смутился и ответил, запинаясь:

— Пока нет... Вот немного освобожусь от работы и...

Гости не были геологами. Они возили горючее для поисковой группы. Но сказывалось их постоянное общение с разведчиками недр — дополняя друг друга, они характеризовали каждый кусок камня, каждый осколок, найденный Азизом.

Уже за полночь Талал постелила гостям постель на широкой тахте, служившей одновременно и сундуком.

Перед сном они спустились во двор, походили вокруг машины, в темноте к чему-то приглядывались, что-то проверяли. Это не ускользнуло от внимательных глаз хозяина.

— Будьте спокойны, дорогие, — сказал он с балкона. — Не только

бензин, если золото оставите, никто не тронет.

Тихая летняя ночь незаметно таяла. С колхозного тока доносился размеренный стук молотилки, словно биение сердца спокойно спящего села. А поблизости, в лесу, какая-то птица высвистывала свою мелодию.

* * *

На заре Атанес встал, натянул одежду и, почесывая затылок, вышел на балкон.

Гости спали спокойно, мирно. Один лежал на боку, лицом к стене; другой, так похожий на Вазрика, — повернувшись лицом ко двору.

Старый Атанес с грустью посмотрел на него.

— Господи, до чего же похож...

И потому ли, что Талал укрыла гостей цветными одеялами сыновей, которые редко доставала, или оттого, что сам он находился под впечатлением тревожных мыслей, смутных ощущений, на мгновение ему показалось, что эти чужие, незнакомые юноши — его родные сыновья. Встретились в пути, ночью вернулись домой и, чтобы не беспокоить родителей, постелили постель на балконе и сладко уснули, как бывало в детстве, обняв друг друга, чтобы утром, едва продрав глаза, продолжить игру — толкаться, кувыркаться и, сбросив одеяло, в обнимку скатиться с тахты, продолжая бороться на полу.

Атанесу вдруг захотелось подойти, обнять, расцеловать обоих. Но старик удержался — боялся их разбудить.

— Жаль... Устали...

Талал приготовила завтрак. Атанес привычно положил сверток в карман и растерянно остановился на балконе. Будто забыл что-то. И,

словно пытаюсь что-то вспомнить, несколько раз прошел по балкону, из конца в конец, не отрывая глаз от спящих ребят.

Как знать, не хотел или не мог расстаться с ними старый Атанес?!

«Возможно, в этот ранний час, — думал он, — на далекой Камчатке, другой отец, встав спозаранку, так же стоит у изголовья Азиза, глядит, не наглядится, смотрит и не может расстаться с ним, вспоминая о своем сыне».

Во дворе звонко закукарекал златокрылый петух, взобравшись на цистерну. Старик зашикал на него и спустился вниз. Погруженный в свои мысли, опустив голову, шел он в поле.

* * *

Вечером, возвратившись домой, Атанес сразу же спросил у Талал:

— Уехали?

— Уехали, — грустно вздохнула она. — Очень жалели, что не могли попрощаться с тобой.

— Ты не забыла дать им чего-нибудь на дорогу?

Талал посмотрела на мужа с немым укором: «Да как ты мог даже подумать такое!»

Старик был доволен.

— Говоришь, жалели...

— Очень. Особенно тот...

— Который?

— Да тот, что на Вазрика нашего похож...

Атанес молча склонил голову.

В эту ночь лампа до утра горела в доме Атанеса. Старики долго не ложились спать, все прислушивались, не загудит ли вдали машина. Может, вернутся еще ребята. Может, приедут ночевать... И, мыслимо ли, чтобы дверь оказалась тогда закрытой и не светил им огонек в окне Атанеса.

Сергей Сартаков

Л ю б о в ь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окончание

«Лед растает, не растает...» Ковчег, что ли, для замороженного леса построить? Ковчег... А что? Он ведь построен уже! Вот все это ледяное поле со вмороженными в него бревнами. Прочное, крепкое. Только на какой Арарат и какими силами поднять его на время ледохода? Стихийные бедствия: наводнения, ураганы, лесные пожары... Есть способ гасить лесные пожары встречным огнем. Может быть, сохранить в реке замороженные бревна встречным морозом...

На улицу из конторы вылился шумный людской поток, веселым говором, криками наполнилась звездная ночь, и сразу словно бы вздрогнули, подтянулись высокие сосны, уставшие стоять с ветвями, отдавленными тяжелыми снеговыми ношами. В темных окнах домов замерцали желтые огоньки — это заботливые матери вскакивали с постелей, чтобы горячим чаем встретить нагулявшуюся молодежь.

Эй, начальник, хватит всяких нелепых выдумок! Все свободные рабочие руки нужно занять строительством жилья, чтобы хотя в этом году снова зря не «пропали лимиты».

Цагеридзе тихо брел к дому по косо́й тропе, пробитой в высоких сугробах. Видимо, совсем уже напоследок, Гоша рванул еще раз «Подгорную». Под гармонь Женька Ребезова спела частушку:

Реки, камни и кусты,
Всюду сломаны мосты.
Где-то Макся мой идет,
Мишу за руку ведет.

А девчата захохотали так заливисто, так озорно, что у Цагеридзе колючими мурашками по телу пробежала дрожь: а-ах! генацвале...

Он пошел, зашагал быстрее, но почему-то не к дому, а повернув обратно к конторе, шел, уже весело приподняв голову, всей душой уносясь в полет новой фантазии: мороз сковал лед в запани, только в запани, но сковал с такой силой, что он никак не может растаять, хотя вокруг весна...

Было не очень холодно — двадцать четыре. Цагеридзе в Сибири привык считать это оттепелью. Но его сейчас все время перетряхивало

короткой дрожью. Не то от усталости, не то от счастья найденного им правильного решения. В последнем он нисколько уже не сомневался.

Пусть Загорецкий со своим многолетним опытом метеоролога точнее нарисует картину второй половины зимы, предскажет характер ледохода — это яснее определит конечные сроки работ. Пусть Баженова вычислит плановую стоимость защитных сооружений — они не могут быть, никак не могут быть очень дорогими. Пусть Василий Петрович расскажет, откуда и как на это взять деньги. Пусть лоцман Герасимов припомнит самые диковинные случаи из своей сплавной практики — инженерную мысль всегда надо связывать с народным опытом. Лес теперь спасен. Спасен!

Об этом Цагеридзе хотелось кричать на весь поселок. Он верил в это. Он не зря просидел над расчетами ночь. Он щедро добавлял повсюду огромные припуски, и как бы велики ни оказались в расчетах у него отдельные ошибки, общего резерва возможностей все равно хватит. Он сказал Михаилу о бочке пороха. Да, он, Цагеридзе, может «взлететь на воздух». Сплавное дело всегда во многом зависит от стихии. Те же злые силы природы, которые послали по осени мороз и снег раньше времени, могут столь же некстати и растопить лед весной, — то, о чем сперва мечталось Цагеридзе, и чего он теперь боялся больше всего. Но он готов на риск! Он себе не простил бы отказа от такого решения.

Удивительно... Прошлый раз, при первой беседе, в большом кругу, Герасимов упоминал о ледяной дамбе: так, мол, делается. Но в голос все тогда закричали: «На нашей протоке не сделаешь». И сам Герасимов тотчас же согласился: «Да, у нас не выйдет, слишком силен бывает нажим ледохода к этому берегу. А «закосить» дамбу, повести ее от берега к изголовью острова за километр выше, примерно, — куда же, сколько это будет стоить? И где взять столько рук?» Почему тогда ни у кого не мелькнула мысль о речке Воркотухе или Громотухе, впадающей в Читаут как раз в километре выше изголовья острова! А эта речка и сделает все...

Однако, дойдя до дому, Цагеридзе не вошел в него. Посмотрел на часы.

«Все спят. Зачем будить? Зачем отнимать покой у людей? Не пришел с вечера — терпи теперь до утра, когда люди сами начнут подыматься. Здесь, Нико, тебе не гостиница и не бабушкин дом».

Он наметил: пройти до конца поселка и вернуться. Будет, пожалуй, как раз. Все равно сейчас голова словно опилками набита, он не сможет объяснить Марии свой замысел во всех подробностях, а без подробностей как же плановик начнет вычислять стоимость дамбы?

Все эти дни Мария невеселая. Дома. В конторе она, как всегда, работает споро, точно, и улыбка, замечательная, красивая улыбка у нее не сходит с лица. Она хорошо смеется и дома, пока не столкнется в каком-нибудь, хотя и коротком, разговоре с Елизаветой Владимировной. «Дома...». Старуха всегда гордится: «Это мой собственный дом». Марию трясет от этого слова. Однажды у нее вырвалось злое: «А для меня это квартира».

Как взаимно они не любят друг друга! Но Мария не хочет оставлять больную старуху без помощи, ее совершенно невозможно оставить одну даже в «собственном» доме. Пенсии она не получает, не только работать, сходить за чем-нибудь в магазин редко решается, живет на зарплату Баженовой. Оставить ее одну — все равно, что выгнать про-

сто на улицу. Мария никому не рассказывает ни о своем замужестве, ни о том, почему так странно сложились у нее отношения с матерью мужа. Открылась немного только ему, Цагеридзе. Это ее дело. Есть, вероятно, в замужестве что-то очень тяжелое для Марии. Но почему тогда к ней так несправедлива Елизавета Владимировна?

Не в первый раз Цагеридзе задавал себе этот вопрос. Иного ответа не находил, кроме одного: скверный характер у старого человека. Но это был ответ, объяснявший результат, а не причину. Сама же Елизавета Владимировна намекала ему, когда они оставались вдвоем, что Марья Сергеевна скрытно-злая, безжалостная женщина, ей загубившая жизнь, и что она, несчастная старуха, терпит такое тиранство лишь потому, что деваться некуда. Цагеридзе спрашивал в упор: «Чем же Мария вам жизнь загубила?» Старуха печально разводила руками: «Не видите разве, до чего довела?» Но подробностей тоже никаких не рассказывала. И откуда же было Цагеридзе по этим отдельным словам и недомолвкам представить истину: Елизавета Владимировна, как и Анатолий, считает во всем виновной только Марию — ей нужно было «глотать сульфамиды»... Больше того, Анатолий не едет за матерью лишь потому, что боится — пристанет снова Мария к нему со своей бесполезной любовью.

Цагеридзе не мог не думать о Баженовой, не мог не задавать себе о ней вопросов — эта женщина стала ему как-то по-особенному дорога, хотя и оставалась все время во многом непонятной. Ему хотелось помочь Баженовой, просто, по-человечески помочь. Но для этого нужно было знать, какая помощь ей окажется и полезной, и желанной. А Мария всеми силами отводила любые разговоры о себе.

В доме уже светился огонек, когда Цагеридзе, дойдя до конца поселка, вернулся обратно. Одна усталость — от напряженных размышлений над техническими расчетами сменилась другой усталостью — чисто физической. Безудержно хотелось спать. Но все равно никакая усталость не могла заслонить главного — радости, которой Цагеридзе переполнен был до краев. И видел, как, едва очистившись ото льда, Читаут понесет первые, невиданно ранние плоты, связанные из бревен, благополучно отстоявшихся в запани; видел, как эти бревна выкатят на берег в безмерно далекой-далекой Дудинке и оттуда увезут по железной дороге, проложенной через тундровые топи, в еще более далекий Норильск, а там распилят на доски, чтобы сделать из них отличные полы и потолки в домах, стоящих сейчас унылыми каменными коробками лишь потому, что лес, предназначенный для них, не дошел в срок, замерз во льду здесь, на Читауте...

Цагеридзе распахнул дверь, первой увидел Баженову, заметил испуг в ее глазах, тотчас сменившийся облегчением, и весело захохотал. Он шуточно-суеверно загадал себе: если его первой встретит Феня, лес погибнет, но сам Цагеридзе останется цел; если встретит старуха, погибнет и лес и Николай Цагеридзе, а если встретит Мария — лес будет спасен. И никто не погибнет.

— Как жаль, Мария, что вы не мужчина, — сказал он, идя прямо к Баженовой и торопливо ловя ее руки. — Как жаль! Я вас поцеловал бы прямо в губы, а так я могу только...

Баженова резко вырвала руку.

— Вы что это! — с негодованием сказала она.

Ее пронизала тревожная мысль: всю ночь Цагеридзе не было дома — не напился ли по примеру Лопатина и новый начальник? Такой

развязности он себе еще ни разу не позволял. А с печи немедленно прозвучало горько-предостерегающее «О господи, господи!».

— Вот и всегда так, — отступая, сказал Цагеридзе. — Еще ни одной девушке, ни одной женщине я не доставил удовольствия — только огорчения. Я прошу прощения за свою выходку, Мария. Но вы должны сказать мне, на что имеет все-таки право предельно счастливый человек?

— Нашли! — вскрикнула Баженова.

Теперь она поняла. Радость Цагеридзе стала ее радостью, хотя и трудно было представить, что мог он найти. Это же не золотая жила, скрытая глубоко в недрах земных, которую именно нужно «находить»! Замороженный лес, вот он, весь на глазах. Что можно придумать нефантастичного? Она вообще с первого дня поверила в Цагеридзе, Марию покорила его способность как-то сразу расположить к себе людей. Но задушевность человеческая — это одно, а снег, мороз и ледоход — совсем другое. Их только хорошим, открытым характером своим не победишь. Один раз Цагеридзе уже зажигался несостоятельной идеей растопить лед в Читауте. Какая новая идея сейчас захватила его? Но все равно. Уже только то, что человек неустанно ищет, человек хочет добиться своего и верит в свою удачу — уже это одно притягивает к себе, наполняет желанием стать с ним рядом, разделить вместе и труд и все огорчения на пути к победе.

— А я смогу вам помочь, Николай Григорьевич? — как продолжение своих быстро мелькнувших мыслей, спросила Баженова вслух.

— Вот эти слова, Мария, мне больше нравятся, — сказал Цагеридзе, — хотя в них и нет все же ответа о том, какие права имеет счастливый человек. Я бы выпил вина, но в этом доме вина не держат. Я бы обнял друга, но в этом доме обнимать никого нельзя. И я должен буду снова выйти на улицу, там закричать: «Эй, глядите, люди...».

Феня перебила его, выбежала из своего уголка на середину комнаты.

— Николай Григорьевич, пожалуйста! Обнимите меня, и не считайте, что в этом доме у вас нет друга.

Цагеридзе с минуту вглядывался в ее смущенно-покрасневшее лицо. Потом медленно поднял руку, провел ладонью по волосам:

— Спасибо! — сказал он и чуточку грустно усмехнулся. — Но я уже перетерпел самый трудный момент первой радости и теперь могу не требовать такой печальной жертвы. Мария! Вот вам приказ: подсчитайте, что будет стоять плотная снежная дамба от устья Громотухи до изголовья острова, и еще — временная плотина поперек Громотухи, поднимающая уровень воды в речке на три метра, всего на три метра. Мы заморозим всю запань, всю протоку, заморозим, как Антарктиду, безумно толстым слоем льда. Срок вашей работы — к вечеру. Сейчас вопросов мне не задавайте. — Он пошатнулся. — Черт возьми. Я все-таки лягу спать. Но сперва я поцелую девушку Феню.

И хотя Феня пошла на попятную, покраснела и замахала руками, Цагеридзе легонько взял ее за уши, подтянул к себе и поцеловал в обе щеки: «А губы — для жениха».

Он ушел к своей кровати, отгороженной ситцевой занавеской, лег и тотчас заснул, как утонул, не отозвавшись даже на приглашение Баженовой поесть чего-нибудь.

Сползла с печи Елизавета Владимировна.

— Бесстыдство, — глухо сказала она, — бесстыдство разводите, Марья Сергеевна. Лопатин на квартиру просился сколько раз, да не

пустила я — распущенный был человек. Этому доверилась, инвалидство его пожалела, а он такой же. Ясно — южный. И вы, Марья Сергеевна, вы этому потакаете, за вами вся вина в этом бесстыдстве.

Оскорбленная Феня запротестовала.

— Почему вы говорите не мне, а Марии? Если вы снова ошиблись, пустили меня на квартиру, я могу уйти в общежитие...

Баженова ее остановила, сказала тихонько:

— Да что ты, Феня, первый день у нас, что ли? Не знаешь? — И к Елизавете Владимировне громче: — Хорошо, мама, я все запомню.

— Не вздумайте только, Елизавета Владимировна, упрекать еще и Николая Григорьевича, — возбужденно сказала Феня. — Надо же понять: от души он сделал это!

— «Это» у мужиков всегда от души, — возразила старуха. — А девки потом плачут.

— Не спорь, Феня, — Баженова увела ее в свой уголок. — Это же говорится все только для меня. И не тревожься. Николаю Григорьевичу мама ничего не скажет.

— Ну, я не знаю, Мария, как ты можешь все это терпеть! И зачем?

Баженова повела плечами.

— Видишь ли, Феня, есть такое слово — «долг». Обязанность. Оно в моем понимании выше всех других слов. Да, мне бывает очень трудно. Но бросить маму одну я не могу. Это мой долг, моя обязанность — оставаться с ней.

— Никто, никто так не считает! Тебя быют — дай сдачи. Другие бы давно...

— Не знаю, как другие, а я считаю: в большом ли, в малом ли, к отдельному человеку, или ко всем людям — долг свой, обязанности свои свято должны соблюдаться. Уступи в собственных интересах чувству долга чуть-чуть, и тогда уже не найдешь точной границы — что можно и чего нельзя.

— Ты, знаешь, ты прямо Татьяна Ларина: «...но я другому отдана и буду век ему верна», — с негодованием сказала Феня.

— Что касается мамы, да, я — Татьяна Ларина, — спокойно и твердо сказала Баженова. — Маму одну я не оставляю. Пока она сама не пожелает, чтобы я от нее ушла. Не думай, что я какая-то фанатичка. Я соблюдаю свой долг, обязанности, только перед теми, кто меня от них не освободил.

— Не понимаю, я все-таки не понимаю, — повторила Феня. — Такая она неприятная, а ты... Прости, что я так говорю о твоей матери, но...

— Мы можем опоздать, — сказала Баженова. — А нам с тобой еще нужно как следует, поплотнее позавтракать. Тебе идти работать на мороз, а мне, хотя и в контору, но решать такую неопределенную задачу, что я и не знаю, как скоро ее выполню. Ты, например, хоть капельку поняла, для чего нужна плотина на Громотухе?

* * *

Цагеридзе прошел темным коридором в свой кабинет, зажег лампу. Людей в «предбаннике», как иронически называл Цагеридзе комнату перед своим кабинетом, еще не было. Пишущая машинка стояла накрытая помятым клеенчатым чехлом. Немного оттопыривалась верхняя часть дверцы канцелярского шкафа, сделанного каким-то местным умельцем. За этой скоробившейся дверцей тоже таились бумаги, бума-

ти. У Цагеридзе служебный стаж был еще слишком мал, чтобы осознанно презирать и ненавидеть бумаги. Они ему казались каким-то неведомым, неразгаданным врагом, как для врачей возбудители рака, врагом, который может ошеломить любой неожиданностью. И потому Цагеридзе не столько ненавидел бумаги, сколько просто боялся их, испытывая тот особый страх, который заставляет женщин вскрикивать, увидев мышь, а некоторых мужчин — брезгливым щелчком сбивать забравшегося на рукав паука.

На столе у Цагеридзе тоже лежали бумаги. Но это были свои бумаги, помощники, хранители многих его интересных мыслей, которые — не запиши их сразу — может быть, только промелькнули бы и навсегда исчезли. Ах, если бы и все бумаги были только хранителями полезных, интересных мыслей!

Цагеридзе уселся за стол и начал набрасывать план расстановки рабочих, такой расстановки, чтобы можно было одновременно строить и защитную дамбу, и жилые дома, и вести подготовительные работы. Писал, и все время ловил себя на том, что делает он это тоже на бумаге. Только его союзнице и единомышленнице. Однако бумага не была на этот раз доброй. Как ни прикидывал Цагеридзе, рабочих на все не хватало, хочешь не хочешь, надо что-то приостанавливать. Что? И рука невольно потянулась к строчке, обозначенной буквами Ж. С. — жилищное строительство. Да, так ему вчера и говорили женщины: «Ясно: любое дело всегда за счет жилья». Ну, а за счет чего же? Когда имеется всего четыре колеса — больше одной телеги из них никак не соорудишь. Охотник знает: хорошая винтовка и новые сапоги равно необходимы для успешной охоты в холодную пору. Но если денег недостаточно для покупки того и другого, он без колебания купит только винтовку...

Скрипнула дверь. Появился Василий Петрович, как обычно охотанный своим толстым шерстяным шарфом и с папиросой, прилепленной к нижней губе.

— Привет начальству, — сказал он, садясь в свой излюбленный уголок на скрипучем диване. — Гонит идея, спать не дает? Лопатин спервоначалу тоже пылал. Так всякий. Закон. Пока всего не попробует. Приказ подписан?

Он сказал все это как-то густо, впритык одну фразу к другой, даже не сделав маленькой паузы, чтобы Цагеридзе мог ответить на его приветствие.

— Считайте: подписан, — сказал Цагеридзе. Отвечать — «здравствуйте» теперь уже не имело смысла.

Василий Петрович тяжело поднялся, подошел к столу и протянул руку.

— Давай.

— Приказ? — переспросил Цагеридзе. — Я уже сказал: считайте, что он подписан.

— Бумагу надо. Бумагу в руку.

— Придет Лида, напечатает. Зачем так спешно, Василий Петрович?

— Не мне. Тебе тоже. Нет — так нет, подожду. Конечно, час мало значит. Ты свое дело начинаешь, я — свое. У всякого своя смелость, свой рыск.

— Ну, вы-то уж, Василий Петрович, я думаю, в жизни никогда ничем не рискнули и не рискнете, — сдержанно сказал Цагеридзе и еще раз проверил заготовленный им еще с вечера короткий деловой

текст приказа о начале работ по спасению леса; ему показалось, что Лида пришла — в «предбаннике» что-то стукнуло.

— Рыск мой какой, — весело блеснул глазами Василий Петрович и выплюнул недокуренную папиросу на пол, придавил ее подшитым валенком. — Рыск простой — голова чтобы осталась. Скупо? Вот тебе тогда кросворт.

— Вы все кроссвордами разговаривать любите...

— А что? Понимай.

Лида приоткрыла дверь, просунула голову.

— Вам ничего не нужно. Николай Григорьевич? Я пришла.

— Пожалуйста, Лидочка. Вот, перепечатайте побыстрее этот приказ.

Она взяла листок бумаги, пожала плечами с сомнением: «Такой коротенький?», и через минуту железно защелкали клавиши машинки.

Василий Петрович, прилепывая подшитыми валенками, разгуливал по кабинету. Мял в крупных, жестких пальцах папиросу.

— Разгадывай, начальник. Вот так. В Тасеевой стоит штаб фронта. Партизанский. Из Долгого Моста, умри, надо доставить туда донесение. Обрато — получить приказ. В Абане путь перерезан. Казачий отряд. По всем дорогам мотаются вершие. Круг села — по задворкам, хрен пройдешь. Попадаетея в лапы казакам парень. Догола обыскали — ничего нету. А факт, лесной тропой пробирался. Зачем? Куда? Допрос с плетями: «Партизан?» Ответ: «Какого черта?» Абанские кулаки опознают: партизан. Приговор — к расстрелу. Чего он пошел, когда знал, дороги все перехвачены? Рыск. Может, пройду. Надо А его — к расстрелу. Зима, мороз. Ночь провести в холодном амбаре. Утром — на мушку. Амбар арестантский от штаба через дорогу. Вечер, морозная муть. У забора конь, в сани запряженный. Тоже там, по ту сторону. Ведут несвязанного, под револьверами. Куды к чертям убежишь? Руки за спиной складены. Не так шевельни — две пули в спину. А есть разница — в грудь или в спину? Сегодня вечером или завтра утром? Повернулся. Успел. Бац одного в морду, бац другого. Сбил в снег с копылок. А заслонило ум: револьверы отнять. Вся душа к лошади. Ночь скроет. Повод от забора отвязал. В сани упал. Тут бич ременный. Секунду пропусти — и пули уже полетят. Когда те из сугробов выберутся. А рыск. Все одно — пули. Не сейчас, завтра. Расстрел. Рубанул бичом коня так, чтобы двадцать верст скакал, хвостом крутил. А он те крутнул. Не поскакал — лягнул. Уросный, жаба. Из оглобель задними ногами выметнулся. Ударь тише — побежал бы. А черт знать мог характер лошади? Теперь хлещи не хлещи — езды не будет. В оглобли заправлять — сто раз застрелят. Одно: бежать так. Побежал. Собаки со всех дворов охватили, рвут. И те стреляют уже вдогон. Тоже бегут. Чего? Еще один рыск. Пасть в клубок собачий. Вроде, убит. Те револьверы засовывают, помеха — убитого подымать. Он раз одного под ногу, другого под ногу. Собакам их в зубы. Тем все одно кого рвать. Теперь револьверы-то выдернул. Побежал далее. В ночь. Ночь — помощница. Три рыска подряд состоялись. Как? А у поскотины, вот сюда, — ткнул пальцем себе в бок Василий Петрович, — верший патруль из винтовки его подрезал.

Цагеридзе слушал внимательно. Было ясно, что Василий Петрович рассказывает о себе. Но в чем «кросворт», Цагеридзе не мог догадаться. Какую мысль в тугую вязь своего рассказа заложил бухгалтер?

— Но как же вы спаслись потом, Василий Петрович? — спросил он. Ему не интересен был «кросворт», хотелось просто, по-человечески,

узнать, как можно было выйти живым из такого грозного переплета событий.

— «Спасся я»? — переспросил Василий Петрович, как-то вяло пошевеливая тяжелой нижней губой. — Не я. Парень... Вот так раскинулся на снегу. Без памяти. Но ежели сразу пуля не убила, сила немного спустя вернется. Закон. А верший спешился как раз в этот миг. Уволочить мертвяка к штабу трудно. Он — веревкой за ноги, и к седлу. Поглядеть, как после стрельбы, собачьего боя в темень за село засмаливал. Нагнулся. Парень кулаком ему в зубы. Коленом под живот, в проклятое место. Последний рыск. Не вскочит с маху на коня — гроб! С дырой в боку долго не подерешься с казаком, когда под брюхом у того боль схлынет. Вскочил в седло. Ночь скрыла. Не достала погоня. Вопрос: рыск оправдался? Который? Было четыре рыска. После которого кончать, лапки складывать? Командир Тасеевского фронта парню сказал: «А на черта нам не рысковых?»

Цагеридзе ничего не успел ответить бухгалтеру, вошла Лида, принесла закладку отпечатанного под копирку приказа. Василий Петрович подбородком показал на бумагу:

— Подписывай, — торопливо закурил и выдул длинную, тугую струю серого табачного дыма.

Почти машинально Цагеридзе подписал приказ. Он еще находился под сильным впечатлением от рассказа Василия Петровича. «Который «рыск» оправдался?» Который... Все оправдались! «Рыск» должен быть всегда до последнего. Это, что ли, хотел он сказать? Что — бухгалтер поощряет его, Цагеридзе, на риск?

Василий Петрович взял один экземпляр подписанного приказа, прочитал, щурясь от дыма, попадавшего ему в глаза. Пододвинул стул и, укрепив локоть правой руки на кромке стола, начал что-то писать на приказе ниже росчерка Цагеридзе. Закончив, он подтолкнул листок бумаги к начальнику.

— Вот. А теперь приказ отменяй. Либо, на угол, через мое — вторую резолюцию.

Цагеридзе побагровел. Рассказывает о своей удали, о собственном «рыске», а говорит: «Приказ отменяй!» Да, черт возьми, что значит «отменяй»? Кто наконец над кем начальник? Добрые мысли о бухгалтере враз улетели прочь.

— Не отменю, — сквозь зубы проговорил Цагеридзе. — Идите, Василий Петрович, и занимайтесь лучше своими делами.

— Своими и занимался. Инструкция Минфина. Предусмотрено, — спокойно и даже весело объяснил Василий Петрович. — Теперь твоя очередь. Пиши еще раз, через мое — «приказываю исполнить». Порядок. Как без порядку? Государственная дисциплина. Опять же, почему мне свою голову отдавать? Без второй резолюции вина исполу на двоих. Со второй — только твоя. А мне хрен в этом лесе? Списать весной — с меня головы не снимут.

Неровные строчки надписи, сделанной Василием Петровичем, прыгали у Цагеридзе перед глазами, когда он читал: «Нач. тов. Цагеридзе. Согласно постановлению, отказываюсь исполнения. Ввиду отсутствия ассигнований. До получения из треста. Гл. бухгалтер: В. Бобыкин».

— Что я должен и где именно написать? — спросил Цагеридзе, крайним напряжением воли сдерживая себя, чтобы не перейти на крик.

— Вот тут, через мое, — ткнул пальцем Василий Петрович, — а написать, чего хочешь. Можно: «Бух. Приказываю исполнить», или —

«Подтверждаю приказ». Есть пишут длинно. Себя оберечь. Вот, дескать, почему. Полное объяснение. Мне какой хошь хватит. Только — вторую, — он грубо хохотнул: — Можешь матерно. Лопатин писал.

Стиснув зубы, Цагеридзе размахисто и крупно, как никогда прежде, поставил на приказе свою первую в жизни «вторую» резолюцию: «Гл. бухгалтеру т. Бобыкину. Приказ подлежит безоговорочному исполнению».

Сделал эту надпись и тоже захохотал. Ему стало удивительно легко. Василий Петрович со своей тяжело отвисающей нижней губой ему все время представлялся какой-то неуклюжей каменной глыбой, вставшей на пути, глыбой, которую и не сдвинешь и кругом не обойдешь. Цагеридзе не понимал ни характера Василия Петровича, ни его, так сказать, «кредо» — чего хочет этот человек и во что он верит, занимая свой служебный пост. Цагеридзе казалось странным, что могут возникнуть конфликты между людьми, делающими одно общее дело, и на общую пользу для всего народа, для государства. Теперь он видел, ощущал всем нутром своим, что такое конфликт, хотя по-прежнему еще и дивился самой природе конфликта, возникшего между ним и главным бухгалтером. Да как же может этот человек не желать спасения леса? Как он может страшиться известного риска? Сам — старый партизан и предельно «рисковый» парень! Но как бы то ни было, противоречия теперь обнажились грубо и безобразно, а Василий Петрович оказался совсем не такой уж неодолимой каменной глыбой — ее великолепно можно опрокинуть вот такой «второй» резолюцией. И это символично. Ледоход тоже будет побежден!

— Давайте еще, Василий Петрович, давайте еще, — хохоча и размахивая пером, раздраженно кричал Цагеридзе. — Где еще нужно написать резолюцию? Вторую, третью... Какую угодно!

Вместе с ним хохотал своим прерывистым, рубленным смехом и Василий Петрович.

— Силен! Не надо третьих, две — вполне. Валяй теперь на собственный риск. Гони мильен за сто тыщ.

Цагеридзе перестал смеяться, как-то враз посуровел, сверкнул острым взглядом, словно бы рубя им бухгалтера.

— Я не понимаю вашего цинизма, Василий Петрович... — начал он.

— Чего? — тоже теряя свою разудалую беспечность, переспросил Василий Петрович.

— Не понимаю цинизма, — повторил Цагеридзе, — всех откровенных гадостей, которые вы так развязно выговариваете о святых вещах. Да, я пойду на «риск», не поберегу свою шкуру. Николай Цагеридзе позором сочтет для себя отступить именно теперь, когда он абсолютно уверен, что лес будет спасен. И не той ценой, какую раньше вы предлагали, а теперь повысили и еще. Миллион за сто тысяч я не заплачу. Если я сделаю это, — закричал он, снова впадая в крайнее раздражение, — если я сделаю это, я застрелюсь. Но прежде отдам вас под суд за то, что вы позволили Цагеридзе истратить такие деньги!

— А! — изумленно сказал Василий Петрович и подергал концы шерстяного шарфа, туже затягивая его колесо вокруг шеи. — Забрало. Шуток не понимаешь, начальник. Человека не понимаешь.

— Вас я хорошо понял!

— Ну, попыли, — хладнокровно сказал Василий Петрович. — Мне это глаз не застит. Порядок дальше, имей, бывает такой: о факте второй резолюции сообщаю вышестоящей организации, также министерству финансов. Действий не останавливаю. Приказ выполняю.

А насчет суда — тебе меня не судить. Свидетелем я буду. Имей еще — вода в Громотухе, как ключевая, на слабом морозе не стынет. Зато со снегом зерна мало дает. Растворяет. Все к тому — соблюдай осторожность. Рыск — рыскуй. А не руби уросного коня плетью. Из оглобель выпрыгнет. Четыре рыска подряд не каждому удаются.

Он пошел, у двери на минутку остановился, теперь уже растягивая на шее свой шарф.

— Постановление показать? Насчет второй резолюции. Порядок и последствия?

— Не надо.

— Дело хозяйское.

Оставшись один, Цагеридзе снова углубился в свои расчеты распределения рабочей силы. Да, там дальше будет видно, сама живая практика покажет, а сейчас, сегодня, самое наибольшее количество рабочих следует уже послать на Громотуху, готовить запруду. В ней, и только в ней успех всего дела. И тоненько, слабым напоминанием вдруг отозвались слова Василия Петровича: «Имей в виду еще — вода в Громотухе, как ключевая, на слабом морозе не стынет». Что это, как понимать: доброжелательное предостережение и совет, или ядовитый намек, что именно здесь, в этом неучтенном обстоятельстве и ожидает Цагеридзе гибель? То самое, когда миллионом расплачиваются за сто тысяч. Черт побери-то! Но ведь Громотуха сейчас, как и Читаут, тоже скована льдом, эта речка совсем не то, что называют в народе «талыми ключами». Какие особые свойства могут таиться в ее воде? Чепуха!

К Громотухе его подбросил на разъездной лошади Павлик. По каким-то неписаным правилам лошадь была закреплена только за начальником. Но Цагеридзе предпочитал ходить пешком. И лишь для поездок в Покукуй или когда очень давала знать себя нога, а нужно было побыстрее попасть в дальний конец рейда, он вызывал Павлика. Парень удивлялся: «Чудак! Чего не ездит, куда надо? Да при хромой ноге еще. Положено, а не хочет. Мне лучше». И просиживал целый день в тепле, в красном уголке, по десять раз перечитывая одни и те же номера журналов, либо попросту отсыпаясь на узенькой скамейке.

— Это что, Николай Григорьевич, накрепко запирают Громотуху станете? — спросил Павлик, когда они подъехали к глубокому распадку, где белой витой ленточкой среди кустарников покоилась замерзшая речка.

— То есть как? — не понял Цагеридзе. — Конечно, накрепко.

— Ну, навсегда? — объяснил Павлик. — Там бы, в загороди, дыру оставить, проход для рыбы. Весной по ней, — он развел руками, — во какие хариусы метать икру идут. Морду поставить — за ночь полных три, а то и четыре навалится, только ходи, поднимай. А закроете Громотуху накрепко — и рыбе в ней конец.

— Это не совсем по моей части, хариусов в морды ловить, — сказал Цагеридзе. — И запруду весной можно будет сломать. Но если оставим, хорошо — с дыркой. Для прохода рыбы, икру метать. А ловить ее не позволю — браконьерство не стану поощрять.

— Дык, какое у нас браконьерство! Рыбы тут...

— Все равно. Беречь надо, когда икру мечет. Лови потом удочкой. Покажешь — как?

Павлик расцвел от удовольствия: «Это я покажу». И покати́л на конный двор. Цагеридзе заявил, что домой он уйдет пешком.

Шишкин с топором и по пояс в снегу уже бродил вдоль речки.

выбирая самое удобное место для запруды. Цагеридзе, перехватываясь руками за хрупкие от мороза ветви молодых сосенок, полонивших склоны распадка, спустился к нему.

— Ну и снегу же здесь, Семен Ильич, — сказал он, едва пробиваясь в сугробах, испещренных горностаевыми и колоночьими следами. — Купаться можно в таком снегу.

— Не то купаться, — отозвался Шишкин и выругался, — купаться можно. Понимаете, что получится, Николай Григорьевич? Если поднять воду в Громотухе только на метр-полтора, как мы думали, она сначала пропитает весь снег, что ниже запруды, при сильном морозе застынет камнем, а потом начнет дурить наледью, только выше запруды, вон, как на Ингуте бывает, и черт-те знает, когда она в таком разе до запани доберется.

— И что же вы предлагаете? — встревоженно спросил Цагеридзе, разгребая вокруг себя снег меховой рукавицей. — Я вас понимаю. Это серьезная угроза.

— Поднять выше запруду, значит, и воды надо больше копить, создавать «Громотухинское море». Потеря времени. Работы больше, стоять будет дороже. А снег тоже отсюда ничем не выгребешь, чтобы воду по чистому льду пустить.

— Выход? — жестко спросил Цагеридзе.

— Выхода нет, — пожал плечами Шишкин.

И они, утопая в сугробах все глубже, молча прошли рядом несколько десятков шагов. Поглядеть со стороны — они не шли, а двигались, словно плоско срезанные снизу короткие шахматные фигурки, которые по гладкому полю толкает чья-то невидимая рука. Здесь склоны распадка сбегались особенно близко и оттого словно бы еще круче устремлялись вверх; бугрились завейные слепяще-белым снегом крупные валуны; печальными арочками изгибались к земле черные ветви мелких кустарников. Цагеридзе брел, опираясь на палку, и все равно чувствовал, что скоро «деревянная» нога у него откажет. И что, собственно, зачем брести бесцельно по этим сугробам? Ежели быть запруде — то только здесь, вот в этом узком створе. Если не быть...

Цагеридзе остановился, зажмурил глаза. Кто это сказал: «Если не быть...»? Кому пришла в голову эта все убивающая мысль?

— Семен Ильич, — сказал он, расстегивая воротник, ставший ему сразу тесным и жарким, — Семен Ильич, дайте мне топор.

Одним взмахом, наискось, он ссек молодую сосенку так, что она не упала, а просто соскочила с пенька и, по-прежнему топорща свои ветви, осталась стоять в глубоком снегу.

— Тут, — проговорил Цагеридзе. — Вот тут и начинайте.

Ему казалось, что он отдает распоряжение построить по меньшей мере, плотину через Берингов пролив или приказывает рассечь на двое ледяную шапку Антарктиды.

Григол Абашидзе

М а т ь

Драматическая поэма

Перевод с грузинского А. Межирова

Окончание

Рис. Эд. Мосева

Цихистави

Не он один находится в твердыне,
И не о нем одном забочусь я.
Но вижу сам, что нашим водоносам
Не хватит сил, чтоб воду принести, —
А потому пойдет за ними Гола,
Но я глаза ему не завяжу.
Еще перед осадой, на совете
Старейшины решили, что вода —
Бесценное богатство осажденных,
И ход к воде в наистрожайшей тайне
Обязан соблюдаться до конца.
Камнями будет сразу же прикончен
Любой, кто тайну хода разгласит.
За разглашенье тайны

сын обязан

Забить камнями своего отца,

А если сын изменит,

в казни сына

Участвовать должны отец и мать.

Гола

Ты мог об этом не предупреждать
Исконного тбилисца-камнетеса,
Который на плечах для этих стен
Таскал многопудовые каменья.
Пусть враг живьем предаст меня огню,
Но и мгновенной мыслью об измене
Сознания своего не оскверню.

Мать младенца

О, помогите, люди! Кто-то льдом
Набил глазницы моего ребенка.

*(Входят женщины в черном и окружают
стонущую мать младенца)*

Похолодело тельце. Горе мне!
Он умирает. Помогите, люди!

Покрылся лобик влагой ледяной
И веки обескровленные сини.
Нет больше утешенья моего.
Чего же ради мучаться отныне,
Переносить страданья для чего?!

*(Все склоняют головы. Женщины в черном
поворачиваются к Цихистави и, простирая
руки, умоляют)*

Женщины в черном

Так день за днем, во мрак небытия
Печальной вереницей друг за другом
Уходят наши дети и мужья,
Кто голодом подкошен, кто недугом.
Мы все стоим у смерти на краю,
И больше нету сил взирать на муки.
Так разреши нам взять оружие в руки
И смерти удостоиться в бою.

Цихистави

Этим вот кинжалом
На месте будет мною умерщвлен
Тот, кто законы крепости нарушив,
Позорный путь к спасенью изберет.
Не смейте больше причитать и хныкать.
Известно ль вам, что для мужского
сердца

Нет ничего страшнее женских слез,
Разящих, как отравленные стрелы.
И если покровительству Царицы
Небесной вы доверили себя,
Вам подобает, веря и любя,
Не причитать напрасно, а молиться.
Крепитесь же, надежду обретая,
В молитве, устремленной к небесам.
Да ниспошлет Заступница Святая
Спасенье вашим детям и мужьям.

Занавес

Картина пятая

На берегу Куры возле щели тайного хода Дачи и Гела наполняют водой кувшины. Гола с бугра следит, чтобы никто не подкрался к скале.

Д а ч и

О, сколько раз кровавилась Кура,
И все-таки вода ее прозрачна.
Когда бы так же было и с людьми,
В сердцах не оставалось бы ни шрама,
Ни трещинки, ни малого следа.

Г е л а

Случается, хотя и не всегда,
Что заживает ножевая рана,
Но, если горем ранен человек,
То сердцу никогда не исцелиться, —
От язвы не избавится оно.

Д а ч и

Я ко всему привык уже давно
И даже смерти в темные глазницы
Смотрел не раз.
Но в сердце у меня
Занозой неподатливой и ржавой
Засело горе.
И, возжаждав смерти,
Почел бы я за благо встречу с ней.
Но почему меня вдали от милой
Дыханье смерти гасит, как свечу.

Г е л а

Речей безумных слышать не хочу, —
Настанет день, когда на вашу свадьбу
Приду и величальную спою.

Д а ч и

Я видел сон — любимую мою
Из рук моих враги старались вырвать,
Сочилась кровь и, пожирая кровлю,
Метались косо языки огня.

Г о л а

Неужто зренье подвело меня...
Иль над Дигоми пламя в самом деле?!

Д а ч и

(вскакивает и бросается к Голе)

Что ты сказал? Да это дом Дигмели.
Он весь в огне. Будь проклят веший сон.
Пойду туда. Быть может, я успею
Спасти Вардо.

Г о л а

Оставь свою затею,
Подумай, чем ты можешь им помочь.
Давай-ка лучше наполнять кувшины.

Д а ч и

Нет, я пойду. Домчусь за миг единый,
Быстрее, чем мысль, в Дигоми долечу,
Спасу Вардо и возвращусь обратно,
Иль вместе с ней сгорю в огне, но пусть
Постигнет нас судьба одна и та же.

Г о л а

Не обольщайся, Дачи. Если даже
В Дигоми сможешь ты ее найти,
Бедой чревато ваше возвращенье.
Любую тропку караулит враг.
Что будет, если выследить удастся
Ему твой путь обратный.

Сам суди...

Д а ч и

Так неужели руки на груди
Сложить и ждать?

(Вырывается)

Пусти меня, пусти же!

Г о л а

Эй, Дачи, не теряй рассудка. Тише.
Погубишь нас и не спасешь ее.

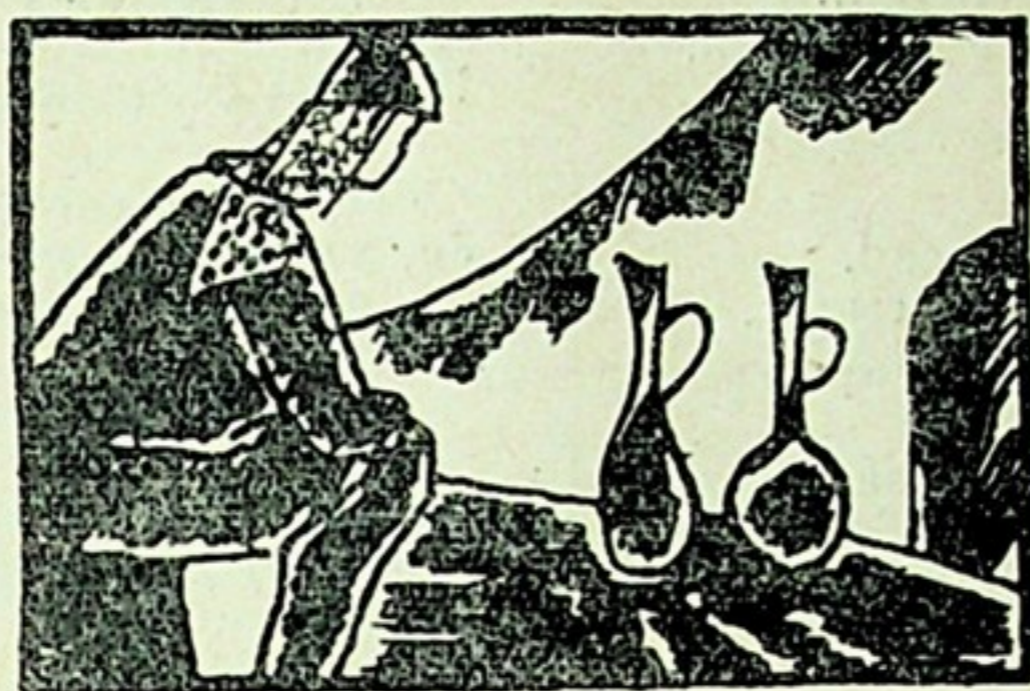
(Дачи, вырвавшись, бежит)

Подумай, чем ты можешь ей помочь?!
Вернись, пока не поздно!

(Дачи скрывается из виду)

Гела

Ну и ночь...

Картина шестая

Крепость. Все спят. Бодрствуют только часовые, мать и Цихистави.

Цихистави

Тень черной тучи пала на Тбилиси,
Дни крепости, как видно, сочтены.
Уже линяют башенные стяги,
И на воротах держатся с трудом
Железные засовы.

Даже камень
Такой осады выдержать не в силах, —
Шестидесятый день идет она.
И если к нам на помощь из похода
Сегодня не вернется государь,
То завтра будет поздно, в самом деле.

Мать

Зато какое нам сулит веселье
Тот час, когда спасенье к нам придет.
Кто запретит нам пировать на славу,
Кто помешает справить свадьбу Дачи
И пригласить Вахтанга на нее.
Ломиться будут от обильной снеди
Столы в просторных свадебных шатрах.

(Цихистави хмурится и с изумлением смотрит на нее)

Да знаешь ли, что лучшую из лучших
Избрал невестой сын любимый наш.
Клянусь тебе, что от такой невестки
Не отказался б даже Горгасал.
Красавица, единственная дочь
Почтенного и славного Дигмели.
Одним единым взглядом ей дано
Обезоружить молодца любого.
Она, мой друг, покажется тебе
Твореньем бога, а не человеком.

(Цихистави вздыхает)

Ну а затем появятся у нас
Внучата, и прогуливаться с ними

Гола

Да я и сам почти ослеп от мрака,
Не знаю, как обратно добреду.

Гела

Боюсь, что утро нам сулит беду.
Пора кувшины наполнять, однако.

По улицам Тбилиси будешь ты,
И, ухватив тебя за полы чохи,
Беспечно будут щебетать малютки,
Ни горести не зная, ни забот.

Цихистави

Но если к нам спасенье не придет,
То ожидает нас такая свадьба,
Какой не пожелаешь и врагу.

Мать

И все же я поверить не могу,
Что и тебя согнуть способны беды.
Я эту сказку рассказать посмела,
Чтобы развеять горькую кручину
В твоей душе.

Ведь ежели и ты
Расстанешься с надеждой на спасенье, —
В пещеру смерти превратится крепость.
Одним ударом с крепостных ворот
Коварный враг собьет засов железный.
Я женщина. Мне тоже тяжело
Переносить осаду, но надежда
Лучом неярким теплится еще
В моей душе, и голоса потомков
Доносятся ко мне через века,
Издали, от отдаленной яви.

Цихистави

Ты только в том права, что мы
не вправе
Ворота крепостные отворить
И передать потомкам по наследству
Отчаянья губительный пример.
Что скажут наши внуки, если крепость,
Не выдержав крещенья боевого,
От первого же натиска падет.
О нет! Меня подбадривать не надо.
Но что мне делать с теми, за кого

Я перед богом и царем в ответе.
Как от голодной смерти убережь
Защитников твердыни осажденной.
Их скорбных стонов слышать не могу.
А ночь все длится и томит мне сердце
Предвестием недобрым.

Почему

Запаздывают наши водоносы...
Уж как-то слишком тихо и темно...

М а т ь

Все сроки истекли уже давно.
Тебя об этом я спросить не смела.
Хотя все время думала о них.

(Внезапно в крепости возникает смятение)

Ц и х и с т а в и

Что там за крики?

*(Слышится нарастающий шум. Вбегает
воин с обнаженным мечом)*

З а щ и т н и к к р е п о с т и

В крепость враг проник,
Пробрался тайным ходом и на спящих
Набросился, безжалостно разя.
Мы обнажить мечи едва успели
И в бой пошли. Но многие из нас
Нашли могилу, не проснувшись даже.

Ц и х и с т а в и

Вперед, друзья! Окрасим кровью вражьей
В последний раз поднятые мечи,
Чтоб лезвия от крови багровели!

*(Слышны голоса защитников крепости, идущих
в рукопашный бой)*

Бей крепче! Отрезай дорогу к щели!
Сомкнем ряды! Нам робость не к лицу!

*(Все ушли в бой. Только один воин неподвижно
лежит на земле)*

М а т ь

(подходит и склоняется над ним)

Во сне убит несчастный...
Мертвецу
Доспехи не понадобятся больше...

(Достает меч из его ножен, поднимает щит)

Я с вами, дети! В моей руке
Не дрогнет этот меч, одушевленный
Страданиями народа моего.
Хотел бы враг увидеть наши слезы,
Но только свято пролитою кровью
Увидит он в кровавой схватке этой.

(Устремляется в бой. Входит Отчаянье)

О т ч а я н ь е

Еще усилие, натиск — и победой
Увенчан будет мой извечный труд.
Мне в осажденной крепости отныне
Ничто не сможет противостоять.
Народ, который так высокомерно,
Так долго отвергать меня посмел,
Ко мне сегодня изо всех углов
Взывает безнадежно и устало.

*(Женщина с распущенными волосами вводит
тяжело раненного воина, укладывает
его на землю и склоняется над ним).*

Ж е н щ и н а с р а с п у щ е н н ы м и в о л о с а м и

Прощай, моя надежда... Все пропало —
И некому довериться теперь!

О т ч а я н ь е

Доверься мне, несчастная! Поверь,
В слезах найдешь забвенье и отраду.
Так плачь же громче, обречен Тбилиси,
Его судьба давно предрешена.

*(Женщина с распущенными волосами падает
на землю возле мертвого воина и безутешно
плачет. Входят раненые защитники
крепости).*

Р а н е н ы й в о и н

Все кончено... Колеблется стена,
И нас уже ничто спасти не может, —
Не вырваться из смертного кольца...

(Глухо стонет)

О т ч а я н ь е

Плачь! Слезы украшают молодца. —
Так не гнушайся мной, смири гордыню,
К твоим слезам не буду я строга.

*(Поддерживая друг друга, опираясь на мечи,
входят раненые воины. Некоторые из
них, обессилев от ран, передвигаются ползком)*

П е р в ы й р а н е н ы й в о и н

Хоть мы и быстро выбили врага,
Недешево досталась нам победа. —
Ведь это же не бой, а сущий ад.

В т о р о й р а н е н ы й в о и н

На наше счастье, вражеский отряд
Был не велик, а то — пиши пропало.

П е р в ы й р а н е н ы й в о и н

Врагов и в самом деле было мало.
Ты прав, браток. Но если путь к воде

Разведали они и за подмогой
Ушли, чтоб возвратиться...
Что тогда?

Второй раненый воин

Пусты кувшины. Выпита вода.
Изнемогли от тяжких ран мужчины.
На попеченьи матерей и жен
Осталась наша крепость, чтобы рухнуть
Под бременем мучений и потерь.

(Мать и раненый старейшина вносят истекающего кровью Цихистави)

Цихистави

Услышь меня! Печаль мою умерь,
В предсмертный час почувствуй,
как горюю

О том, что до сегодняшнего дня
Мне довелось дожить.

Секретом щели

Враг завладел, разведал путь к воде.
Уничтоженье или смерть от жажды
Вас ждет, чтобы до срока оборвать
Путь крепости мучительный и краткий.

(Вбегают три женщины с обнаженными мечами. Подходят к старейшине и что-то нашептывают ему на ухо)

Женщина с обнаженным мечом

Средь раненых врагов, на месте схватки,
Был найден Гаха. Он болтал бессвязно.
Но было кое-что в его бреду
Внимания достойно.

Перед смертью

Предатель клялся, что не он один
На душу принял грех, что, мол, дорогу
К заветной щели указал врагам
Не кто иной, как Дачи, и на траур
Обрек собственноручное творенье.

Когда минувшей ночью за водой
Из крепости подземным ходом вышел.

Старейшина

Молчи! Чтоб умирающий не слышал.
И так последний час его тяжел.
А Гаха где?

Женщина с обнаженным мечом

Собачью смерть обрел.

Старейшина

Так вышвырните труп его немедля
В овраг, поближе к лагерю врага.
Предатель продал душу, — пусть же тело
Получат покупатели бесплатно,
Пусть падалью надышится зверье.

Цихистави

Клянись, что исполните мое
Последнее веленье.

Если все же

Изменник в ваши руки попадет, —
Вы все должны принять участие в казни.

(к матери)

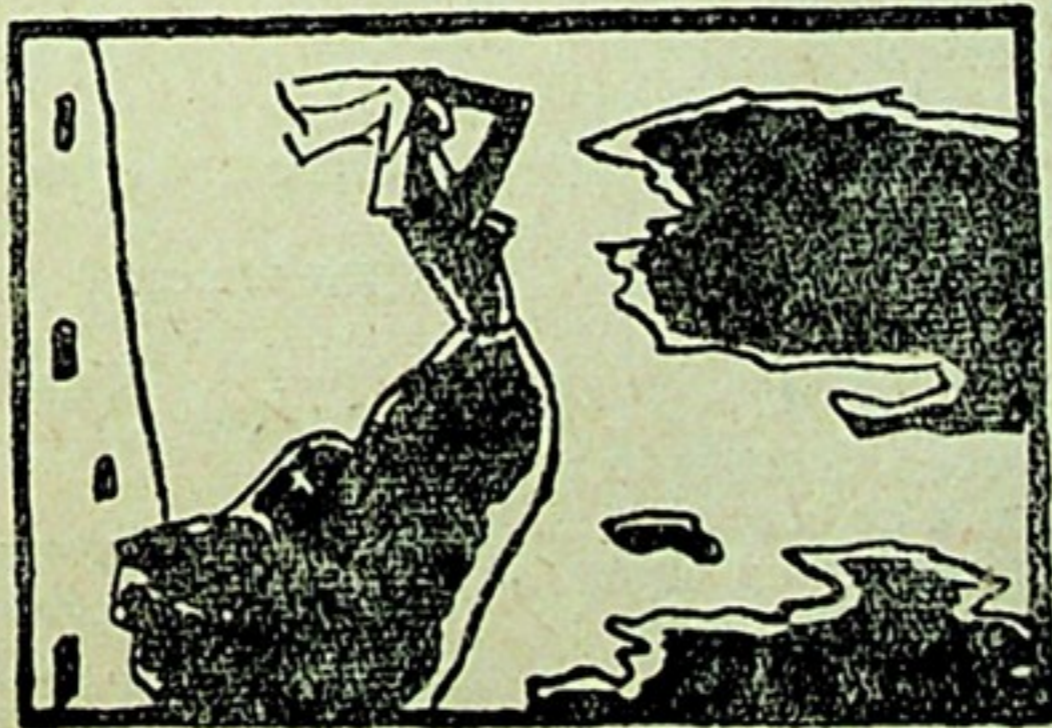
Ты, женщина и мать, и как не дорог
Тебе твой сын, но даже если сам,
Сам Дачи будет уличен в измене, —
Дай клятву мне о жалости забыть
И, как врага, забить его камнями.

Мать

Клянусь тебе счастливейшими днями,
Которые мы вместе провели,
И сединой, и святостью лечаки,
Клянусь, что если даже сын родной
Окажется предателем твердыни, —
Не дрогнет материнская рука,
Как бы тоска об изменившем сыне
В тот час горчайший не была крепка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина седьмая

Крепость. По середине лежат сваленные в кучу кольчуги, панцири, мечи, копья, щиты и шлемы, как бы образуя железный холм. Мать уже надела кольчугу и затяги-

вает на себе пояс с мечом. Входят женщины с распущенными волосами, одетые в черное.

М а т ь

Все кончено уже?

Ж е н щ и н ы в ч е р н о м

Похоронили...

И разровняли бугорки земли,
И тополи остались молодые,
Чтоб враг не мог могилы осквернить...
Мы жаждем смерти. Выдай нам доспехи
Мужей и братьев.

Мы клялись друг другу
С оружием, в битве, пасть среди руин.

М а т ь

Сменить парчу на ратную кольчугу
Пришла пора.

Нет в крепости мужчин.
Отныне мы — защитники твердыни.
Стать Цихистави женщина должна.

В с е

Ты станешь Цихистави. Ты одна
Достойна этой должности и чести.

М а т ь

Да будет сражена на этом месте
Стрелюю, предназначенной врагу,
Лишь та, кто имя матери-грузинки,
Перед судьбой склонившись, став рабой,
Посмеет посрамить в бою тяжелом.

В с е

Не станет крепость вражеским престолом,
Врагу бесчестья нашего не зреть.
Взывает к мести кровь мужей и братьев.
Нам смерть куда желанней рабской
жизни
И ратные доспехи по плечу.

М а т ь

Доверимся деснице и мечу!
Враг пожалеет о своем коварстве.
Внемлите, сестры! Час победы бьет!
Вы пожелали, чтобы шлем Бакура
Был мной на материнское лечаки
По праву Цихистави водружен.
Согласна я исполнить вашу волю.

(Надевает шлем Бакура)

Костер зажгите! Пусть огонь бессмертья
Над крепостью взовется, и от света
В глазах врага начнет клубиться мрак.
Пусть знает враг, что в очаге Тбилиси
Не иссякает пламя никогда.
У тайной щели отразят атаку
Те, кто держаться могут на ногах.
В обход врагу тех, кто ходить способен,
Я поведу под знаменем сама.
А кто доспехи удержать не в силах,

Пусть к раненым немедленно удалятся,
Там будут, где всего они нужней.
(Разворачивает знамя. В одну сторону уходят одетые в доспехи женщины, в другую — более старые и слабые. У тайной щели остается вооруженный отряд часовых-женщин).

Первый часовой

Мужская стать в характере у ней.

Второй часовой

Она и раньше молодцу любому
Не уступать умела, а теперь
В железо превратилась в самом деле.

Третий часовой

Такого мужа потерять тяжеле,
Чем в страшных муках умереть самой.
Он был оградой и щитом Тбилиси.
Но ни слезинки у нее из глаз
Жестокая утрата не исторгла.
Подумать только, сделаться вдовою
И превратиться в кремль, в ограду,
в щит.

Первый часовой

Она не знает даже, где зарыт
Несчастный Дачи.

Третий часовой

Ну, а мне сдается,
Что этот слух за ложь она сочла.

Второй часовой

Никто не пожелал несчастной зла,
И не посмел сказать о том, что Гаха
Излился перед смертью клеветой.
Но даже если треть одна иль четверть
Из сказанного Гахой подтвердится, —
В измене будет Дачи обвинен.

Третий часовой

Я этого не знала.
В чем же он
Узрел измену?

Первый часовой

Каждому известно,
Что Гаха с Дачи враждовал всегда,
А потому и клеветал, наверно,
Чтоб, умирая, недруга убить
И растравить больнее нашу рану.

Второй часовой

Он утверждал, как будто прямо к хану
Явился Дачи выдать тайный ход.

Первый часовой

Поверить в это может только тот,
Кто сам от злобы к зодчему сгорает.

Второй часовой

Так пусть же бог жестоко покарает
Изменника и гнусного лжеца.
Как может зодчий дело рук своих
Предать врагам.

Кто в эту ложь поверит,
Тот, видно, сам горазд на клевету.

(Из-под земли слышен голос Дачи):

О, помогите отвалить плиту...

Первый часовой

Из щели слышен чей-то голос слабый.

Второй часовой

Он мне знаком... Поклясться я могла бы,
Что это...

Голос Дачи

Отвалите же плиту...
Я — Дачи, зодчий крепости...

Первый часовой

Похоже,
Что там и вправду Дачи погребен.

Третий часовой

А если это все-таки не он, —
Мы стать рискуем жертвою подвоха.
От щели отвалить плиту не трудно,
Но возвратить ее на то же место
Быть может, будет нам куда трудней.

Первый часовой

Щель так узка, что уместиться в ней
И одному лазутчику не просто.
Но если все же вражеский отряд
Через нее решит прорваться в крепость,
Один боец на этом рубеже
Способен истребить по одиночке
Любую рать, любых богатырей.

Голос Дачи

О, люди!.. Помогите мне скорей...

Второй часовой

Давайте же поможем! Стыдно медлить
И призраков страшиться без нужды.

*(Из щели с трудом вылезает Дачи и,
обессилен, падает).*

Дачи

Воды...

Первый часовой

Здесь и в помине нет воды.

Второй часовой

Враг воду для тебя припас в избытке!

Дачи

Я знаю по себе, какие пытки
На вас низвергло небо...

Второй часовой

С той поры,
Как ты ушел из крепости, вода
Нам даже по ночам уже не снится.

Дачи

Как страшно изменились ваши лица!

Третий часовой

И зодчий мало на себя похож.

Второй часовой

Ты, видно, женщин в нас не узнаешь...
Мужей и братьев шлемы и кольчуги
Мы на себя надели, ибо крепость
Осталась без мужчин.

Одни от ран
В мученьях умирают, а другие
Отмучаться успели и мертвы.

Дачи

Где мой отец?

(Никто не отвечает)

Что ж замолчали вы?

Первый часовой

Мечом врага сражен Бакур...

Дачи

Убит...
Когтей лишился тигр...
А мать? Жива ли?

Второй часовой

Когда мы Цихистави потеряли,
Вдова заботы доблестного мужа
По нашей просьбе на себя взяла
И заменила в битве полководца.

Первый часовой

Теперь прерви вопросы...
Нам сдается,
Что ты о многом хочешь рассказать,
Но, не решаясь действовать открыто,
Томишься, медлишь и отводишь взгляд.

Третий часовой

Здесь о тебе такое говорят,
 Что если ты к измене не причастен,
 Ты должен нам поведать, как случилось,
 Что изо всех один в сплошном аду
 Ты уцелел среди резни кровавой.

Дачи

Как уцелел?

Так вот что...

Боже правый!
 Зачем ты слуха не лишил меня,
 Не отнял зренья, землю не разверз,
 Когда в измене черной заподозрив,
 Предателем народа моего
 И крепости моей

меня назвали...

Здесь знают все, что только я и Гела
 Носили воду.

Но в последний раз
 Последовал за нами Гола.

Вскоре

Все трое мы спустились тайным ходом
 К реке и возле щели с валуна
 Курной водой наполнили кувшины.
 Как вдруг огонь со стороны Дигоми
 Ударил мне в глаза, и показалось,
 Что это дом любимой подожжен.
 Навстречу бушевавшему пожару
 Рванулся я стремглав, но невредимым
 Нашел очаг возлюбленной своей.
 Тогда назад, не медля ни минуты,
 Я повернул и лес в кромешной тьме
 За войско принял, а за мной по следу
 Скользила неотступно чья-то тень.
 Когда же очутился я у щели,
 Тень обернулась полчищем врага,
 И, даже не почувствовав удара,
 Я окунулся в ночь небытия.
 Не знаю, сколько времени прошло,
 Пока сознание выбралось из мрака,
 И я увидел, что лежу в крови
 На берегу, напротив входа в крепость.
 Мне удалось вползти в другую щель,
 Отчаянье и боль преодолевая.

Первый часовой

В другую щель... Да разве есть другая?
 Ведь ход к воде один, и щель одна.

Дачи

Но на две ветки делится она.

Третий часовой

Все то, что грязной сплетней
 нам казалось,

На истину похоже.

Видно, ты
 Сам указал врагам дорогу к щели.

Первый часовой

Но почему, зачем, какие цели
 Преследовал предатель?..

Впрочем, он

Сам признает, что вышел из засады
 И дал врагу напасть на верный след.
 Не будем беречь напрасно рану,
 Дознанием ограничимся, а там
 Старейшина по крепостным законам
 Злодея к смерти сам приговорит.

Третий часовой

И чтобы вдруг его несчастный вид
 В сердцах у женщин жалости не вызвал,
 Давай мешок ему на всякий случай
 На голову накинem заодно.

(Накидывает на Дачи мешок)

Первый часовой

А ну, шагай потише!

Все равно
 Не скроешься от кары неминуемой...

(Дачи идет медленным шагом, за ним часовые с мечами)

Картина восьмая

Крепость. Женщины в доспехах стоят полукругом. По середине — Дачи с мешком на голове. На бугре полулежит старейшина. Рядом на носилках раненые защитники крепости.

Старейшина

Вы помните, еще перед осадой
 Старейшинами было решено,

Что ход к воде в наистрожайшей тайне
 Обязан посвященный соблюдать.
 И все забить обязаны камнями

Того, кто тайну хода разгласит.
Вы перед умирающим Бакуром
Клялись, что если сын любой из вас
Пойти посмеет по пути измены —
Не дрогнет материнская рука.
И вот пред вами этот человек
Предстал сегодня, как исчадь ада,
Утратив с нами кровное родство
И опозорив имя.

М а т ь

О, не надо,
Не называй по имени его, —
Он совершил тягчайшую измену
И сам себя изменником нарек.
Нет имени позорней и жесточе.

С т а р е й ш и н а

Покинув крепость под покровом ночи.
Изменник выдал тайный ход врагам,
И вражеский отряд привел в осаду.
Нам удалось отбить жестокий натиск.
Но за измену дорогой ценой
Мы заплатили.

Воины-мужчины

В неравной схватке все до одного
Убиты или ранены.

Посуда

Растрескалась от зноя без воды,
И крепость горемычная осталась
На попеченьи женщин.

Если враг

Владеет тайным ходом в нашу крепость,
Грозит нам либо смерть от жажды, либо
Насилье, осквернение, гибель, мрак...
С мешком на голове стоит пред вами
Изменник и предатель.

Принял он

Грех на душу и волею старейшин
Сурово осужден за этот грех.
Я раненых просил принять участие
В суде

и по законам крепостным

Злодея покарать неумолимо.
Мы написали смертный приговор
Слезами и скрепили подпись кровью.

Для жалости нет в сердце уголка, —
Пусть ваши стоны служат обвиненьем
Предателю.

Признать не хочет он
Своей вины.

Но нет на свете чуда,
Способного виновника спасти.
Итак, мы порешили на совете
Предателя камнями закидать.

(Женщины испуганно вздрагивают)

Страшнее этой казни нет на свете...

(Бросает камень)

Вот первый камень... Получай же, таты!

Первая женщина
(с камнем в руке)

Кого из наших сыновей казним —
Нам ведать не дано.

Любой изменник

Без рода и без племени живет.
Но даже и в лицо узнав злодея,
Не выпустили б камни мы из рук...
О, если бы потомки увидели!..

(Бросает камень)

Потомки
(из зала)

Мы видим вас, и пламень ваших мук
Жжет нам сердца из беспредельной дали.

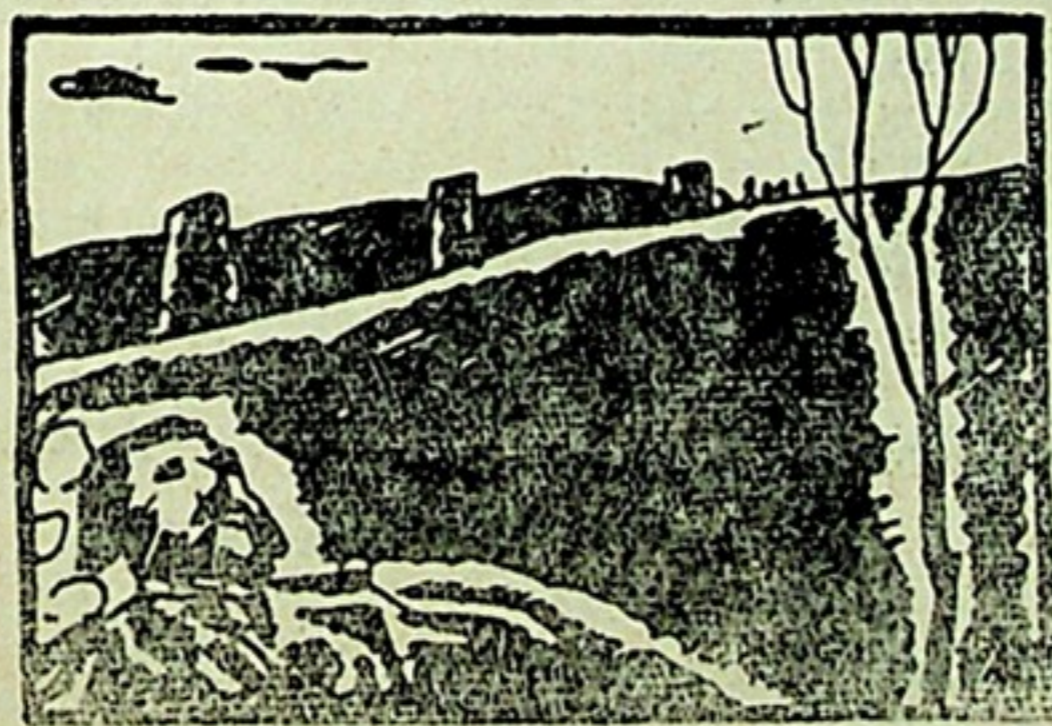
Вторая женщина

Расправу справедливую верша,
Народ испил страданье полной чашей.

Потомки

Мы видим вас и мукою горчайшей
До края заполняется душа.

(Мать тяжело нагибается и дрожащей рукой поднимает камень. Пошатнулась, но, овладев собой, выпрямилась и бросила камень в Дачи. Защитники крепости забрасывают его камнями)

Картина девятая

Ночь в крепости. На большом камне лежит мать. Она в доспехах. Под головой шлем. Облако затмевает луну. С разных сторон появляются Дачи и собака. Собака, увидев Дачи, радостно прыгает и с лаем бросается к нему.

Д а ч и

Тсс... Мама спит... Вокруг какая тишь,
Не надо лаять...

С о б а к а

Что же ты не спишь?

Д а ч и

Я долго спал вон там, у скал, под
камнем.
А ты вот, Курша, видно, не спала.

С о б а к а

Я для того и создана была,
Чтоб охранять людей. Когда в твердыне
Все засыпают, я теряю сон.
Мне и сейчас дремать мешает запах
Крадущегося к крепости врага, —
Большая рать идет, большая сила.

Д а ч и

Вот и меня тревога разбудила.
Враги готовят что-то.
Но теперь
Нам только и осталось уповать
На прочность этих стен.
Моя десница
Уже не в силах управлять мечом.

С о б а к а

Позволь залаять мне. Чего ж мы ждем,
Когда враги у самого порога?

Д а ч и

Не надо. Пусть поспят еще немного.
Не так уж близок враг.
Но что с тобой,
Ведь всеми ты от мала до велика
Была любима в крепости моей.
Кто ж превратил тебя в сплошную рану?

К у р ш а

Пусть я умру вторично, если стану
Хоть что-нибудь скрывать.
Ты помнишь сам,
Что с первых дней осады я делила
Все тяготы с людьми.
Вода и пища
Забыты были мной.
От жгучей жажды
Мутился взгляд, и пена изо рта,
Как верный признак бешенства, свисала.
И вот однажды, в некий день и час
Я не смогла узнать свою хозяйку.
Тогда, уверясь в бешенстве моем,
Меня камнями закидали люди.
Сперва, залаяв, я бежать пыталась.
Потом, уткнувшись в лапы головой,
Замолкла навсегда...

Д а ч и

Твой скорбный вой
Поньше слышен мне.

К у р ш а

Ты плачешь, Дачи?
Но разве смерть собаки стоит слез?

Д а ч и

Мне жаль тебя. Я тоже перенес
Удары незаслуженного гнева, —

Несправедливо обвинен в измене
Твердыне и народу моему,
И, как собака, умерщвлен камнями.
Во что я превратился, посмотри...

К у р ш а
(дотрагивается лапой)

Все перебито у тебя внутри.
Но почему, защитник и строитель
Непобедимой крепостной стены, —
Под грудой камней валяться должен.
Когда в свою собаку человек
Бросает камни, он понять не в силах
Страданий незаслуженных ее.
Хозяин видит в бессловесной твари
Лишь существо, не равное себе.
Но если человека, как собаку,
Камнями забивает человек,
В его лице на бога посягая,
Он грех тяжелый на душу берет.

Д а ч и

Меня считал изменником народ,
И потому жестокою расправу
Вершил в сознании полной правоты.

К у р ш а

Не смог словами оправдаться ты,
Так почему дела твои большие
Тебя не защитили в этот миг?

Д а ч и

Никто не вспомнил о делах моих...
Да что дела, когда своей ошибкой
Я погасил последний слабый луч
Надежды на спасенье и победу,
И, сам того не ведая, врага
По следу своему привел в осаду,
Тбилисцам навязав неравный бой.

К у р ш а

Так что же не покончил ты с собой?

Д а ч и

Удар копья под самую лопатку
Меня поверг в беспамятство, когда
Подкрался враг, и началась атака.

К у р ш а

Несчастный Дачи...

Д а ч и

Бедная собака...

К у р ш а

Когда на обреченного народ
Свой гнев обрушит, нам велит обычай
Не оставлять хозяина в беде,
Кто б ни был он — убийца, заговорщик,

Окруженный
Мошкой.

Только что до мошкиры
Дубу исполину, —
Он глядит себе с горы
В синюю долину.

*(Женщины открывают крепостные ворота.
Входят грузинские воины во главе с Вахтангом Горгасалом. Защитники крепости
окружают царя и его воинов)*

Вахтанг

Привет, благодаренье и почет,
Вам первые защитники Тбилиси,
Воители твердыни молодой.
Утраты и страдания этих дней
Образовали ореол бессмертья,
В котором вам и суждено предстать
Пред взорами потомков благодарных.
Но я не вижу среди вас Бакура...
Зовите Цихистави. Где же он?

Мать

Бакура нет... Мечом врага сражен...
Постигла слишком многих эта участь.
В неравной схватке, все до одного
Убиты или ранены мужчины.
В доспехах наших братьев и мужей,
Мы женщины, мы жены их и сестры
Стояли насмерть у разбитых стен,
И в час кончины моего Бакура
Я, женщина с душой ожесточенной,
На место мужа выбрана была.

*(Снимает шлем, и на плечи падают распу-
щенные волосы)*

Вахтанг
(становится на колени)

Спасибо, мать...

За все твои дела

Спасибо...

Вечной славой овейна

Та, пред которой мы всегда в долгу.

(Целует материнский подол и поднимается)

Но где же Дачи?

Старейшина

Побывал у хана,
Дорогу в крепость указал врагу
И был казнен по крепостным законам, —
Камнями всенародно умерщвлен, —
И проклят...

Мать

Сын мой...

(падает)

Вахтанг

Сам признался он?

Первый часовой

Все отрицал изменник.

(Вбегает Вардо)

Вардо

Это — ложь.

В ту ночь он был со мной, а не у хана.

Первый часовой

С тобой?

Вардо

В наш дом явился он неожиданно,
Но сразу же обратно заспешил,
Мои мольбы оставил без ответа,
И лишь сказал, что должен отнести
Какие-то кувшины...

Значит, Гаха

Осуществил угрозу и по следу
За бедным Дачи кинулся во тьму.

Первый часовой

Откуда взялся Гаха? Не пойму...

Вардо

Он битый час перед приходом Дачи
Болтался возле дома моего,
Сперва во мне пытался вызвать жалость,
Потом грозился Дачи погубить
И по его следам повел врага
Лесной дорогой на исходе ночи...

Первый часовой

А ведь на то, что говорил нам зодчий,
Ее рассказ действительно похож.
Вы помните, он клялся, что в Дигоми
Недолго пробыл и в обратный путь
Пустился на исходе этой ночи.
Он говорил, что лес в кромешной тьме
Казался вражьем войском, а по следу
Скользила неотступно чья-то тень,
Подобная крадущемуся зверю.

Вахтанг

В измену Дачи я и сам не верю.
Но нет покамест времени у нас
Чтобы судить, кто прав и кто виновен.
Висит на волоске судьба народа.
Великими потерями всегда
Великое чреват испытанье.
Нам следует сначала потрудиться,
Чтоб отстоять отчизну, а затем
Воздать живым и мертвым по заслугам.

(Обнимает детей)

Но наш первейший долг помочь тому,
Кто ранен в битве, а детей спасенных
Заботой и вниманьем окружить.

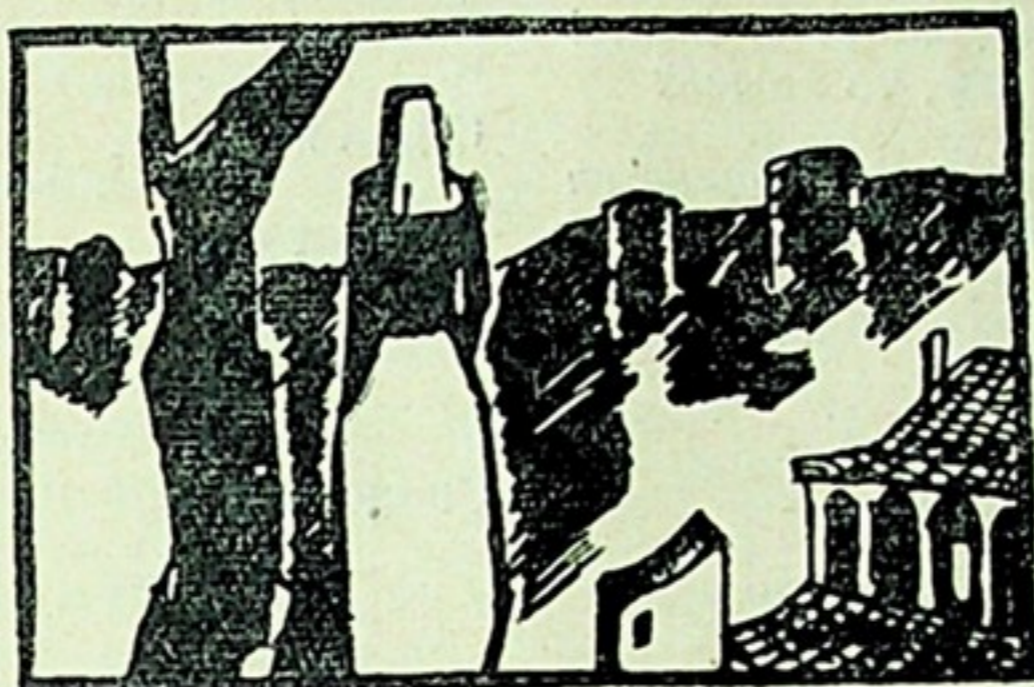
Им подвиги должны не только сниться.
Ведь после нас твердыня будет жить
Их мужеством и мощью их десницы.

(Обращается к женщинам)

Вы сделали священным это место!
Так пусть во славу вашего лекаки

Тбилиси станет матерью земли —
Столицей, выразителем геройства,
Проявленного в праведном бою.
Ваш гордый дух не сломлен, не поборот,
Его не побороть и не сломать.
Отныне и вовеки славен город,
Грузинская столица, город-мать!

З а н а в е с

Э П И Л О Г

Зеленый холм над городом сплошь покрыт могилами. С холма виден силуэт большого города. Юноша, облокотившись на скалу, смотрит вниз на город. Справа у могилы, распустив волосы, стоит мать в трауре. Там же поблизости свежеврытая могила. По косогору бегом подымается девушка.

Ю н о ш а

Вот, наконец, и ты — моя заря,
Ты — утренняя зорька, ты — зарница.
Ответный свет зажечь в моих очах
Торопись, летишь по крутосклону,
Крылатая, по горло в розах алых,
И сердце ожиданьем стеснено.

Д е в у ш к а

Ты на меня обижен? Ждешь давно?

Ю н о ш а

О, нет! Какая может быть обида,
Когда одной надеждою на встречу
Дышать и жить безропотно готов!

Д е в у ш к а

На этих тропках тысячи следов, —
И мне казалось, что любой из них
Расширенным зрачком следит за мною...
Как рада я, что мы опять вдвоем!

Ю н о ш а

Но тень тревоги на лице твоём.

Д е в у ш к а

Ты угадал. Меня гнала тревога,
Я мчалась, как испуганная лань.

Ю н о ш а

Дай руку мне. Страшиться перестань.
Когда мы вместе, над тобой не властна
Слепая, вездесущая беда.

Д е в у ш к а

Но мы бываем вместе не всегда.

Ю н о ш а

Я только что о том же самом думал,
Мечтал, что дом дострою поскорей,
Введу тебя в него и все причины
Для горестных упреков устраню...
Смотри! Он кровлей перекрыт на славу.

Д е в у ш к а

(Смотрит вниз на город)

Своим трудом гордишься ты по праву, —
Не дом, а замок вижу я внизу.
Он без двора, зато высокостенный,
И по соседству с ним видны повсюду
Жилые очаги, уютный кров.

Ю н о ш а

Наш город вырос так, что для дворов
Нет больше места.

Он уже не молод,
Все склоны гор собой украсил он,
И для дворов теперь, конечно, тесен,
Но вширь и ввысь по-прежнему растет.

(Вбегают две девочки. Одна собирает цветы, другая гонится за бабочкой)

Первая девочка

Ах, сколько маков! Я теряю счет,
Вовек, наверно, всех не оборву.

Вторая девочка

Вон бабочка присела на траву
И снова закружилась над цветами.

(Бежит за бабочкой)

Пусть мне придется вдоль и поперек
Всю вытоптать зеленую поляну,
Но я поймаю, пестрая, тебя!
Поймаю, слышишь, все равно поймаю!
Зачем летишь то в сторону, то ввысь?

(Увлеченная игрой, девочка приближается к свежей могиле. Юноша, заметив это, бросается к ней)

Юноша

Остановись, дитя! Остановись!

Вторая девочка

Ах, что за яма! В ней темно и жутко!

Юноша

Неужто же не видишь ты, малютка,
Что здесь совсем не место для игры.
Ты в эту яму чуть не угодила.

Вторая девочка

Да это же не яма, а могила.

Девушка

Могила... Дом для мертвых... Их жильё...

Юноша

Так отойди скорее от нее.

Вторая девочка

Сегодня похоронят здесь кого-то.
Что за могила! Ну и глубина...

Юноша

Ты знать об этом вовсе не должна.

Первая девочка

Да как же нам не знать, когда недавно
Опять два гроба пронесли сюда.
Ведь мы живем у самого кладбища
И каждый день играть привыкли тут.

Вторая девочка

А люди в черном каждый день несут
Покойников своих на эту гору.

Первая девочка

Так много мертвых, что, наверно, скоро
В надгробье превратится вся гора,
Плитой могильной станут эти склоны.

Юноша

Врагами сотни раз испепеленный,
Наш город встал над пеплом и золой,
Разросся и похорошел на диво.
В нем не хватает места для домов
И для могил.

Они собой покрыли
Всю гору...

Вторая девочка

Говорят, что сон в могиле
Спокоен и глубок.

Юноша

В могилах спят
Те, кто своими сильными руками
Воздвигли этот город
и в бою
От вражеских нашествий отстояли,
Чтоб он золою не покрылся впродолжение.

Первая девочка

Мы больше не посмеем здесь шуметь,
Не потревожим сон любимых предков,
Пусть отдыхают от своих трудов
Строитель славный и бесстрашный
витель.

Юноша

О нет, дитя! Шумите и резвитесь.
Вы — радость слящих. Только для того,
Чтоб вы могли играть и веселиться,
Герои-предки орошали кровью
Траву долин и камень горных скал.
Представь же, что и в этот миг за вами
Следят их взгляды, полные любви.

Первая девочка

Я буду рвать цветы, а ты лови
Вон ту, что там кружится над могилой.

Вторая девочка

Прощай! Бегу опять за пестрокрылой.
Пусть мне придется вдоль и поперек
Всю истоптать зеленую поляну,
Но я поймаю, бабочка, тебя!
Поймаю, слышишь, все равно поймаю!

Занавес

Эдмунд Османчик,
Лауреат Государственной
Премии Польской Народной
Республики

Новая книга джунглей

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В тридцатых годах этого века «королевский социалист» Рамзэй Макдональд, не без участия сэра Уинстона Черчилля, перекрестил Британскую империю в «Британское содружество наций». Затея эта, помимо всего прочего, имела определенный демагогический смысл. По Вестминстерскому статуту 1931 года доминионы Великобритании объявлялись равными партнерами с метрополией. Этим актом правящие классы Великобритании хотели показать, что кончилась эра старого империализма, началась новая эпоха сосуществования наций в границах старой империи под эгидой королевской короны, и свободу бывшим колониям даровали сами британцы. Эта была одна из первых попыток политически камуфлировать неокOLONиализм.

Возможно, кое-кого и обманула эта демагогическая затея правящих классов Великобритании, но едва ли она могла ввести в заблуждение колониальные народы, отстаивающие свою свободу, свое право на самоопределение.

Известно, что именно в результате борьбы народов за право самим распоряжаться своей судьбой распадается политическая система империализма и колониализма. Ныне по всему миру разносится колониальный звон, оповещающий народы не о крестинах, а о похоронах старых, отживших свой век империй.

Повесть известного польского публициста и журналиста Э. Османчика, которую мы предлагаем читателю, строго документирована, это не вымысел, это не плод воображения талантливое писателя. Всякий, прочитавший «Историческое повествование» Э. Османчика, легко убедится, чего стоят демагогические, фарисейские разглагольствования британских колонизаторов о «дарованной» ими свободе народам колоний. То, что происходило в Малайе, не исключение, а правило поведения, которым руководствовались капиталисты в завоеванных ими колониях. Именно такими, как они описаны в этой повести, были методы господства в колониях, осуществляемые людьми, которых создавала британская империалистическая система воспитания.

«Новая книга джунглей» Э. Османчика читается с захватывающим интересом. Она переведена на многие языки и успела завоевать большую популярность.

На русском языке она впервые появляется в нашем журнале.

ВЛ. МАЧАВАРИАНИ.

ПРОЛОГ

Сначала я рассматривал снимок. Вы помните его — он в свое время обошел прессу всего мира.

Через несколько дней я внимательно прочел затребованные мною вырезки из зарубежных газет — все заметки, сообщения и статьи по этому вопросу, опубликованные в последнее время.

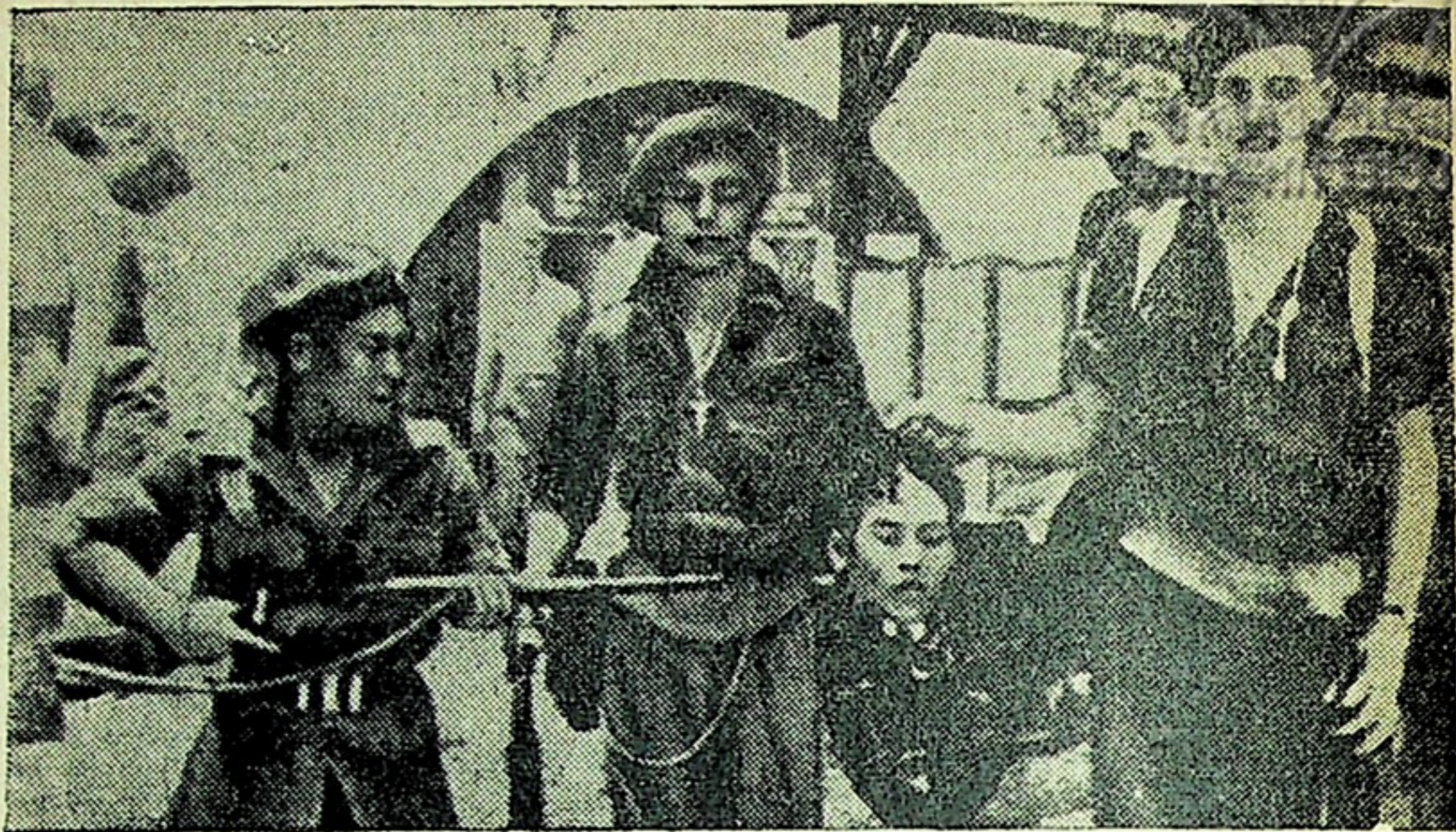
Беспокойство мое росло...

Потом я добрался до архивной хроники этого исторического периода. Как говорится — не переводя дыхания — прочел гору различных книг и брошюр, среди которых были: статистические ежегодники, экономические атласы, от-

четы и балансы крупнейших капиталистических монополий.

Спустя некоторое время в моих руках оказались три больших репортажа из Малайи. Они были опубликованы в английской, американской и французской печати и принадлежали перу широко известных в западном мире публицистов.

Я внимательно прочел исследование известного советского ученого Г. Л. Бондаревского «Национально-освободительная борьба малайского народа». Затем тщательно проштудировал еще несколько десятков книг по географии и

политико - экономическим проблемам Юго-Восточной Азии. Кроме того, мне пришлось довольно обстоятельно изучить обширный архив газетных статей, касающихся малайского вопроса.

Гора записей и набросков росла...

Из британской «Хронологии международных событий и документов» я выписал на заметку все, происшедшее в Малайе с 1933 г.

И лишь тогда, закончив столь длительную работу, я смог — со всей скрупулезностью и ответственностью историка — раскрыть жизнь двух далеких и неизвестных мне девятнадцатилетних юношей, лица которых я видел только один раз, да и то на плохой любительской фотографии, так взволновавшей весь мир. Да, теперь я уже мог абсолютно документально — на фактах — показать тех, кто занимал руководящие посты в Британской империи: людей, несущих всю ответственность за судьбы двух девятнадцатилетних юношей.

Основываясь на фактах, я без малейшего колебания добавил к данному повествованию слово «историческое», хотя оно и касается лишь недавних событий, а мой экскурс в историю не шел дальше 1933 г.

Так же не колеблясь, вполне сознательно, использовал я заглавие широко известной «Книги джунглей», принадлежащей перу известного английского писателя Редьярда Киплинга. Читатели легко поймут, почему я так поступил. Буржуазные энциклопедии с восторгом говорят о Р. Киплинге, что он был «...великим певцом славы английских солдат, пионеров культуры, империалистов».

Для писателя беспокойное сердце всегда является хорошей bussолью. Плохо было бы, если бы мы пытались подавить в себе то, что внезапно заставляет нас производить лихорадочные поиски истины, затем нетерпеливо добиваться полного выяснения правды и, наконец, начинать трудную работу — излагать свои переживания и сомнения в той или иной художественной форме. Со мной происходило то же самое. В течение многих недель боролся я за каждое слово в трудной для меня, публициста, форме исторического повествования. Но я должен был писать. Я обязан был рассказать все. Иначе я не обрел бы душевного покоя.

1

Построенный на берегу Темзы в первой половине XIX столетия новый Вестминстерский дворец стал в начале второй половины XX столетия ареной короткой бури. Она разразилась из-за неприятного и щекотливого (в виду некоторых деталей) любительского фотоснимка, который к тому времени был уже опубликован почти всей английской и американской прессой. В огромном здании (его также называют Домом Парламента) заседала в те дни Палата Общин, и представитель правительства Ее Королевского Величества был вынужден ответить на запрос одного из депутатов по поводу появления в печати «возмутительной фотографии». Стенографисткам пришлось запротоколировать каждое слово вопроса и ответа. Таким образом «фотографические дебаты» (как окрестили это дело юркие репортеры) были увековечены на все времена.

Совершенно очевидно, что и депутату, возбудившему это дело, и самому представителю правительства, были абсолютно безразличны фамилия и имя девятнадцатилетнего солдата, который нагло глядел с фотоснимка. Поэтому в стенограммах Палаты Общин мы его имени не найдем. Условимся, что его звали Кристофэр (Христофор), а от отца (по церковной метрике) он унаследовал весьма распространенную среди англичан фамилию Браун. Думаю, что здесь мы ни на ноту не отступим от исторической правды. Наоборот, мы только оживим ее, как это часто происходит на экране: люди застыли в той позе, в какой их застиг объектив киноаппарата, но вот лента пошла, и эти застывшие фигуры начинают двигаться, говорить, и мы уже знаем их имена, переживания, радости и тревоги...

Прежде чем оказаться в столь неприглядном виде на очень плохой любительской фотографии Кристофэр тоже двигался, разговаривал, пел, плакал, смеялся и проказничал, как и все дети. Родился он в 1933 г. в семье английского полицейского чиновника в колонии Золотой Берег (Западная Африка). Ни отец, ни мать Кристофэра и мысли не допускали, что их сын в будущем станет непосредственной причиной необычайных дебатов на далекой Темзе, в лондонском Вестминстерском дворце.

В те времена счастье этой семьи, а следовательно и Кристофэра, еще ничем не было омрачено. Стоило мальчику заплакать, как к нему немедленно подбегала мать — худенькая, всегда испуганная и озабоченная женщина. Отец Криса, плечистый сержант Королевской колониальной полиции, возвращаясь со службы на золотых приисках, грубой большой рукой (которой он так беспощадно избивал негров) непривычно нежно гладил золотистые волоски на розовом темячке своего наследника. Дитя чувствовало тепло отцовской руки — спокойно засыпало. Мать готовила супружеское ложе, сержант кряхтя стаскивал грубые сапоги, поудобней укладывался на постели и брал в руки лондонскую газету. Потом закуривал трубку и читал новости со всего света.

Лондонская консервативная газета «Таймс» больше всего расписывала тогда (в тридцатые годы) действия Гитлера, который, как раз в год рождения Криса захватил власть в далекой Германии. С того дня, когда сержант Браун узнал, как хорошо Гитлер организовал свою полицию, бравый англосакс уже не сомневался в долговечности нацистского режима и с большим интересом читал вести из «третьего рейха». Другие сообщения газеты касались, главным образом, подробностей затяжного экономического кризиса в Европе и Америке. Это ему было уже менее интересно, да и воспринималось более трудно. Значительно лю-

бопытнее были для него статейки о «сумасшедших попытках» создания социалистического хозяйства в «красной», большевистской России. Но самыми милыми сердцу сержанта известиями (которые он откладывал на конец чтения) были последние новости из жизни королевского двора, а также заметки о пэрах и лордах Англии. Сержант Браун не мог без волнения читать все, что касалось людей, которым он преданно служил много лет.

Лондонская газета заканчивалась колонками цифр, набранных петитом. Последним взглядом уставшего человека Браун находил там единственные сведения о Золотом Береге. То были курсы акций хорошо известных ему солидных фирм, интересы которых он охранял в Западной Африке. Акции этих фирм высоко котировались на биржах Лондона, Нью-Йорка, Амстердама, Парижа. Поэтому колонки цифр свидетельствовали не только о богатстве Золотого Берега, но и о долговечности колониального порядка на африканском континенте.

С чувством глубокого внутреннего удовлетворения сержант откладывал газету и закрывал глаза. Иногда маленький Крис всхлипывал сквозь сон. Мать тут же просыпалась и бежала к колыбельке, накрытой тонким муслином. Сержант сонно произносил: «Хороший этот 1933-й год...» и снова засыпал. Холодная и сырая африканская ночь опускалась над местом рождения Криса — портовым городом Аккра.

Детские годы проходят значительно скорее, чем все остальные годы жизни. Они просто расплываются в памяти.

Самого счастливого периода жизни своего отца маленький Крис не помнил. Был уже 1940 год, когда мальчик начал посещать школу. К тому времени сержант Браун потерял прежнее спокойствие и уверенность. Вторая мировая война ничего хорошего не сулила Британской империи. Даже на Золотом Береге, вдали от театра войны, полицейская служба становилась очень и очень тяжелой. Покорные и безропотные раньше негры начали слишком часто шептаться между собой. Все смелее требовали они повышенного вознаграждения за увеличенный рабочий день.

Впрочем не в этом было самое главное и худшее. Уже под конец 1943 года сержант Браун — к неопишному своему ужасу — вдруг услышал в Аккре, на фабричной территории гигантского концерна «Братья Левер», совершенно немыслимую раньше речь чернокожего делегата рабочих:

— Мы, подданные Его Королевского Величества¹, с удвоенной энергией и напряжением работающие на нужды армии, являемся вашими союзниками в борьбе против фашизма и требуем, что-

¹ Тогда еще был жив король Георг VI.

бы к нам относились с должным уважением.

Прежние черные рабы теперь сплоченными рядами стояли вокруг своего делегата. Они высоко подняли головы и дали понять, что не намерены больше гнуть свои спины перед белыми.

У сержанта Брауна так и чесались руки. Он охотно избил бы резиновой дубинкой этого черномазого наглеца, но... на это не было приказа! Наоборот, это немыслимое требование негритянской делегации было принято с лицемерным дружелюбием, и директор даже провозгласил здравицу в честь скорой победы королевских войск над общим врагом — германским фашизмом.

В этот день маленький Крис — конечно не в первый раз — услышал бешеную отцовскую ругань по адресу негров и грязные слова, выражавшие безмерное презрение и ненависть Брауна к «цветным» людям. Впрочем, незаметно для себя, Крис учился этому и в школе, только там ругань и ненависть полицейского сержанта заменялись «наукой» о мнимом «превосходстве» белых народов империи над «цветными» народами колоний. Уроки истории и географии прочно западали в мягкую, податливую душу десятилетнего мальчика. В те дни Крис был похож на толстощекого розового упитанного ангелочка с темно-коричневыми глазенками и светлыми локонами. Правда, позднее они потемнели к вящему огорчению матери, восхищавшейся маленьким Крисом.

На уроках географии мальчику больше всего нравился глобус с рыжеватыми пятнами, обозначающими огромные владения Британской империи. Однако понадобилось немало времени для того, чтобы Крис научился безошибочно находить на глобусе все эти колонии, подмандатные территории, протектораты и доминионы, находящиеся под властью Его Королевского Величества Георга VI. Это была трудная, но проникнутая британской спесью наука.

Когда Крис овладел ею, ему пришлось учиться отличать (в соответствии с географическим расположением колоний) все отдельные многоязычные народы, населяющие владения короля Георга VI. Учитель развешивал в классе цветные таблицы, на которых были нарисованы люди самых различных оттенков цвета кожи, с самыми различными строениями черепа — обычно полунагие, вооруженные копьями, дротиками, пращами, рогатками, луками и дубинками. С этих таблиц на маленького Криса смотрели люди Африки и Азии, Америки и Австралии, а также множества островов, разбросанных среди двух океанов и семи морей. В зависимости от вопроса учителя, мальчик показывал бамбуковой указкой то на чернокожего су-

данца, то на оливкового малайца, то на приземистого бушмена. Одновременно требовалось указать на глобусе местоположение данной народности, а также (согласно школьной программе) изложить основные сведения о ней.

Среди множества таблиц одна была особенно выразительной: полунагой дикарь опирался левой рукой на копье, а в правой держал за волосы отсеченную от туловища голову человека.

— Это охотники за головами... — объяснял учитель. — Надо вам сказать, дети, что среди некоторых диких племен в прошлом существовал зверский обычай отсекать голову побежденному врагу. Победитель обносил эту голову по кругу соплеменников в доказательство своей силы и отваги. Охотники за головами верили, что умножают свои силы за счет силы побежденного...

Розовощекий ангелок высовывался из-за парты и с детским любопытством, смешанным с испугом, всматривался в отсеченную голову...

— Как можно доверять этим дикарям или уважать их? Черномазые скоты! — ругался сержант Браун, рассказывая жене и сыну о выступлении негров на фабрике (то была известная во всем мире фирма лучшего какао «Братья Левер»).

Крис горячо поддакивал отцу. Последний урок географии внушил ему чувство превосходства белого человека над «цветным» и его не отталкивала ненависть отца к борьбе народов против фашизма. Поэтому, при первом же удобном случае, маленький Крис в кровь избил сына прислуги, черного Боба Имаги, осмелившегося войти в комнату Криса в поисках своей матери...

Школу Крис окончил в 1948 году. Проникнутый «богобоязненным» духом безграничного преклонения перед королем, церковью, полицией и деньгами, беспредельно презирая «цветных» людей, Крис, по инициативе матери и по протекции отца, начал коммерческую практику в конторе большой фирмы, эксплуатирующей золотые копи в колонии Золотой Берег.

Сначала Кристофер Браун ровным каллиграфическим почерком выписывал платежные ведомости: смешные негритянские имена, а рядом — однозначное или двузначное число. Позднее его стали учить бухгалтерскому искусству — записи многозначных цифр, которые заносились на дебет фирм, хорошо знакомых сержанту Брауну по биржевым таблицам в консервативной лондонской газете.

Однако эта работа не принесла удовлетворения Кристоферу. Он согласился на нее только ради матери, которая непременно хотела, чтобы ее сын приобрел какую-нибудь «нейтральную» профессию.

— Бухгалтер — говорила она, — всегда имеет дело только с деньгами и цифрами, но никогда с людьми и политикой. Цифры никогда не бунтуют, а близость к деньгам всегда лучше, чем близость к политике. При таком положении вещей мы с отцом найдем у тебя кусок хлеба и спокойный кров на старости лет...

Кристофер знал, что отец недоволен его работой в конторе и хотел бы видеть сына в военном мундире — сержант Браун был патриотом Британской империи. Вторая мировая война ничего хорошего ей не принесла, как это и предвидел Браун. «Цветные» выпрямили спины. Империя требовала все большего числа полицейских и войск. Даже в таком тихом месте, как Золотой Берег, негры теперь отваживались организовывать забастовки.

Когда в 1948 году Кристофер покидал школу, он впервые увидел демонстрацию негров. Смело подняв головы, они шли по главной улице Аккры и пели песни о свободе. Но на этот раз сержант получил долгожданный приказ и стрелял, как обезумевший. 29 негров было убито, 237 тяжело ранено, несколько тысяч арестовано и брошено в тюрьмы. За семь метких выстрелов, принесших смерть «обнаглевшим черномазым», Браун получил благодарность начальства.

По всей колонии (от Кумаси до Секонды и от Тамали до Аккры — на золотых приисках, в манганиновых рудниках, на разработках боксита, в алмазных копях, на плантациях какао, на заготовке кедра) чернокожие рабочие добивались установления собственного негритянского самоуправления.

И вот тогда, осенью 1950 года, возвращаясь из конторы, Кристофер наткнулся на группу подростков-негров, среди которых он узнал сына бывшей прислуги семьи Браунов — Боба Нмаги. Ребята смолой писали на стенах лозунг Народной партии:

«Требуем организации негритянского правительства!»

Кристофер грубо прикрикнул на подростков. В ответ раздался дружный язвительный смех. Держа в руке большую кисть, измазанную смолой, Боб Нмаги воскликнул:

— А ну, просим!.. Подойди поближе!

Кристофер с беспокойством оглянулся: никого из белых поблизости не было. Юноша стремглав помчался домой... Во время ужина, к неопишуемому испугу матери, Крис заявил, что отныне он желает носить мундир и револьвер. Хватит с него этой дурацкой конторской работы!

Юноша хотел стать солдатом или полицейским, как и его отец. Сержант Браун возражать не стал. Ему было даже приятно, что сын пошел в него, а не в мать — тихую, набожную женщину.

...Так закончилась коммерческая практика Кристофера Брауна. Он забросил работу в конторе и вскоре с радостью одел мундир — британский мундир, символ власти империи над колониальными народами. Вскоре молодого солдата отправили в один из дальних фортов.

Прослужив там год, Кристофер приехал на несколько дней домой. Часть, в которой он служил, отправлялась в Малайю, где взбунтовалось местное население. Правительство Его Королевского Величества вознамерилось усмирить непокорных. Для этого необходимо было послать в Малайю дополнительные контингенты войск и полиции.

Мать Кристофера со страхом приняла весть о поездке сына за океан. Он все еще оставался для нее ребенком, хотя уже вырос, возмужал и ни на минуту, как и его отец, не расставался теперь с пистолетом.

Прощаясь с сыном, приподнявшись на цыпочки, мать повесила ему на шею крестик, может быть, даже несколько великоватый для солдата. Кристофер нагнулся, обнял мать, поцеловал ее и поклялся никогда не расставаться с ее подарком. Это обещание Кристофер дал легко: он был человеком верующим. Правда, сын не был таким религиозным, как мать, с ее мягкостью и упованием только на бога. Он следовал примеру отца. Последний всегда говорил, что отличным полицейским и настоящим колониальным чиновником может быть только мужественный христианин.

— Я горжусь тобой! — говорил сержант Браун, спокойно прощаясь с сыном. — И рад, что ты едешь в Малайю. Золотой Берег и Малайя, это теперь две ценнейших жемчужины в королевской короне. Я буду продолжать охрану Британии здесь... А ты охраняй ее интересы на другом конце империи, но так, как это пристало мужской линии рода Браунов...

Он на шаг отошел от сына, смерил его долгим взглядом и на секунду задержал внимание на чуть великоватом крестике: черном, с вырезанным из слоновой кости распятием. Потом, не спеша, уложив мысли в одну фразу, изложил сыну весь опыт «мужской линии рода Браунов»:

— Помни! Верность богу и королю всегда сохраняет совесть в чистоте, какие бы приказы тебе не пришлось выполнять.

Через несколько недель Кристофер Браун уже плыл на военном транспорте через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан в Сингапур — остров-крепость, охраняющую британские интересы в пространстве между Малаккским полуостровом и Суматрой.

Малаккский полуостров находится на южной оконечности азиатского материка и своими очертаниями напоминает

язычок растущего каучука, согнутого западным ветром. Заканчивается он — как нос уродливой бородавкой — островом Сингапур. Сравнение это хоть и несколько эксцентричное, но зато очень точное.

В Малайе много каучука — вероятно, больше, чем где-либо в мире. Западные ветры, насыщенные тропической влажностью, постоянно овевают темно-зеленый массив джунглей, занимающих две трети территории Малайи. Общая площадь этой страны несколько больше, чем вся Чехословакия. Единственная железная дорога идет вдоль западного побережья — от Сингапура, через Куала-Лумпур и Пенанг, до границ королевства Сиам (Таиланд). Сиам — единственная страна, которая граничит с Малайей. С трех остальных сторон — море.

В течение нескольких столетий власть над Малайей находится в руках заморских грабителей. Сперва это были завоеватели из далекой Португалии, потом из столь же неблизкой Голландии. Позже — сто с лишним лет назад — сюда пришли англичане. Они построили порты-крепости Сингапур, Малакка, Пенанг, которые считались неприступными. Однако в последнем десятилетии первой половины XX века с востока явились японцы и легко захватили английские порты. Японцы узурпировали власть над малайцами. Правда, ненадолго: через несколько лет англичане вернулись. Однако восстановить колониальные порядки оказалось делом очень трудным. Победоносная освободительная борьба малайского народа против японцев резко изменила облик давней британской колонии. Упорные попытки правительства Его Королевского Величества восстановить старые порядки в стране, где (как и во всей Азии) народ уже научился бороться за свои права, были именно той причиной, по которой 6 октября 1951 года Кристофер Браун, сын колониального полицейского и набожной матери, уроженец Золотого Берега, высадился в военном порту Сингапур.

На суше Кристофер Браун и сотни других солдат, выстроившихся развернутой колонной, салютовали генералу Темплеру, прибывшему из форта Кэммин на Джохорский мол, чтобы лично осмотреть новое пополнение своей армии.

В тот же день Кристофер Браун и сотни других колониальных солдат были посажены на поезд и отправлены в столицу «Человеческого»¹, или Малайского государства — Куала-Лумпур. Военная часть, в которой служил Кристофер Браун, посылалась на усиление местного гарнизона. В вагонах молодые

¹ На малайском языке слово «малайю» означает «люди».

солдаты увидели надписи, совершенно неслыханные на Золотом берегу:

«ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ПАССАЖИРОВ: ВОЗМОЖНО НАПАДЕНИЕ НА ПОЕЗД!»

«ЗДЕСЬ ЗВЕРСТВУЮТ БАНДИТЫ!»
«В СЛУЧАЕ ОБСТРЕЛА ПОЕЗДА ПАССАЖИРАМ ПРЕДЛАГАЕТСЯ НЕ МЕДЛЕННО ЛОЖИТЬСЯ НА ПОЛ И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПОКИДАТЬ ВАГОНОВ. ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ОБЯЗАНЫ ДЕРЖАТЬ ОРУЖИЕ НАГОТОВЕ!»

...В стекла бил теплый тропический дождь. В вагоне было душно, но никто не решался открыть окно. Солдаты беспрерывно курили, ни один не спал...

2

Когда на станцию прибыл поезд с солдатами, Луала Ру на соседнем пути выгружал колючую проволоку. Ему помогал юноша-индеец с красивым именем Кисани. Они вместе поднимали тяжелые мотки и перебрасывали их из вагона в кузов грузовика.

На мотках кое-где сверкали капельки росы, которую еще не успело высушить жаркое солнце.

С приходом поезда юноши прервали работу. Они присматривались к солдатам, которые высыпали из вагонов и выстроились в три шеренги на главном перроне. За исключением сержантов и офицеров все это была молодежь, примерно в возрасте Кисани и Луала Ру. С юношеским любопытством солдаты окидывали взглядами убогий вокзал Куала-Лумпура, столицы богатого Малайского Союза, и тихо переговаривались.

Один из солдат, молодой парень с черным крестиком, видневшимся на шее из-под расстегнутого воротника блузы, был очень возбужден, нервно осматривался вокруг, толкал соседей и о чем-то шептался с ними. Вдруг парень рассмеялся и показал рукой в ту сторону, где стояли Луала Ру и Кисани.

Малаец и индеец почувствовали на себе презрительные взгляды солдат. Смех парня с крестиком был противен и надоедлив, как жужжанье назойливой осы.

— Плохой это знак, если белый солдат радуется и хохочет! — шепнул Кисани.

Он знал много поговорок, бытующих в Южной Азии, и при случае любил похвалиться знанием народной мудрости.

— Не каркай! — проворчал Луала. — Прислушайся лучше, что они там кричат... Слышно тебе?

Ветер донес громкий голос солдата с крестиком:

— ...Посмотрите, ребята! Хороший знак...

— Где?

— Да, вон там, двое малайцев... Нет, не они сами, а за их спиной... Видите, там вывеска — «Голден Хоп»... («Золотая Надежда»). Ловко придумано!

Среди солдат этот парень заметно выделялся своим весельем и одновременно нервозностью. Это он первым заметил вывеску с заманчивыми словами.

— Предлагаю, — закричал он, — впредь называться «Ротой Золотой Надежды»!..

Но тут раздалась команда. Отряд сделал поворот налево и, стуча каблуками, направился к городу. Кисани посмотрел на друга. Тот стоял недвижимо, как статуя, отлитая из бронзы. Стиснув зубы и выпрямившись, он пристально смотрел вслед солдатам.

— Эта «Золотая Надежда» нужна нам, как кролику удав... — угрюмо произнес Кисани.

Луала вздрогнул. Взгляд его невольно остановился на вывеске, наполовину скрытой стенкой вагона. Текст он знал наизусть. Там было написано:

«КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ
«ЗОЛОТАЯ НАДЕЖДА»
ЛОНДОН
ПЕРЕГРУЗОЧНАЯ СТАНЦИЯ
КУАЛА-ЛУМПУР
(БРИТАНСКАЯ МАЛАЙЯ)»

Написанные на чужом языке слова означали, что компания, эксплуатирующая малайский каучук, ввиду неслыханных прибылей, присвоила себе название «Золотая Надежда». Вся Малайя была покрыта вывесками лондонских фирм.

«КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ «ЗОЛОТАЯ НАДЕЖДА», «КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ ДАНЛОП», «КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ ЛЭНЭНДРОУ», «РЕЧНОЙ КАУЧУК МЮЭР», «КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ КЭНОН», «КУАЛА-ЛУМПУР КАУЧУК и К^о», «АЗИАТСКИЙ КАУЧУК. ЛОНДОН», «ШОТЛАНДСКИЙ КАУЧУКОВЫЕ ПЛАНТАЦИИ», «ЮНАЙТЕД СЮАКСОКОГОРНЫЙ и РАВНИННЫЙ КАУЧУК. ПАРА и К^о», «ПЛАНТАЦИИ ПИТЕКЕКО не полный чернов, алчно малайской зем-ничали еще и уатирували и про-ески эксплуатировать малайское олово — «ОБЪЕДИНЕНИЕ СОЗЕРН КИНТА», «БРИТАНСКИЕ ИНВЕНСТИЦИИ. ОЛОВО», «ОБЪЕДИНЕНИЕ ОЛОВОПЛАВИЛЬНЫХ ЗАВОДОВ», «ОБЩЕСТВО ПЕНГКАЛЕН», «КРЭЙМЕТ ПУЛАЙ», «ЛОНДОНСКАЯ ОЛОВЯННАЯ КОРПОРАЦИЯ».

Все эти тресты и корпорации относятся к самым крупным владельцам природных богатств Малайи. Правда, в 1948 году ее наименование изменили — вместо «Британской Малайи» возник

«Малайский Союз». Но это ни на йоту не уменьшило власть лондонских монополий над малайской землей.

Вот почему владельцы компании «Золотая Надежда» пожалели даже каплю краски, чтобы изменить на своей вывеске слово «Британская...». Луала задержал взгляд на последней строке вывески, насмешливо улыбнулся и довольно громко произнес:

— Мы еще посмотрим, как долго Малайя будет британской!

— Внимание: — прошептал Кисани. — Идет босс!

Оба быстро нагнулись, с двух сторон ухватили моток колючей проволоки и бросили его в грузовик.

— Быстрее, быстрее! — закричал босс. — На плантациях ждут наш груз. Пошевеливайтесь!..

Юноши как бы невзначай толкнули друг друга. Из кабины высунулся старый китаец. С этой стороны он был невидим боссу. Втянув лысую голову в плечи, шофер приставил к ушам раскрытые ладони и медленно, очень медленно стал вытягивать их вперед. В такой позе он удивительно напоминал черепаху, которая только что проснулась и начала шевелиться.

Кисани и Луала Ру низко опустили головы, чтобы не расхохотаться. Они хорошо поняли намек старого друга и наставника, китайца Чен Ли.

Был уже полдень, когда, ввиду сильной жары, разрешилось сделать большой перерыв, а грузовик так и не был догружен. Взбешенный босс — мистер Смит, толстенький человечек с красноватыми кроличьими глазами, обливаясь потом от невероятной жары и злости, уехал в город.

Чен Ли, Луала Ру и Кисани уселись в тени вагона и медленно, очень медленно, чтобы подольше насладиться отдыхом и пищей, стали есть вареный рис, осторожно доставая его из маленьких деревянных мисочек, принесенных китайцем из железнодорожного буфета.

Закончив скудный «обед», все трое растянулись на деревянном помосте. Старый Чен Ли закурил свою любимую трубочку и, как это было обычно при их встречах в свободное время, начал свой урок с выговора:

— Спать я вам не дам, не ждите!.. Сами виноваты, что так мучаете себя. Не подай я вам знака, так вы бы из кожи вон полезли... Босса испугались! Да пусть он злится и кричит — на то он и босс. А вы по своему делайте.

— Неправда! — возразил Луала. — Какой тут испуг? Мы и так работали медленнее черепахи. Просто устали и ослабели от жары и голода...

— Не кричи! — вмешался Кисани. — Научись говорить шепотом. Ты должен знать пословицу: «когда народ шепчется, то бессилён даже крик повелителя!»

— Ладно, ладно, вы оба правы... — китаец выпустил из трубки клуб сизого дыма. — Но все равно покоя вам не дам... Народ шепчется потому, что все измучены голодом и зноем, голодом и ливнями, голодом и бесправием. Лучшие люди борются за ваше будущее, и ваша святая обязанность — помогать им. Помочь же может лишь тот, кто умеет мыслить. Вы дали мне слово, что будете хорошо учиться трудному искусству политического мышле...

Чен Ли вдруг смолк: кто-то прошел мимо вагона. По стуку подкованной обуви можно было догадаться, что это солдат. Откуда он взялся тут в такую пору?.. Со стороны главного перрона вновь донесся громкий топот солдатских сапог. Следовало обождать, пока не восстановится тишина обеденной поры. И Чен Ли стал почихивать своей трубочкой, поглядывая в дверь вагона.

Китаец очень любил обоих ребят. Своих двух сыновей он потерял несколько лет назад, когда английские военные самолеты разбомбили его селение, заподозренное в укрывательстве коммунистов. На следующий день Чен Ли пришел вступать в партию. Это было нелегкое дело. Коммунистическая партия Малайи уже была запрещена. В нее не принимали просто так — сразу, по первому желанию. Чен Ли подвергли многократным испытаниям и проверке. Когда он прошел все, ему велели учиться. Это было еще труднее. Не раз случалось, что от усталости он засыпал на лекциях. Но Чен Ли пересилил утомление, слабость. И тут произошла чудесная перемена: старик вдруг помолодел, оживился и даже стал просить секретаря назначить его агитатором. «Надо носить знания не только в себе, но и передавать их молодежи», — заявил Чен-Ли. Ему поручили организовать учебу молодых рабочих в компании «Золотая Надежда», где китаец работал шофером.

В группе Чен Ли были преимущественно ребята из отдаленных селений, в большинстве своем не умевшие ни читать, ни писать. Они постоянно жили впроголодь и не торопились размышлять ни о чем, кроме пищи. Поэтому каждый свой «урок» Чен Ли начинал с упреков. Он нарочно сердил ребят, подтрунивая над их пассивностью, чтобы вызвать в них отпор, подразнить юношеское самолюбие.

Но Луала Ру и Кисани были исключением: их не надо было подталкивать, они и так делали немалые успехи. Правда, сначала и с ними пришлось трудно. Оба не доверяли друг другу, так как один был индийцем, а второй малайцем. Оба пришли из глухих селений, и оба принесли с собой привитые им — в результате столетней губительной английской политики расовой ненависти —

презрение и вражду к иным народам, обитающим на малайской земле.

Поссорить между собой два с половиной миллиона малайцев, столько же китайцев и свыше миллиона индийцев, живущих на территории Британской Малайи — такова была «мудрость» английской колониальной политики «Разделяй и властвуй». Враждующие между собой три народа одной страны оказались слишком слабыми и разобщенными, чтобы противостоять британскому насилию и угнетению. Только коммунисты боролись против национальной вражды и розни. Они же первыми начали и организацию профсоюзов. Это произошло еще до войны, когда Луала Ру и Кисани были совсем маленькими.

Сначала английские власти поставили категорическое условие, чтобы профсоюзы были созданы для каждой народности отдельно. В то время многие рабочие еще считали правильным такое коварное требование, подрывавшее единство рабочего класса. Но вскоре вспыхнула вторая мировая война, англичане позорно бежали, в Малайю вторглись японцы. Это было первым толчком к единению, затем последовали другие. Японские оккупанты оказались такими же жестокими и бесчеловечными, как и английские колонизаторы. Они быстро спелись с феодальными князьками малайских провинций и переделали «Британскую Малайю» в «Японскую Малайю». Тогда Коммунистическая партия Малайи призвала все три народа к освободительной борьбе и создала антияпонскую Армию Малайского Народа.

О, Чен Ли хорошо помнил это время! Неоднократно рассказывал он своим ученикам о событиях тех лет. Старик знал семьи обоих юношей. Отец Кисани, рослый крестьянин, был наивным, как дитя: он верил в доброту и честность каждого человека, будь то богатый или бедный. Но детей своих он прокормить так и не смог, хотя ежедневно молился богине изобилия. Старый крестьянин долго и трудно умирал под прикладами японских оккупантов и был несказанно удивлен: оказывается, есть на свете такие люди, которые могут забрать у бедняка последнюю горсть риса, заботливо хранящую для его голодных детей.

Отца Луала — старого Ру — китаец также знал. Не раз, выезжая в очередной рейс с каким-нибудь грузом компании «Золотая Надежда», Чен Ли заезжал к нему в гости. Селение, где жил Ру, находилось в нескольких милях от Куала-Лумпура. Подолгу беседовал Чен Ли со сгорбленным стариком, которому не было и сорока лет. С самого рассвета и до поздней ночи работал Ру на полях князька. Остатки времени и сил крестьянин тратил на обработку своего крохотного поля размером в пол-му (1/32 га). И он, и его красивая жена, и пятеро де-

тей, очень похожих на мать, постоянно голодали... О политике Ру и слышать не хотел. Он боялся правителя, боялся рыжих английских дьяволов, боялся всего. Не страшился только голодать всю жизнь и влачить жалкое существование в ужасающей нищете и беспросветности. Старший сын, Луала, часто прислушивался к тому, что говорил отцу старый китаец. А Чен Ли рассказывал о борьбе профсоюзов на плантациях и в городах, о необходимости организации союза сельскохозяйственных рабочих. Ру тогда горбился еще больше, беспокойно оглядывался вокруг и умолял китайца не задерживаться возле его дома, иначе семью Ру постигнет несчастье. Однажды Чен Ли вернулся в Куала-Лумпур, поставил машину в гараж и собрался уходить домой, но в это время из-под брезента вылез Луала Ру.

— Не хочу возвращаться домой! — решительно заявил он изумленному китайцу, — помоги мне найти работу...

Так Луала Ру стал транспортным рабочим компании «Золотая Надежда». Это произошло два года назад. У парня был пустой желудок, а в голове много ветра — семнадцать лет!

Почти в это же время появился в «Золотой Надежде» и Кисани. Сначала ребята дичились друг друга. Однако «уроки» старого китайца постепенно делали свое дело: однажды Кисани с гордостью сказал:

— А знаете что? Моя мать теперь уже не отзывается плохо о малайцах и китайцах!.. В детстве она учила меня доверять только индийцам, а сейчас велит мне уважать всех, кто борется за свободу... И постоянно напоминает мне старую поговорку: «Верь всем бедным, не верь ни одному богатому!»

...Сегодняшний урок Чен Ли решил посвятить истории Коммунистической партии Малайи. Но как назло все время кто-нибудь останавливался вблизи. Старый китаец снова принимался раскуривать свою трубочку, а ребята закрывали глаза и притворялись спящими...

Оживленное движение на станции в такое необычное время явно свидетельствовало, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Лежа на земле и выглядывая из под колес вагона, Кисани заметил на главном перроне только широко расставленные ноги в блестящих офицерских сапогах, по которым англичанин нервно похлопывал стэком.

В этих случаях, как уже убедился Кисани, благоразумнее было оставаться в укрытии. Настороженными глазами следили юноши за перроном, а Чен Ли мысленно проверял и восстанавливал тезисы урока.

...Да, он начнет с 1933 года — даты рождения ребят (они ведь были ровесниками) и знаменательной даты создания Коммунистической партии Малайи...

Прежде всего надо рассказать, как выглядела тогда страна, о которой сообщалось только то, что она дает 32 процента мировой добычи каучука и 41 процент мировой добычи олова...

Затем несколько слов о второй мировой войне. Рассказы об этих годах ребята слушали с жадным любопытством. Особенно о том, как сражалась за свободу Малайи антияпонская Армия Малайского Народа, руководимая Коммунистической партией.

Дальше нужно будет описать историю возвращения англичан. Обязательно поведать о том, как на параде в Куала-Лумпуре генерал Темплер награждал британскими орденами предводителей Армии Народа — коммунистов Чан Пенга и Ло Ю. Генерал торжественно заявил тогда: «Вы были превосходными союзниками! Великая Британия никогда не забудет этого!» ...А потом, не менее напыщенно, было объявлено, что правительство Его Королевского Величества постановило превратить бывшую колонию «Бритиш Малайя» в Малайский Союз и создать малайское правительство под протекторатом Верховного Комиссара правительства Его Королевского Величества.

Надо предупредить ребят — партия не верила ни одному слову англичан. Британцы были поражены численностью Коммунистической партии, растущим влиянием профсоюзов, немедленно создавших Всемалайскую Федерацию, удивительной солидарностью бывших участников борьбы против японцев. Пышные фразы генерала Темплера были только дипломатической игрой и оттяжкой времени. Политику делали в Лондоне, а не здесь. Англичанам сейчас важно было одно: вернуть своим лондонским монополиям власть и имущество, на короткое время захваченное японцами. Англичане присматривались и выбирали надежных малайских союзников для лондонских фирм, привыкших к «Золотым Надеждам» неслыханных прибылей. Единственными пособниками оказались только князьки провинции, которые боялись суда народа за прислужничество перед японцами и предательство национальных интересов. Поэтому первым же декретом правительства Его Королевского Величества были возвращены все номинальные права девяти феодальным княжествам, которые потом англичане объединили под общей вывеской «Малайский Союз». Малайское «правительство» было назначено из числа княжеской челяди и английских приспешников — помещиков и купцов.

Три народа одной страны с нескрываемым презрением смотрели на комедию «изменения строя» и через свою партию, через профсоюзы, по-прежнему добивались полной независимости. Коммунистическая партия продолжала расти

и крепнуть. Усиливалось и ширилось влияние Всемалайской Федерации профсоюзов. А в это самое время, за пределами соседнего Сиам, в огромном Китае побеждала армия Мао Цзэ-дуна, о котором с давних лет среди трех народов Малайи слагались чудесные легенды.

Когда близкая победа армии Мао Цзэ-дуна уже ни у кого не вызывала сомнений, в Вашингтоне состоялось срочное англо-американское совещание по вопросу совместной политики на Дальнем Востоке. Вскоре из Лондона в Куала-Лумпур пришел приказ: под любым предлогом спровоцировать какое-нибудь столкновение, а затем нанести удар по Коммунистической партии, уничтожить ее, разогнать профессиональные союзы, арестовать наиболее видных участников и руководителей борьбы против японцев. Провокация эта произошла в июне 1948 года... Да, Луала и Кисани должны помнить это!.. Тогда наймиты-провокаторы застрелили трех английских плантаторов, после чего полиция в течение нескольких месяцев провела многочисленные аресты и массовые публичные казни. Поздней осенью по всей стране были разбросаны с самолетов тысячи листовок с изображением отрубленной головы командующего антияпонской Армией Малайского Народа — товарища Ло Ю...

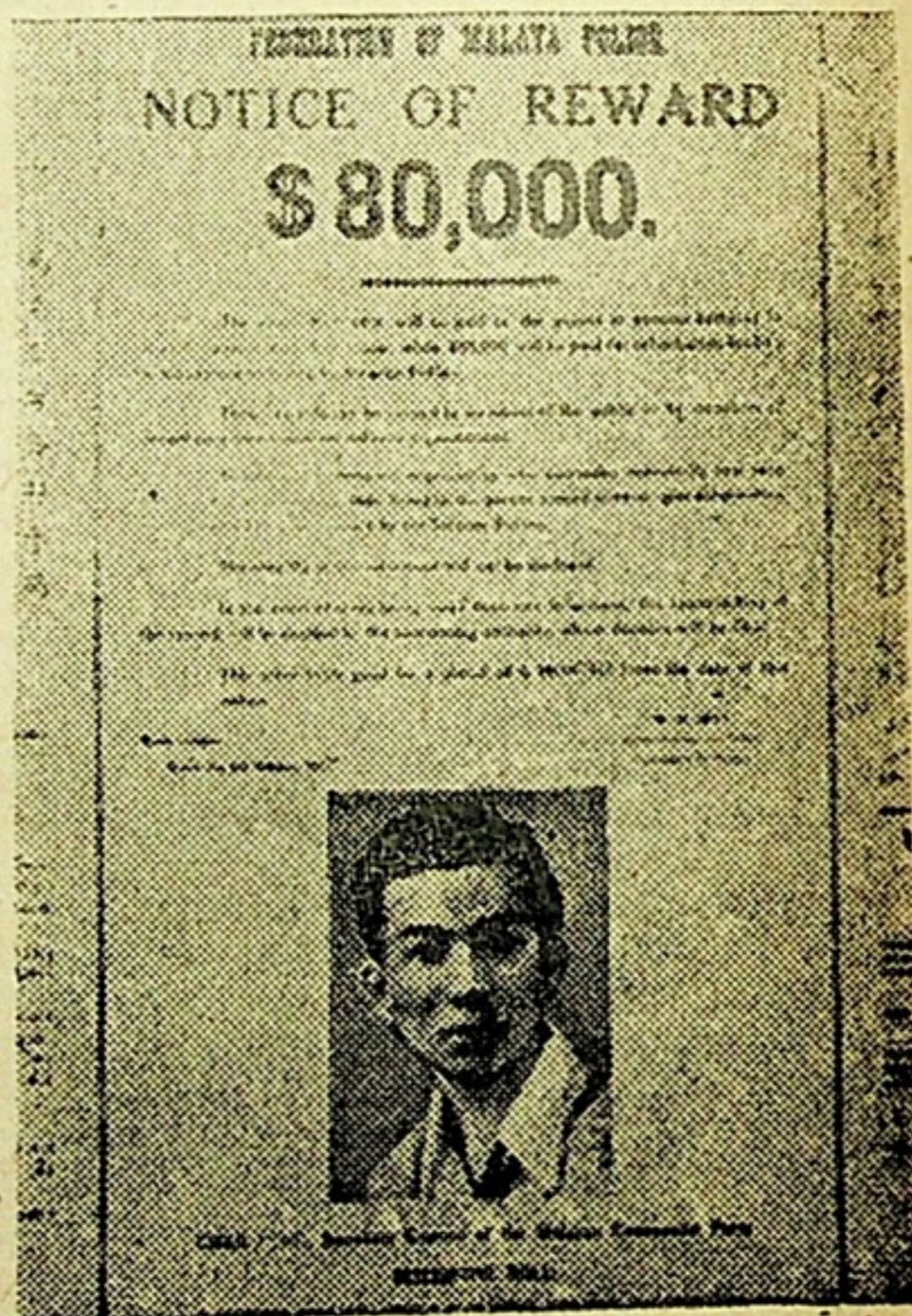
Об этой осени 1948 года Чен Ли не может вспоминать без волнения. Тогда он еще никак не мог понять: почему, всего через три года после войны с японцами, тех, которые мужественно сражались против них и которых за это наградил английский король, теперь — самым подлым и бесчеловечным способом — выволакивали из домов, били и убивали? Листовки со снимком отрубленной головы героического полководца Ло Ю были только началом. Вскоре на селения, заподозренные в симпатии к коммунистам, обрушились первые бомбы. Вот тогда-то и потерял Чен Ли обоих своих сыновей.

Да, листовки и бомбы были только началом! Дальше пошло еще хуже. Из Германии были привезены своры псов. Они напоминали огромных черных волков. Их натаскали выслеживать и бросаться на людей еще в гитлеровских концлагерях. Потом с Борнео на самолетах прибыли сотни диких даяков. Они умели охотиться за людьми, находить их следы даже в джунглях и неслышно убивать маленькими отравленными стрелами, выдувая их из бамбуковых трубок. Кроме того из Палестины прибыли «прославленные» там отряды английской полиции, набившей руку на усмирении арабских племен. Эти люди умели быть беспощадными до конца. Террор предполагалось развернуть широко и применять самые разнообразные формы и методы,

чтобы одним ударом сокрушить силы малайского народа.

И тогда партия показала, на что она способна. В течение нескольких месяцев она сумела заново организовать Армию Малайского Народа (АМН) — теперь уже антибританскую. Одновременно возникла и массовая подпольная организация «Мин Юен» — Народный Фронт. Сопротивление росло.

Борьба продолжалась уже четыре года. Сейчас наступил последний квартал 1951 года — того самого года, о котором Верховный Комиссар Малайского Союза, сэр Генри Гарней изволил сказать, что это будет год последнего, окончательного разгрома коммунистов. Из Австралии, из Пакистана и Цейлона каждый месяц прибывали новые войска. Золотом наполнялись карманы различных иуд-предателей: Верховный Комиссар приказал платить денежную «премию» за каждого убитого или преданного коммуниста. Но самую высокую «премию» высокочтимый, цивилизованный британец назначил за голову героического руководителя партии и Армии Народа товарища Чан Пенга. Буквально в каждом селении были расклеены приказы:

«ОТ 60 ДО 80000 МАЛАЙСКИХ ДОЛЛАРОВ ПОЛУЧИТ ТОТ, КТО ДОСТАВИТ ВЛАСТЯМ ЖИВОГО ИЛИ УБИТОГО ВОЖАКА КРАСНЫХ БАНДИТОВ ЧАН ПЕНГА. ЕМУ ОКОЛО ТРИДЦАТИ ЛЕТ, ОН ПРИЯТЕН В ОБХОЖДЕНИИ, ИМЕЕТ СПОКОЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ. БЛЕДНОЕ ЛИЦО С БАГ-

РОВЫМИ ПЯТНАМИ, СЛЕГКА ПРИХРАМЫВАЕТ НА ПРАВУЮ НОГУ, КОТОРАЯ ПОСЛЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЙ РАНЫ ПОЧТИ НЕ СГИБАЕТСЯ. БЕГЛО ГОВОРИТ ПО-МАЛАЙСКИ, ПО-КИТАЙСКИ И ПО-АНГЛИЙСКИ».

Чен Ли восхищался Чан Пенгом. Китайца поражала мощь партии, ее организованность, ее единство. И не только потому, что партия в состоянии сберечь Чан Пенга: его теперь охраняет весь народ. Дело и не в том, что партия смогла окрепнуть и сплотиться в самые трудные годы борьбы, что она оказалась способной создать и руководить Мин Юеном — такой огромной организацией. Удивляло Чен Ли и то, что в такой жестокой и критической обстановке, партия все же нашла время и силы на обучение и воспитание таких, как он сам, как Луала и Кисани... Ведь теперь по всей стране, наряду с партизанскими отрядами, существует еще и широчайшая сеть партийных агитаторов и пропагандистов — малайцев, китайцев, индийцев. Именно таких, как Чен Ли. Таких, как те, что учили его самого. В непроходимых джунглях имеются школы, которые содержатся за счет Армии Народа. Вчера Чен Ли твердо обещали (он сегодня расскажет об этом ребятам!) — если его ученики хорошо сдадут экзамен по сокращенной программе, то их направят в школу имени Ло Ю, которая находится в таинственном «месторасположении»...

Китаец не мог скрыть досады — время сегодня явно потеряно зря: движение на станции не прекращалось и урок срывался. К главному перрону подали состав. К нему то и дело подъезжали на грузовиках отряды британской полиции. Бешено лаяли черные гитлеровские псы, которых силой втаскивали в вагоны. Потом в окна купе появились дула пулеметов. Поезд тронулся.

В это время прибежал босс, еще более взбешенный, чем утром. Уже издали он пискливо завопил:

— За работу! За работу!.. Вот я вас, проклятые лодыри!.. Я вам покажу!..

Луала и Кисани влезли в вагон. Чен Ли спокойно подошел к боссу и равнодушно спросил:

— Что случилось, мистер Смит?

Босс тупо посмотрел на китайца. Чен Ли считался хорошим рабочим: его машина всегда была в исправности, а сам он постоянно был готов к любому рейсу и не боялся ездить даже в очень опасные отдаленные пункты. Помолчав для соблюдения престижа, Смит поднял свои кроличьи глазки, фыркнул, снял пробковый шлем и одним духом выпалил новость:

— Бандиты застрелили Верховного Комиссара, сэра Генри Гарнея... Генерал Темплер принял на себя всю власть! Год дэм!»¹.

¹ Английское проклятие.

За четыре месяца службы в «Роте Золотой Надежды» Кристофер Браун вполне ознакомился и освоился с военным ремеслом в Малайе. Родившийся в Аккре, то есть почти на той же параллели, что и Куала-Лумпур, он хорошо переносил малайский климат, четко выполнял приказы начальников, метко стрелял и не раз был отмечен в приказах. Можно, пожалуй, добавить еще, что он возмужал, хотя нижняя часть лица продолжала сохранять мягкое, почти детское выражение. Зато лоб и глаза выражали холодную и беспощадную сосредоточенность, какую мы привыкли видеть на портретах английских, американских и прусских генералов. Не подлежало сомнению, что Кристофер Браун, послушный армейской муштре, быстро становился точной копией этих портретов, отражением мыслей и чувств своих командиров. Так порой горный камешек, подхваченный тугой струей потока, неведомо когда шлифуется, приобретает блестящую поверхность и отражает все, что появляется над ним...

Совершенно иначе развивались два юных друга — любимцы агитатора Коммунистической партии Малайи товарища Чен Ли. Правда, они по-прежнему все дни напролет были заняты выгрузкой колючей проволоки: на плантациях «Золотой Надежды» потребность в устройстве проволочных заграждений и засек не только не уменьшалась, но наоборот, возрастала.

Однако не это было основным занятием юношей. Сообщение Чен Ли, сделанное в день смерти высокопоставленного сэра Генри Гарнея о том, что если Луала и Кисани хорошо сдадут экзамен, то их пошлют в школу имени Ло Ю, вызвало в обоих такую радость, что они уже не могли думать ни о чем ином. Теперь они учились днем и ночью, в часы отдыха и во время работы. Они выдумали условный язык, непонятный для окружающих — так легче было повторять исторические даты и важнейшие мировые события. В такт работы, то поднимая, то сбрасывая в грузовик тяжелые мотки, Луала вопросительно окликал друга: «Ре Ок?», а Кисани певуче отвечал: «десем!» Это означало — «Октябрьская Революция» и «Девятьсот семнадцатый!». Для проходивших мимо вагона стражников, для мистера Смита и даже для Чен Ли — пока ребята не посвятили его в свою маленькую тайну — певучие окрики двух рабочих не означали ровно ничего. Старый китаец от души смеялся над изобретательностью юношей и чувствовал, что на сердце у него стало теплее. Ребята пришли к нему по душе.

Впрочем, не ему одному нравились

они. Многие девушки слишком пристальными взорами провожали хорошо сложенных и красивых юношей—худощавого, стройного Луала и широкоплечего Кисани, в глазах которого искрилась бурная радость жизни. Благодаря урокам Чен Ли юноши увидели мир—огромный мир, который уже теперь раскрывался перед ними, а после победы они будут жить в нем не так, как теперь. Их надежда была не из золота, но из мысли человеческой, из пота и крови многих поколений—прекрасная, человеческая, настоящая малайская надежда.

Время ее колонизаторских «Золотых Надежд» бесповоротно уходило в небытие, несмотря на то, что генеральные директора главных монополий, эксплуатирующих малайский каучук и олово, решили всеми доступными им средствами и способами задержать неутомимый ход истории. Обитатели лондонского Сити были недовольны своим малайским балансом 1951 года. Производство каучука сократилось еще на 12 процентов, олова—на 7 процентов, а ряд плантаций и два рудника пришлось закрыть. Сокращались дивиденды, о которых гласный рупор британских капиталистов, газета «Файнэншл Таймс», писала раньше только с прибавлением слова «феноменальные». Донесения из Малайского Союза пророчили дальнейшие трудности «...в связи с применением коммунистами все новых и новых методов борьбы, почти не поддающихся никаким мерам подавления».

Обитатели Сити, если их интересам угрожает опасность, имеют почти королевскую привилегию. Они могут требовать от правительства даже вооруженной интервенции. Но в данном случае правительство Его Величества выполнило волю заправил Сити еще в 1948 году. Теперь можно было добиваться лишь увеличения численности интервенционистских сил и усиления репрессий против населения Малайи. «Нельзя проявлять никакого милосердия к людям, которые хотят разрушить основы порядка в обществе»—такую точку зрения, от имени всех заинтересованных лиц, высказал на заседании правительства Его Величества В. С. Моррисон, генеральный директор «Лондон Тин Корпорейшн», а «заодно» и министр экономики Великобритании.

Решение английского кабинета было принято без помех. Ведь это требование выдвинули обитатели Сити и Уолл-стрита, а также политики и военные в Вашингтоне! Последние сделали свое заключение сразу же, как только ознакомились с докладом начальника военной миссии США в Малайе, полковника Джона Ф. Мэлби.

Такую же точку зрения поддержали

и наиболее нервные парижские монополисты. Эта общность мнений была понята: ни в Малайе, ни в Корее, ни во Вьетнаме 1951 год не принес ожидаемого поражения и уничтожения коммунистов. Время «Золотых Надежд» уходило в безвозвратное прошлое. Пришла пора бить тревогу...

Категорические требования обитателей банковских и аристократических кварталов Лондона, Нью-Йорка и Парижа были поочередно—через правительства каждой из трех стран—переданы трем высшим военным чинам трех армий. 11 января 1952 года в Вашингтоне дружески встретились трое—генерал Омар Брэдли (США), маршал Альфонс Жуэн (Франция) и фельдмаршал Вильям Слим (Англия). Они собрались сюда с целью обсудить и разработать принципы общей стратегии на Дальнем Востоке. Через четыре дня правительство Ее Величества назначило новым Верховным Комиссаром в Малайском Союзе генерала Джеральда Темплера.

Прежняя двойственность британской власти в Малайе была ликвидирована. Отныне военный начальник становился и высшей гражданской властью. Любопытные, как всегда, репортеры, прибывшие на пресс-конференцию, устроенную министром колоний Великобритании сэром Оливером Литтлтоном (которого они знали также как энергичного руководителя концерна «Ассошиэтед Электрикал Индастрис»), услышали в этот день официальные комментарии правительства Ее Величества по поводу головокружительной карьеры сэра Джеральда Темплера:

«Правительство Ее Королевского Величества убеждено, что создавшаяся в Малайе обстановка может быть ликвидирована лишь с помощью местного населения. Однако помощь эту можно получить только при успешном проведении военных операций. Это и являлось той причиной, по которой правительство ЕКВ решило—подобно тому, как это сделала Франция во Вьетнаме—назначить генерала на пост Верховного Комиссара».

Сэр Джеральд Темплер никогда не был орлом. Среди кадровых офицеров британской армии, которые провели в колониях десятки лет, он никогда не выделялся оригинальностью мышления или хотя бы внешностью. Коротко подстриженные усики над линией тонких губ, несколько приподнятая челюсть, холодные и ничего не выражающие серые глаза, ровно посаженные по обеим сторонам безукоризненно прямого носа—вот и все характерные черты генеральской физиономии, очень похожей на обычные лица джентльменов с обложек английских журналов.

Своей карьерой генерал Темплер был

обязан не столько стандартной джентльменской физиономии, сколько педантичному выполнению приказов своих начальников. Он несомненно принадлежал к тому избранному кругу британских офицеров, которые в свое время укрепили завоевания британской империи и... заслужили священную ненависть колониальных народов к английским захватчикам. В царствование королевы Виктории¹ и славы Редьярда Киплинга, его, Темплера, непременно чествовали бы как национального героя. Во времена же королевы Елизаветы генерал Темплер был лишь одним из последних спасательных кругов обитателей лондонского Сити.

4

Луала Ру выбежал из города на расвете. Он замедлил бег только тогда, когда оказался далеко за последними домами предместий и издали обошел постройки первых каучуковых плантаций, обнесенных колючей проволокой. Потом Луала свернул на полевую дорогу. Вдали, обволакиваемые остатками ночных туманов, чернели джунгли. Луала присел на мокрый от росы камень и жадно хватал воздух широко открытым ртом. Холодный ночной туман опадал все ниже к траве. Первые солнечные лучи осветили колючую проволоку и позолотили буквы на черной вывеске, прибитой у входа на плантацию: «КАУЧУКОВАЯ КОМПАНИЯ «ЗОЛОТАЯ НАДЕЖДА».

— «Золотая Надежда»...

Луала сам испугался своего голоса. Только теперь он полностью отдал себе отчет в том, почему так быстро бежал, где находится и куда спешит...

...Все произошло совершенно неожиданно. Еще вчера он, Кисани и Чен Ли составляли планы на будущее. Через два дня старый китаец привезет экзаменатора из Танионг Малим. Если ребята сдадут экзамен, а сдать его они должны непременно, то отправятся вместе с экзаменатором в школу.

К вечеру китаец уехал в Танионг Малим. Вскоре после его отъезда разразился ливень. Юноши укрылись в бараке «Золотой Надежды» и до поздней ночи повторяли уроки, заданные старым наставником. Им помогали еще трое молодых рабочих, также занимавшихся в группе Чен Ли. Заснули поздно. Лежали, плотно прижавшись друг к другу, среди десятков других, таких

же усталых чернорабочих лондонской монополии «Голден Хоп».

Луала проснулся от прикосновения чьей-то руки. Открыл глаза. Возле самого лица увидел печальные, добрые глаза старого малайца, которого когда-то видел в своем селении. Почти одновременно до слуха Луала долетели фразы, произносимые почти беззвучно, но доходившие до сердца, как грохот горного обвала:

— Рыжие английские дьяволы убили твоего отца... увели сестер... Брат скрылся в джунглях... Твоя мать осталась одна... Она просит тебя немедленно вернуться...

Луала прикрыл веки. Ему показалось, что все это сон. Ласковое прикосновение старческой руки исчезло. Осталась только свинцовая тяжесть на сердце. Юноша с трудом открыл глаза: как бы танцуя, старый малаец уже перепрыгивал через спящих и вскоре исчез из виду... Значит, это не сон!.. Луала вскочил, двумя прыжками достиг двери и пустился бежать...

Тяжело дыша, он присел на камень и снова посмотрел на освещенные утренним солнцем проволочные ограждения. Пошевелил губами. Произнес глухим шепотом:

— Бедный отец!.. Напрасно ты гнул свою спину перед ними... Рыжие дьяволы! Дождетесь вы расплаты!

Звук собственного голоса заставил юношу вздрогнуть. Он тревожно оглянулся по сторонам. Нет, никого не видно. Только издали донесся грохот идущих по шоссе танков и рокот автомобильных моторов. Луала снова пустился бежать по тропинке, которая сокращала путь к родному селению, скрытому за дальним краем леса.

За полями уже показалось селение и его овальная площадь, словно кочками, покрытая маленькими хижинками. Одну из них Луала узнал сразу: то был родной дом.

Юноша перешел на шаг. Цель теперь близка. Тропинка шла по меже, отделяющей поля правителя от крестьянских земель. Луала тяжело дышал. Беспokoйно билось сердце. На минуту он остановился...

В то же мгновение Луала вдруг почувствовал в груди острую боль, словно его кто-то резко толкнул, в ушах зазвенело, и Луала Ру упал на родную малайскую землю.

Когда немного погодя он на мгновение пришел в себя, то услышал рядом лающие голоса солдат из «Роты Золотой Надежды». С огромным трудом Луала открыл глаза. Над ним наклонился парень в солдатской блузе — такой же темноволосый, такой же, видно, девятнадцатилетний, как и Луала. Только у

¹ Царствовала в Англии в 1837—1901 гг., то есть в период колониальных войн, захватов и преобладания Англии на всех морях (Я. Н.).

солдата было белое лицо и загорелые руки, одна из которых сильно, очень сильно уперлась в лоб Луала, а вторая спокойно занесла над ним острый клинок...

* * *

Кисани проснулся в ту минуту, когда Луала выскочил из барака. Словно подстегнутый злым предчувствием, Кисани выбежал на улицу. Но успел только заметить, как Луала исчез за углом. Индеец помчался вслед за товарищем, но тут дорогу пересекли грузовики с солдатами и несколько танков. Прохождение войск длилось больше получаса. Когда, наконец, Кисани оказался на противоположном углу, то увидел только старого малайца, медленно идущего в сторону заставы. Юноша подбежал к нему и спросил.

— Простите, отец, не заметили ли вы парня, малайца?.. Он должен был совсем недавно пробежать здесь.

Старик настороженно посмотрел на Кисани.

— А ты кто такой?

— Я его друг...

Это было сказано так взволнованно и искренне, что старик поверил. Он рассказал Кисани, что принес своему юному односельчанину плохие, очень плохие вести из дома.

Кисани решил пойти домой к Луала. Все-таки вдвоем они лучше решат, как помочь одинокой и, конечно, перепуганной матери Луала. Может быть, она со-

гласится поселиться у Кисани? Его мать тоже вдова, тоже многое пережила. Может быть, горе сблизит их?

При выходе из города Кисани заметил расставленные по всему шоссе патрули. Из крайнего домика вдруг выскочила тонконогая девушка-малайка. Подбежав к Кисани, она схватила его за руки и быстро прошептала:

— Мама велела тебе не ходить дальше! Возвращайся!.. Или нет — идем к нам!..

Кисани невольно повиновался этой незнакомой девушке и молча пошел за нею. То, что он увидел на шоссе, сообщение старика и это предупреждение девушки ошеломили его. Страх за судьбу друга рос в нем с каждой минутой. Как лунатик вошел он в чужой дом, машинально сел у окна и молча стал смотреть на шоссе, оцепленное полицейскими и солдатами. То и дело по дороге проносились грузовики с английскими стрелками, вооруженными автоматами и легкими пулеметами.

Мать девушки попробовала заговорить с юношей. Он ничего не слышал и не понимал...

Время летело. Высоко поднялось солнце. Начали возвращаться первые грузовики с солдатами. Одна машина на секунду остановилась возле самого дома, потом мотор взвыл, и машина снова рванулась вперед... Кисани дико вскрикнул. Заслонив лицо судорожно сжатыми кулаками, юноша ринулся к двери. Она оказалась запертой. Пожилая женщина схватила Кисани за плечо и сурово сказала:

— Не выпущу тебя, пока не опомнишься! Возьми себя в руки. Ты ничем теперь не поможешь ему... Помочь может только тот, кто умеет мыслить!

Кисани невольно вздрогнул. Незнакомая женщина повторила буквально то, что постоянно твердил Чен Ли. Юноша опустил сжатые кулаки на грудь и поднял голову. Впервые он так явственно ощутил ту силу, которая была в нем и вокруг него, в каждом уголке его родины. И вдруг, весь выпрямившись, как развернувшаяся стальная пружина, он уже спокойнее, твердым голосом сказал:

— Ты победишь, Луала!

* * *

Кристофер Браун соскочил с грузовика на песок казарменного двора и, по обычаю, установившемуся недавно в «Роте Золотой Надежды», направился к фотографу. Здесь он встал в любимую позу: левой рукой оперся на винтовку, а правой крепко ухватил за волосы отрубленную голову Луала Ру и, не моргая, уставился прямо в объектив фотоаппарата. Вывалившийся из-под блузы

крестик матери свидетельствовал, что Кристофэр Браун имеет чистую совесть. Таковую же, как и каждый его родственник по мужской линии Браунов, которые всегда верно выполняли королевские приказы, идущие из Лондона.

Фотограф-любитель дал знак, что снимок сделан. Гордо улыбнувшись, Кристофэр твердым солдатским шагом киплингского «пионера цивилизации» направился к металлическому бараку с большой белой вывеской: «Штаб командования 40-й Королевской группы войск тяжелого вооружения».

Там он предъявил свой трофей сержанту-кассиру. Тот молча показал рукой на огромную плетеную корзину, доверху наполненную человеческими головами. Потом лениво подвинул солдату кассовую квитанцию. Кристофэр швырнул в корзину голову Луала Ру, прислонил к стене винтовку, подписал квитанцию и тщательно пересчитал полученные деньги.

— О'кэй! Двести малайских долларов... Неплохо!

Такова была премия за каждого убитого «бандита», выплачиваемая любому солдату или гражданскому лицу в Малайском Союзе, в лето от рождения Христа 1952-е, из кассы «христианнейшего» правительства Ее Королевского Величества Елизаветы II, но лишь в том случае, если будет представлено вещественное доказательство: голова.

Выходя из кассы, Кристофэр Браун еще раз бросил взгляд на знакомый плакат и огорченно вздохнул:

— Мда-а-а... Восемьдесят тысяч за голову какого-то Чан Пенга!.. Ну, для этого надо иметь просто-таки дьявольское счастье...

ЭПИЛОГ

Смерть Луала Ру, девятнадцатилетнего юноши, национальности доподлинно человеческой (на языке его народа слово «малайю» означает «люди»), имела последствия, которых не в состоянии был предвидеть его убийца, слепой, как крот, Кристофэр Браун, девятнадцатилетний солдафон и защитник золотых надежд обитателей лондонского Сити и нью-йоркского Уолл-стрита.

Фотография Кристофэра Брауна с отрубленной головой Луала Ру в окровавленных руках британского «завоевателя» вместе с другими подобными снимками попала весной 1952 года на страницы английской и американской печати, а затем в журналы и газеты всего мира, вызвав повсеместно гневный протест миллионов честных людей.

Руководитель Коммунистической партии Великобритании товарищ Гарри

Поллит заявил тогда, что разбойничья война в Малайе уже в течение долгих лет покрывает величайшим позором имя Англии, а этот снимок документирует позор Англии перед всем миром. К несказанному изумлению заправил Сити, точку зрения Гарри Поллита разделили широкие слои английского общества. Об этом свидетельствовали десятки тысяч коллективных и индивидуальных писем, потоком хлынувших в редакции газет и в адрес депутатов парламента. Дело дошло до Нового Вестминстерского Дворца, где в зале Палаты Общин прозвучал вопрос: «Считает ли правительство Ее Величества снимок, опубликованный в печати, аутентичным и какова позиция правительства в этом вопросе?»

И вот тогда представитель правительства Ее Величества ответил согласно букве и духу законов гибнущего мира:

— Аутентичность снимка — несомненна. Однако, смею заверить уважаемых депутатов, что правительство Ее Величества уже предприняло определенные шаги в этом направлении с тем, чтобы подобные публикации в печати не повторялись. Генерал сэр Джеральд Темплер, которого — смею это подчеркнуть — правительство Ее Величества облакает полным доверием, получил указание издать приказ по вверенным ему войскам о категорическом запрещении фотографировать подобного рода сцены...

Мы живем на переломе двух эпох. Ход истории с жесткой ясностью открывает перед нами картины гибнущего мира, который хотел бы заставить нас навсегда забыть подлость и гнусность того, что бесповоротно и неумолимо уходит в прошлое. Одновременно новый мир новой эпохи встает из взаимно крепнущих могучих усилий, самоотверженности и героизма людей всех народов и рас.

Смертью Луала Ру гибнущий мир не прибавил себе силы.

В антиимпериалистической армии Малайского Народа под руководством национального героя товарища Чан Пенга сражается сегодня младший брат Луала Ру.

В школе имени Ло Ю, в неведомом «месторасположении», в глубине джунглей, прилежно учится друг Луала — индеец Кисани.

По измученной и оскверненной колонизаторами малайской земле по-прежнему ходят агитаторы и пропагандисты Коммунистической партии Малайи — такие же достойные и мужественные, как и первый учитель Луала и Кисани, товарищ Чен Ли.

Будущее принадлежит им!

Авторизованный перевод с польского
Я. Немчинского.

Бесо Жгенти

Эпопея о национальном герое Грузии

Многотомный исторический роман-эпопея Анны Антоновской «Великий Моурави», ныне впервые выходящий в свет в завершённом виде, относится к числу наиболее популярных произведений многонациональной советской художественной прозы. Являясь плодом почти сорокалетнего интенсивного и вдохновенного творческого труда, это произведение большого познавательного и эстетического значения воплощает в себе характерные специфические черты, основные идейно-художественные принципы советского исторического романа, занимающего видное место в литературе социалистического реализма.

Советский исторический роман, являющийся поистине новой яркой страницей во всей мировой исторической художественной прозе, выполняет особенно важную роль в художественном освоении сурового, но героического прошлого нашей Родины.

Среди лучших произведений многонациональной советской литературы, сыгравших исключительную роль в формировании идейно-эстетических традиций советской исторической романистики, видное место занимает шеститомный роман Анны Антоновской «Великий Моурави».

Это — широкое художественное полотно, отображающее героическую, самоотверженную борьбу грузинского народа за свою жизнь и свободу, за национальную независимость. Первейшее достоинство этого произведения заключается в его подлинной народности в самом широком и лучшем смысле этого понятия. Народ, безмерно угнетаемый жестоким феодальным рабством и нена-

вистными иноземными завоевателями, народ, мужественно и самоотверженно борющийся против своих многочисленных и могущественных поработителей, является главным героем романа «Великий Моурави». В романе не только непосредственно выступает собственно народ — крестьянство, азнауры, ремесленники, персонифицированные в богатой галерее многочисленных, ярко очерченных образов, но и центральный образ эпопеи — сам Георгий Саакадзе, своим величественным обликом, своими делами и помыслами являющий живое воплощение лучших, возвышенных черт характера народа. Все же остальные социальные силы — цари, шахи и султаны, вельможи и владетельные князья, многочисленные представители светской и духовной аристократии, купечество и т. д. — освещены в романе в аспекте их отношений к народу, к его жизненным запросам и устремлениям. Борьба народа против всяких форм тирании, насилия и угнетения лежит, таким образом, в основе проблематики романа-эпопеи «Великий Моурави».

Автор изображает героиню этой борьбы и вдохновенно воспекает ее. И в этом, прежде всего, заключается большая актуальность произведений А. Антоновской для нашей современности — великой эпохи победоносной борьбы свободолюбивых народов против капиталистического рабства, расовой и национальной дискриминации, колониального гнета.

А. Антоновская обратилась к истории грузинского народа, отличающейся своей исключительной сложностью и драматичностью.

Эпоха, воспроизведенная в «Великом Моурави», — один из самых мрачных и суровых периодов в истории Грузии. Раздираемая внутренними социальными противоречиями — феодальными распрями и междоусобицами, Грузия на рубеже XVI и XVII столетий подвергалась опустошительным нашествиям иранских шахов и турецких султанов.

Историческая вражда и ненависть захватчиков к грузинскому народу, их злобные агрессивные намерения усиливались тем обстоятельством, что стремительно расширявшееся к этому времени Российское государство последовательно приближалось к Кавказу. Россия была бы неприятным соседом для Ирана и Турции. К тому же умнейшие правители Грузии и ее лучшие люди окончательно стали на единственно правильный, подготовленный и продиктованный всем предыдущим ходом истории путь — на путь дружбы и союза с Россией — могучим единственным северным соседом.

В этот исключительно сложный и трагический период грузинский народ особенно ярко и наглядно проявил лучшие черты своего национального характера, всю силу и красоту своего духовного облика, выдвинул из своей среды могучего полководца, умного и прозорливого государственного деятеля — Георгия Саакадзе. Будучи горячим защитником жизненных интересов и устремлений народа, Георгий Саакадзе всю свою яркую и светлую жизнь посвятил народному делу, стремясь изгнать из грузинских земель иноземных завоевателей, объединить страну в единое, централизованное могущественное государство, провести социальные реформы, направленные к ограничению прав владетельных князей и облегчению жизни трудового народа.

Конкретные исторические условия века лишали его возможности осуществить свои благородные, глубоко прогрессивные для того времени идеи. В результате непреодолимых противоречий между реальными историческими условиями и собственными дерзновенными замыслами и погиб этот прославленный герой Грузии. Тем не менее, возглавляемая им освободительная борьба дала изумительные образцы народного героизма, оставившие неизгладимый след в памяти грузинского народа.

Воспроизводя с подлинной исторической правдивостью эту волнующую эпопею народного подвига, автор «Великого Моурави» дает в своем произведении картины, пронизанные священной идеей патриотизма, духом мужества и отваги, чувствами дружбы и любви, создает богатейшую галерею художественных образов.

Вот почему, построенный на материале определенного периода грузинской истории, этот роман по своему значению выходит далеко за пределы географических и хронологических рамок изображенных в нем событий.

Освещенная с высоты нашей современности история воссоздается в этом произведении во всей своей суровой правдивости. Следует особо признать, что, при далеко недостаточной разработанности в грузинской историографии важнейших проблем данного исторического периода, автором «Великого Моурави» проделана и большая, чисто научная, исследовательская работа для правильного раскрытия и освещения смысла процессов, составляющих крайне осложненную общественную жизнь изображаемой эпохи.

Глубокое знание истории, народного быта, духовной и материальной культуры эпохи в романе оплодотворено смелой художественной фантазией, мастерством обрисовки живых, ярких человеческих характеров, колоритных, впечатляющих картин природы и быта. Эта широкая, многоплановая эпопея движется и разворачивается по стройному композиционному руслу. Сюжет романа характеризуется внутренним драматизмом, порождающим силу эмоционального воздействия. Реалистическая правдивость изображения событий в романе органически сочетается с романтической взволнованностью и приподнятостью, что вполне соответствует духу героики и патриотизма, пронизывающему произведение А. Антоновской. С такой же органичностью эпический план повествования в романе сочетается с мягким, задушевым лиризмом, позволяющим читателю постигать мир сложных переживаний и чувств его героев.

Очень интересен отзыв о романе А. Антоновской, принадлежащий одному из крупнейших грузинских писателей нашего века — Михаилу Джавахишвили, превосходно знавшему историю своей родины. В адресованном писательнице письме он следующим образом выражал свое впечатление, полученное от ознакомления с рукописью первой книги этой эпопеи: «Я прочел Ваш роман «Великий Моурави» с большим интересом и даже увлечением. Книга написана писателем иного для меня народа, к тому же жанр исторический, а тема очень тяжелая, сложная, грандиозная. Согласитесь, что все это давало мне право отнестись к Вашему труду скептически и даже, не скрою от Вас, с недоверием. Но «Моурави» рассеял мои сомнения, заставив прочитать себя без перерыва и с большим напряжением. Поздравляю Вас от всей души. Вы преодолели чрезвычайно тяжелую вершину, Вы соверши-

ли подвиг. Я сам недавно закончил исторический роман «Арсен из Марабды», несомненно более легкий по материалу (первая треть XIX века), истратив на него семь лет моей жизни, и мне известно лучше, чем другим, как трудно написать роман из грузинской истории, тем более не грузину и трижды «тем более» из жизни Георгия Саакадзе. Подчеркнуто повторяю: несомненно, Вы совершили подвиг. Охватить фабулу, найти увязку и уловить стиль эпохи — вот наиболее трудные задачи, с которыми Вы в общем, безусловно, справились.

В этом коротком отрезке времени (около 25 лет) судьба нагромодила над Грузией такие глыбы трагических событий, в которых очень нелегко разобраться, а еще труднее просеять их сквозь сито художника и уместить чрезмерно богатые факты в определенные границы. И с этой задачей Вы справились без большой натяжки... Сюжет развивается искусно и с большим размахом. Композиция не громоздкая, плавная.

Я прочел всю, или почти всю, беллетристическую литературу из жизни Грузии, написанную иностранцами, и беру на себя смелость заявить, что, принимая во внимание трудность темы, роман Антоновской можно считать лучшим произведением этой серии. Еще раз поздравляю Вас с победой и желаю Вам еще лучше одолеть вторую часть романа. Гаумарджос».

Мы привели пространные выдержки из письма маститого грузинского писателя. Предназначенное автором для печати, оно содержит не только заслуженно высокую оценку творческого подвига А. Антоновской, но и весьма ценные мысли относительно важнейших творческих проблем исторической романистики. Все это тем более важно, что многие наши литературоведы, пишущие по вопросам советского исторического романа, к сожалению, все еще недостаточно глубоко изучают большой творческий опыт, накопленный в этой области литературами братских народов СССР.

Роман-эпопея Анны Антоновской занимает одно из видных мест в летописи извечной дружбы русского и грузинского народов. Книга эта пронизана беспредельной любовью и уважением к грузинскому народу, изображению исторического прошлого которого писательница посвятила всю, или почти всю, свою творческую жизнь.

А. Антоновская обратилась к этой теме отнюдь не случайно.

Она родилась в Тбилиси и, хотя ее семье приходилось временами проживать в разных краях Кавказа, большую часть своего детства и юности будущая

писательница провела в Грузии, в тесном общении с грузинским народом.

В огне и буре революционных событий 1905—1907 гг., свидетельницей которых была писательница, грузинский народ с особой наглядностью проявил свою духовную силу и красоту, слагавшиеся веками черты своего национального характера — неукротимое свободолюбие, боевой дух, мужество и отвагу, высокие моральные устои. В таком свете восприняла писательница духовный облик грузинского народа и, естественно, прониклась любовью и уважением к нему. В одной из своих статей А. Антоновская следующим образом характеризует духовные качества грузинского народа: «В силу исторических судеб своей страны с глубокой древности грузин не выпускал из своих рук меч, защищая солнцеликую Грузию. И этот, раскаленный в пламенных битвах меч отточил перо поэта, натянул струны чонгури и наложил краски на палитру художника...»

Боевые столетия выковали грузинский национальный характер. Три чувства формировали его — Доблесть, Любовь, Дружба, так возвышенно воспетые Шота Руставели «хрустальным пером и в невольном восторге». Казалось, вечная необходимость держать меч обнаженным должна была ожесточить нравы, но сердце и разум грузинского народа, вместе с суровостью и непримиримостью к врагу, питали неиссякаемую любовь к другу».¹

Такое понимание исторических судеб и национального характера грузинского народа писательница воплотила в монументальном историческом романе, отображающем жизнь и борьбу выдающегося грузинского полководца и государственного деятеля Георгия Саакадзе.

Во время одного из своих путешествий по Грузии, в 1908 году, осматривая знаменитый Сафарский монастырь, А. Антоновская впервые услышала имя этого легендарного героя грузинской истории. Убеленный сединами местный крестьянин увлекательно рассказал молодой посетительнице старинного монастыря о богатырских подвигах Великого Моурави, самоотверженно защищавшего жизнь и свободу Грузии, погибшего в неравной борьбе с иноземными и внутренними врагами родины и оставившего своими доблестными делами неизгладимый след в памяти народа.

Рассказ старика произвел огромное впечатление на А. Антоновскую. С тех пор она стала собирать в разных краях

¹ А. Антоновская. «Могучее братство». «Литература и искусство», 1944, 13 мая.

Грузии предания и народные сказания о Георгии Саакадзе, досконально изучать многочисленные исторические документы, архивные материалы, старинные рукописи, летописи, труды грузинских, армянских, иранских, турецких и иных историков, описания французских и итальянских путешественников, миссионеров, купцов, дипломатов — все, что только относилось к Георгию Саакадзе, к эпохе его жизни и деятельности.

Глазами вдохновенного художника и пытливого исследователя взглянула писательница на один из самых сложных и трагических периодов многовековой истории грузинского народа. В ее распоряжении находился обильный, но чрезвычайно разноречивый материал. Едва ли о каком-либо другом герое грузинской истории написано так много, как о Георгии Саакадзе. Но вместе с тем ни об одном из деятелей прошлого, пожалуй, не высказано столько противоречивых, друг друга исключая суждений, как о нем.

Историки дают совершенно противоположные сведения даже в отношении его происхождения и социального положения. Одни утверждают, что Георгий Саакадзе происходил из среды малоземельного дворянства (азнауры) и даже крестьянства, другие же причисляют его к сословию богатой княжеской знати. И лишь путем кропотливого сопоставления этих разноречивых сведений, их тщательного критического анализа удастся установить, что по происхождению Саакадзе в самом деле принадлежал к дворянскому (азнаурскому) сословию, но еще с XV века его предки благодаря личной доблести и заслугам заняли высокое положение в Картлийском царстве.

Еще более разительным является разногласие среди части историков в самой оценке исторической роли Георгия Саакадзе, его характера и морального облика, в трактовке мотивов и побуждений, которыми руководствовался он в своей деятельности. Если одни считают Георгия Саакадзе великим патриотом родины и самым прогрессивным человеком своего времени, который боролся за объединение Грузии и освобождение ее от иноземных поработителей, пожертвовал этой борьбе своим личным и семейным благополучием, жизнью двух любимых сыновей и своей собственной жизнью, то другие стараются дискредитировать его, объяснить деяния Георгия Саакадзе мотивами личной заинтересованности, властолюбия, тщеславия.

Эти противоречивые оценки личности Георгия Саакадзе не случайны и не удивительны. Ведь вся жизнь этого героя протекала в обстановке непримиримой борьбы против коварных феодалов,

подрывавших во имя своих узкопартикулярных, имущественных интересов могущество грузинского царства. Великий Моурави не раз выступал и против царей, когда они, вопреки интересам родины, поддерживали антинародные, антигосударственные и реакционные устремления владетельных князей.

В своей справедливой борьбе против владетельных грузинских феодалов Георгий Саакадзе не раз пытался использовать иноземные силы. И именно в этих его попытках — завоевать счастье и свободу Грузии с помощью враждебных для Грузии сил — заключалась его тягчайшая ошибка и заблуждение, обусловившие его трагическое поражение и гибель.

Критическое изучение исторических документов и сопоставление первоисточников не оставляют никакого сомнения в том, что высказываемые некоторыми грузинскими и иностранными историками отрицательные взгляды о Георгии Саакадзе порождены злобной клеветой, которую распространяли в свое время влиятельные лица из среды высшей феодальной аристократии и духовенства, враги и противники выдающегося национального героя Грузии. Народ же, благодарные потомки представили в своей памяти Георгию Саакадзе почетное место, поставили его в один ряд с величайшими героями своей национальной истории.

Положительно расценивали его деятельность и историческую роль великие знаменосцы национально-освободительного движения грузинского народа, крупнейшие классики грузинской литературы Акакий Церетели и Важа Пшавела.

Концепция, выраженная в выступлениях А. Церетели и Важа Пшавела, заняла господствующее положение в грузинской литературе и исторической науке советской эпохи.

* * *

«Великий Моурави» Анны Антоновской — крупнейшее художественное произведение, воссоздающее трагический образ Георгия Саакадзе и суровую эпоху его жизни и деятельности.

С первых же страниц романа-эпопеи перед взором читателя возникает образ главного героя — восемнадцатилетнего юноши исключительной физической и духовной силы, который своим социальным положением, воспитанием и общественными устремлениями подготовлен к тому, чтобы вступить в мужественную борьбу с иноземными поработителями родины и феодальной реакцией, обескровливающими и разоря-

ющими страну. Ожесточенная схватка юного Саакадзе с заносчивыми и надменными князьями Магаладзе, разыгравшаяся на ностэвском базаре, с обобщающей силой показывает, что на арене политической жизни Грузии выступала новая социальная сила — мелкопоместное дворянство, собиравшее вокруг себя все демократические прослойки народа — крестьянство, ремесленников, мелкое купечество; оно подняло их на борьбу за прогрессивные социальные реформы, за объединение страны и освобождение Грузии от иранских и турецких завоевателей.

Главарем и вдохновителем этой силы явился Георгий Саакадзе. Полные мужества и юношеского задора Саакадзе и его друзья-сверстники, составившие впоследствии «Дружину барсов», жаждут борьбы с врагами родины. Вскоре они оказываются в гуще этой борьбы. Раздробленная на три царства и несколько княжеств, Грузия на рубеже XVI—XVII столетий была поделена между соседними мусульманскими государствами. Восточная Грузия находилась под иггом Ирана, а в Западной Грузии господствовала Турция. Оба эти государства искали случая овладеть всей страной.

В такой обстановке обескровленные грузинские царства непрерывно подвергались кровопролитным нашествиям. Одно из таких нашествий турецких полчищ отображает А. Антоновская в самой начальной части своей эпопеи. Находясь в составе войск картлийского царя Георгия X, юный Саакадзе в бою у Триалетских вершин впервые проявил свое незаурядное полководческое искусство, могущество своей богатырской десницы, остроту и силу ума.

Царь Георгий X был доволен появлением победоносного полководца из среды мелкопоместного дворянства, противостоящего владетельным князьям. Он приблизил Саакадзе к своему двору и пожаловал ему во владение крупное селение — крепость Ностэ, — расположенное в сердцевине Картли, у подножия живописных Дидгорских вершин.

Вернувшись в родное село в качестве его владетеля, Саакадзе сурово наказал местных сборщиков и других административных лиц, безжалостно угнетавших трудовое крестьянство, он облегчил положение крепостных крестьян, многих из них освободил вовсе. Это были первые шаги Георгия Саакадзе по пути его непрерывной борьбы за проведение социальных реформ, благодаря которой он снискал любовь и признательность народа, а вместе с ней лютую ненависть со стороны феодальной верхушки.

Так, уже в этих начальных главах эпопеи образ Саакадзе символизирует не только высокое полководческое искусство и патриотическую самоотверженность, но и прогрессивные социальные тенденции эпохи. Богатырская физическая мощь сочетается в Саакадзе с могучим умом, пылким сердцем, глубоким благородством. И в дальнейшем, на протяжении всего развития сюжета романа, эти характерные черты героя последовательно углубляются и обогащаются, проявляются со все возрастающей художественной достоверностью.

История жизни героя в романе повествуется в неразрывной связи с важнейшими событиями жизни народа, с социальным содержанием отображаемой эпохи.

Уже в первой книге (две первые части) «Великого Моурави» отчетливо выражены не только историческая концепция писательницы, но и своеобразие композиции и сюжетного построения, а также стиля, речевой ткани, придающей повествованию специфический интонационный колорит.

Здесь, в этой первой книге романа, уже в полной мере проявляется мастерство писательницы в воспроизведении красочных пейзажей, колоритных бытовых картин и жанровых сцен, впечатляющих батальных эпизодов, а главное — ее умение лепить живые человеческие характеры.

В последующих частях романа творческий замысел автора все больше углубляется, развиваются и обогащаются сюжетные мотивы, все эффектнее и многограннее становятся изобразительные средства, расширяется кругозор писательницы, охват исторических событий.

«Нет, лицемерный перс, — говорит в своих раздумьях Моурави, — не сломить тебе мощь моей Картли... Стон и плач, как колокольный звон, теснят мою голову, мое сердце. Но кто видел на моем лице печаль? Кто заметил, что навсегда потерял я радостный смех? Знаю, слезы высохнут, возродятся из пепла города, дети вырастут, другие родятся... А тут, в моей груди, что навсегда осталось? Позор? Слава? Кто поймет мои мысли?! Кто осудит?! Кто восхищаться будет?! Кто проклинать?! Каким сердцем надо любить родину, чтобы идти такой страшной дорогой за ее счастье... Нет, не сломит Георгия Саакадзе ни одно предательство...»

В этом монологе выражена вся трагедия Георгия Саакадзе, мучительно искавшего путь к спасению своей родины и изведавшего в этих поисках горькие разочарования.

Но на своем трагическом пути Георгий Саакадзе совершил доблестные подвиги, спасшие грузинский народ от полного истребления, от потери своего национального существования. Отображению главного и важнейшего из этих подвигов Моурави — организованного и возглавленного им знаменитого боя на Марткопской равнине — посвящены лучшие страницы второй книги романа А. Антоновской.

На протяжении всего романа автор старается показать своего героя во всем многообразии его личных качеств. Георгий Саакадзе предстает перед взором читателя и как величественный полководец, прозорливый и мудрый деятель эпохи, и как человек, наделенный всеми человеческими качествами. Одной из самых впечатляющих сцен романа является сцена прощания Георгия со своим любимым сыном Паата. Каким мужественным и в то же время нежным предстает в этой сцене Георгий-отец. Его несгибаемая воля, стойкость бойца, не сдающего своих рубежей, сочетаются с глубокой, потрясающей нежностью к сыну, доказавшему ему свою преданность родине.

Умение писательницы проникнуть в глубину духовной жизни своих героев проявляется с огромным мастерством в сцене прощания. И в этом отношении она отнюдь не составляет исключения в «Великом Моурави». Наоборот, она является характерной для повествовательной и изобразительной манеры автора, для стиля романа в целом.

Вторая книга эпопеи завершается цепью ярких батальных картин, изображающих разгром иранских войск в знаменитом Марткопском бою, преследование и истребление Георгием Саакадзе и его соратниками презренных персидских поработителей в разных уголках Картли и Кахети.

Большой экспрессией отмечена финальная сцена второй книги. Автор решает ее на контрасте. Ликует грузинский народ, одержавший блистательную победу над персами, славит своего победоносного вождя. В этой картине всеобщего веселья читатель видит, какими прочными узами взаимопонимания связан с народом Великий Моурави.

И в момент кульминации народного торжества автор обрушивает на плечи своего героя невыразимое горе: к его ногам бросают «подарок» шаха — голову сына, мужественного Паата.

Но А. Антоновская не поддается соблазну излишнего «психологизирования», а старается быть лаконичной и краткой. Несколькими меткими штрихами великолепно рисует она потрясение Георгия,

но, оставаясь верной приему контраста и стремясь сохранить динамичность и экспрессию развернувшихся событий, она вновь сталкивает, теперь уже потрясенного собственным горем, Саакадзе с торжествующим своим радостью народом.

«— Скажи нам слово, Георгий Саакадзе! — кричал народ. Саакадзе поднял руку, и долина смолкла.

— Грузины! Мы празднуем победу, большую победу! Но борьба не кончилась, нам еще предстоит битвы во имя счастья и гордости грузинского народа... Будьте готовы к битвам и победам... Грузины!.. Счастлив тот, у кого за родину бьется сердце!»

Так заканчивает А. Антоновская вторую книгу своего романа. Последние слова этой книги явились боевым девизом, начертанным на победоносном щите Великого Моурави.

В третьей книге (пятая часть) «Великого Моурави» автор романа снова подчеркивает мысль о предательстве владельцев князей, которые превыше всего ставили свои личные имущественные и сословные интересы и не останавливались перед подлым предательством родине.

И чем беспощаднее разоблачает писательница их нравственное и гражданское падение, тем величественнее и благороднее выглядит облик Георгия Саакадзе, который и не думал мириться с господством в Грузии иноземных захватчиков и ни на минуту не прекращал борьбы с ними. Вместе со своими «барсами» он разжег в тылу врага огонь грозной всенародной партизанской войны. Описанию этой боевой деятельности Саакадзе посвящены многие яркие страницы романа.

Перед глазами читателя проходят волнующие эпизоды героических боевых действий народных ополченцев, которые под водительством Георгия Саакадзе изгоняют иранских оккупантов из многих важных районов Южной Грузии и Картли, нагоняют страх на всех изменников и предателей родины.

Но у Великого Моурави не хватило сил для продления и доведения этой борьбы до победного конца. Даже церковь отказала ему в помощи и поддержке. Главари грузинской церкви настоятельно требовали от Георгия Саакадзе сложить оружие. И Моурави мучительно ищет выхода из создавшегося положения. Он начинает думать о том, чтобы использовать Турцию в целях ослабления Ирана и изгнания персидских полчищ с грузинских земель. Так возникает у Великого Моурави мысль о временном союзе с Турцией во имя спасения Грузии.

В заключительной главе четвертой

книги мы видим Георгия Саакадзе в Горной Тушети, где он призывает народ преданно и самоотверженно бороться за освобождение поработенной родины и не идти за Теймуразом, приведшим Грузию к разгрому и разорению.

Одной из узловых проблем, поднятых и весьма удачно разрешенных в четвертой книге «Великого Моурави», является проблема русско-грузинских взаимоотношений. Автор показывает, что в самые тяжелые периоды своей исторической жизни грузинский народ искал спасения своего национального существования в дружбе и союзе с Россией. И хотя в изображенных в романе конкретных исторических условиях Россия не могла помочь Грузии военным вмешательством, передовые люди верили, что недалек тот день, когда, расправившись со своими западными врагами и окончательно окрепнув, Россия протянет руку братской помощи грузинскому народу, окруженному враждебными мусульманскими государствами.

Этому искреннему стремлению русского и грузинского народов было суждено осуществиться лишь в конце XVIII столетия. В свете развернувшихся в дальнейшем событий становится особенно очевидной вся правдивость концепции романа о далеких корнях русско-грузинской взаимосвязи, освещенной автором в плане реальной исторической перспективы.

В своем показе русско-грузинских взаимоотношений особого внимания заслуживает один эпизод романа, описанный автором с неподдельным художественным мастерством. В этом эпизоде рассказывается о том, как находившиеся на Тереке русские стрельцы и казаки оказали братскую помощь грузинским ополченцам и повстанцам, боровшимся в горных краях Грузии с полчищами иранских завоевателей. Используя сохранившиеся до сих пор в грузинском фольклоре народные предания о такой помощи со стороны русских воинов, автор создал остроумно задуманную и убедительно осмысленную картину, исполненную подлинного гуманизма и человеколюбия, имеющую для наших дней важное идейно-эстетическое звучание.

Красочно и колоритно выписаны в романе картины жизни и быта Москвы этого периода, открывшиеся взору грузинского посольства, направленного к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету. В романе живут и действуют образы, олицетворяющие разные социальные силы тогдашней

России. Чего стоит, например, образ простого русского человека Меркушки, наделенного ясным умом, благородным сердцем и нестигаемой духовной силой. Сильное впечатление производит также образ русского воеводы Юрия Хворостинина и др.

Большой эмоциональной силы достигает А. Антоновская в описании личных взаимоотношений и сложных душевных переживаний своих героев. Автор умеет находить меткие и точные выражения для характеристики внутреннего состояния персонажей романа. Скупые рассуждения писательницы свидетельствуют о тонкой наблюдательности мастера, о ее умении отобрать главное, сделать его выпуклым, доходчивым, впечатляющим. В качестве примера подобных наблюдений можно указать на эпизоды томления Луарсаба в иранском плену и переживаний его жены Тэкле, на историю взаимоотношений дочери Шадимана Бараташвили — прекрасной Магданы и Даутбека — одного из верных соратников Георгия Саакадзе.

Следуя традициям передовой грузинской литературы, унаследованным от великого Руставели, А. Антоновская трактует в своем романе мотивы любви и дружбы в плане благородных, чистых, возвышенных чувств и никогда не опускается до грубой эротики. Вспомнить только, с каким художественным тактом, как глубоко захватывающе проходит через весь роман возвышенная, чистая любовь Георгия к простой девушке Нино. Сколько чистоты, человечности и задушевной искренности в простых, от сердца идущих словах Георгия: «Неужели двоих люблю?» Охваченный гнетущей тоской по родине, Георгий неразлучно носит с собой взятую из Ностэ горсть грузинской земли, всегда напоминающую ему увядаемый запах родины. А на дне кисета, в шелковом лоскуте, у него хранится «золотой локон синеглазой Нино». И в этом нет ничего коробящего, ничего, что внесло бы намек на недостойную раздвоенность или моральную неустойчивость героя романа.

В пятой книге (часть восьмая) воспроизводятся события, показывающие, как логика хода исторических процессов неминуемо приближала крушение возвышенных идеалов народного героя и его славных соратников. Эта часть эпопеи, естественно, отличается большой драматичностью, напряженностью ситуаций, более стремительным развитием сюжетных мотивов, динамичностью повествования. В ходе этих событий полнее раскрываются и характеры героев романа.

Напряженным драматизмом отмечены картины, изображающие «кровавую ночь» в Метехском замке и убийство царя Симона в Схвилосцихе. На еще более высоком уровне написаны сцены, переносящие читателя в Иран. С большой выразительностью рисует автор образ кровавого шаха Аббаса, во всей силе острого ума, беспощадной жестокости, надменности и коварства, доходящего до убийства своего сына.

Неизгладимое впечатление производит сцена, когда обуреваемая гневом и возмущением жена шаха Аббаса — грузинка Лелу-Тинатин изобличает своего кровавого мужа, выбегает на площадь и зовет народ к справедливой мести за безвинно загубленного сына. И здесь писательница находит новые меткие штрихи для характеристики «льва Ирана». Она заставляет его публично, как дань любезности к посланникам России, в числе других невинных жертв, обезглавить и Булат-бека, которому он дал задание убить Сефи.

Еще одной яркой деталью дополняет образ шаха Аббаса история подстроенного им вероломного убийства плененного картлийского царя Луарсаба.

Но подлинную кульминацию развития сюжета этой части романа составляет описание битвы у Базалетского озера. Этот эпизод, насыщенный глубокой мыслью и изображенный с исключительным мастерством, является одним из лучших не только в пятой книге, но, пожалуй, во всей эпопее.

Грузинская историческая наука и художественные произведения, написанные ранее на тему о Георгии Саакадзе, не давали ясного и вразумительного объяснения причин поражения прозванного «Непобедимым» Моурави в знаменитой Базалетской битве. Большой заслугой А. Антоновской является то, что она впервые раскрыла и показала подлинные причины исхода Базалетской битвы.

Впервые за всю долгую и доблестную боевую жизнь Великий Моурави очутился на поле боя против обездоленных грузинских крестьян, выгнанных картлийскими и кахетинскими князьями на кровопролитный бой с Георгием Саакадзе. Впервые могучая десница народного героя должна была рубить грузинских же крестьян. И перед ужасом этой братоубийственной схватки дрогнул богатырь, беспредельно любивший свою родину и свой народ. К этому прибавилось впечатление, которое произвело среди грузин появление на поле боя маленького отряда турецких янычаров, пришедшего во главе с Сафар-пашой на помощь Георгию Саакадзе. Даже у преданных соратников Великого Моурави возникло чувство негодования и

возмущения, когда турецкие янычары презрительно стали рвать и топтать знамена Месхети. И здесь впервые Георгий Саакадзе со всей остротой осознал всю трагичность своего положения, всю обреченность своих намерений — ковать счастье Грузии силами ее злейших врагов.

В заключительных главах пятой книги особенно сильное впечатление производит описание бессонной ночи, проведенной Георгием Саакадзе в знаменитом Гелатском монастыре, на могиле своего великого предка Давида Строителя, отдавшего почти семь столетий тому назад свою героическую жизнь делу объединения Грузии и освобождения от иноземных захватчиков.

В этой части автор снова пользуется возможностью продемонстрировать возвышенные, благородные порывы героев Грузии, их мужество, патриотизм и ненависть к врагу.

Не желая погибнуть от руки презренного палача Хозрев-паши, обманом бросившего их в подземелье, а затем вынесшего им смертный приговор, грузины ухитряются распилить кандалы и вырваться во двор, окруженный его войсками. В ожесточенной схватке с многочисленным отрядом озверелых янычаров «барсы» падают смертью храбрых. Последним погибает Моурави.

«...Георгий Саакадзе кинул взгляд на переломленный клинок: «Бой закончен! Тогда...» И он с силой взмахнул рукой и вонзил обломок черного клинка в свое бесстрашное сердце.

Взметнулась исполинская тень и исчезла за порогом. И через этот порог шагнул в Вечность «барс» из Ностэ, на щите которого неугасимым огнем пылали слова: «Счастлив тот, у кого за родину бьется сердце».

Так завершается изображенная в романе А. Антоновской славная эпопея боевой жизни выдающегося национального героя Грузии. Писательница дала исключительно оригинальное и интересное освещение последнего периода жизни Великого Моурави, его деятельности и борьбы в Турции, трагической гибели на чужбине. Творчески осмыслив исторический материал, обогатив его крылатой фантазией и смелым вымыслом вдохновенного художника, А. Антоновская создала превосходный финал повествования, отмеченный глубиной мысли и огромной силой эмоционального воздействия.

Широко и многосторонне охватила А. Антоновская изображаемую историческую эпоху. Важнейшие стороны народной жизни избрала она предметом художественного повествования. Вся эпопея зиждется на предельно обострен-

ных социальных конфликтах, на столкновениях больших чувств и страстей. В романе нарисована богатейшая галерея живых человеческих образов, подавляющее большинство которых составляют реально существовавшие исторические личности. Основные персонажи эпопеи-романа доведены автором до большого обобщающего звучания. Посредством этих типических образов в романе воскрешен дух времени, его содержание, основные тенденции хода истории. С пластической осязаемостью живописует автор быт и нравы воспроизводимой эпохи, колорит места действия, картины природы. Роман читается с напряжением, все возрастающим интересом. Во многих случаях повествование достигает большой захватывающей силы и производит на читателя неизгладимое впечатление. Богатый познавательный материал воплощен автором в замечательную художественную форму, доставляющую подлинное эстетическое удовлетворение и воспитывающую читателя в духе самых возвышенных чувств — беззаветного патриотизма, мужества и отваги, свободолюбия, непоколебимой верности в дружбе и любви.

Решительно отказавшись от свойственной некоторым нашим историческим романам архаизации языковой ткани произведения, автор путем подобранных речевых нюансов воссоздает колорит изображаемого времени. Роман написан живым, действенным, образным современным русским литературным языком. И вместе с тем в диалогах чувствуются специфические грузинские интонации, привнесенные с большим художественным тактом и чувством меры. Прделанная писательницей в этом направлении огромная работа заслуживает особого изучения и анализа.

В своей весьма интересной и содержательной книге «История и литература» критик Г. Ленобль, касаясь «Великого Моурави» выдвигает дискуссионный вопрос: «Нужно ли роман о Саакадзе и его эпохе превращать в полное его жизнеописание?» Правда, критик не дает прямого ответа на этот вопрос, но его точку зрения можно уловить в следующих словах: «Это, конечно, вопрос дискуссионный, но вспоминается, что А. Н. Толстой свой роман о Петре не собирался оканчивать смертью героя».¹

¹ Г. Ленобль. История и литература. Издательство «Советский писатель». М, 1960, стр. 278.

Думается, что решение этого вопроса в каждом конкретном случае зависит от творческого замысла писателя и от своеобразия истории жизни героя.

В данном конкретном случае именно в предательском убийстве Георгия Саакадзе злейшими врагами Грузии, с помощью которых он ошибочно рассчитывал завоевать счастье своей родины, и выразилась вся трагическая судьба этого выдающегося исторического деятеля. Безвременная гибель прервала справедливую борьбу героя с темными силами своего сурового времени, и писательница поступила совершенно правильно, завершив повествование именно таким финалом. Без этого ей вряд ли удалось бы художественно воплотить историческую концепцию, положенную в основу произведения.

Читатель может иметь к автору «Великого Моурави» претензии иного порядка. Первоначально этот роман был рассчитан на две-три книги. В процессе работы объем эпопеи постепенно возрастал и расширялся. Это обстоятельство не могло не отразиться на архитектонике произведения. В книге, естественно, образовались отдельные длинноты и затянутые пассажи, появились не всегда необходимые подробности в описании отдельных событий. Не все эпизоды романа разработаны на одинаковом художественном уровне, не все они одинаково действенны и эффективны. При таком огромном количестве персонажей не все из них нашли воплощение в полнокровных, запоминающихся художественных образах. Отдельные из них не удерживаются в памяти читателя. Придирчивые историографы могут обнаружить в «Великом Моурави» случаи нарушения последовательности исторических событий. Можно указать на неправильное применение включенных в языковую ткань романа некоторых непереводимых грузинских слов.

Но все эти частности не могут ослабить огромного впечатления, которое производит это замечательное произведение. Они ни в какой мере не снижают его незаурядной идейной, познавательной, эстетической ценности.

«Великий Моурави» по праву занимает и будет занимать видное место в сокровищнице духовных ценностей, создаваемых многонациональной советской литературой и выполняющих неоценимую роль в формировании богатого и благородного духовного облика нашего народа.

Реваз Тварадзе

О некоторых тенденциях в грузинской молодой прозе

Выделение из общего потока литературы какой-либо группы писателей всегда носит условный характер, ибо каждый истинный творец интересен прежде всего своим отличием от собратьев по перу, а не сходством с ними. И все же такое обособление порою необходимо ради выявления наиболее общих процессов, происходящих в литературе.

Говоря об этих процессах, я не склонен утверждать, будто писатели, о которых пойдет речь ниже (поколение прозаиков, вышедших на литературную арену за последние годы), уже приобщились к большой литературе и оказывают особенно заметное влияние на ее развитие. Однако совершенно очевидно, что в лице этих молодых авторов в недалеком будущем грузинская литература может получить надежную смену мастеров художественного слова, которые с честью продолжают большие традиции грузинской прозы.

Из этих традиций прежде всего следует назвать такие черты нашей прозы, как высокая идейность, неуклонное стремление к выявлению все новых средств и форм изображения и овладению ими, выдвигание сложных социальных, философских, психологических и этических проблем. Нельзя представить грузинскую прозу без этих свойств. Они определяют ее развитие в течение столетий, начиная с пятого века, когда было создано «Мученичество Шушаники», и по сей день. Поэтому, говоря об этих традициях, мы имеем в виду не рабское повиновение проблемам, средствам и формам изображения, которые были установлены, внедрены и узаконены предшественниками, а творческое развитие упомянутых выше свойств, развитие их в соответствии с требованиями современности. Уже в этом подразумевается неуклонное стремление к смелым новаторским поискам.

И действительно, тот, кто исходит из

подобных соображений, непременно должен признать, что литературная молодежь, о которой идет речь в нашей статье, вполне заслуживает особого внимания, дает повод для серьезного разговора.

Чем же преимущественно характеризуются прозаики, пришедшие в литературу в последнее время?

Это прежде всего — стремление уйти от весьма прямолинейного, наивного восприятия жизни и ее упрощенного, скучного, однообразного отображения, а также стремление к постановке довольно сложных проблем, интересные композиционные и стилистические поиски.

Молодые прозаики не боятся трудностей. Более того — они стремятся именно к сложному, доселе неразгаданному в жизни. Правда, эти поиски не всегда завершаются успехом. Нередко молодые авторы ошибаются, и очень серьезно! Но ведь не ошибается лишь тот, кто не ищет.

И потому, во-первых, не следует преждевременным вынесением сурового приговора пугать тех, кто ищет, и убивать в них стремление к дальнейшим поискам. Во-вторых, надо попытаться придать этим исканиям верное направление, во-время указать на опасность появления более серьезных ошибок, вызванных явным или скрытым влиянием той или иной системы художественного мышления, неприемлемой для нас.

* * *

Не так давно вышел в свет сборник рассказов молодых грузинских писателей (издательство «Накадули»). Книга вызвала живой отклик читателей. В ней представлены прозаики, пришедшие в литературу за последние годы. Это — Отия Иоселлиани, Гурам Рчеулишвили, Сосо Коринтели, Мераб Элиозишвили, Отар Деметрашвили, Соломон Демурханашвили, Гурам Гегешидзе, Тамаз На-

трошвили, Анзор Гварамия, Нодар Дулейскири, Иосиф Качейшвили, Гурам Гогиашвили. Еще несколько лет назад литературная общественность Грузии ничего не знала о них. Все они пришли в литературу почти одновременно. Кроме биографии и возраста их сближают и качества, о которых мы уже говорили. Но, еще раз подчеркивая сказанное выше, надо повторить, что эту близость следует понимать весьма условно. Ибо не все из упомянутых молодых прозаиков обрели свою индивидуальность, неповторимый творческий облик.

Если уж говорить о родственных чертах, сближающих молодых авторов, нельзя не назвать прежде всего общность их биографий. Большинство этих прозаиков сейчас в том возрасте, когда процесс самопознания еще не завершен и, вместо всестороннего анализа объекта, субъект находит более удобным постигать мир посредством самоанализа, и то преимущественно эмоционального. Именно этим и обуславливается «биографичность» произведений молодых авторов. Чаще всего эти произведения пишутся от первого лица. В данном случае это не стилистический прием, а почти единственно доступное средство проявления своей личности. Отсюда и тематическая схожесть их произведений. Естественно, что прежде всего это — тема любви, которая из всех чувств наиболее тесно связана в этом возрасте с процессом становления личности.

Мне могут возразить: рассказ от первого лица — явление весьма распространенное в современной мировой литературе. Обильное использование биографических элементов за последние годы наблюдается и в нашей, советской прозе (это объясняется все растущим интересом к психологизму и интеллектуализму). Не в этом ли факторе (а не в возрасте) причина «биографичности» произведений молодых прозаиков? Думается, на этот вопрос надо ответить отрицательно. К такому заключению приходишь, исходя не только из сути произведений молодых авторов (в большинстве рассказов психологизм является средством самопознания, а не следствием художественного анализа), но и из того факта, что в последних (не вошедших в названный сборник) рассказах часть вышеупомянутых прозаиков уже делает попытки преодолеть отмеченную нами ограниченность.

Это подтверждается и следующим обстоятельством: ни в одном рассказе на тему любви не делается попытка объективизации этого чувства. Любовь понимается в этих рассказах как явление столь же естественное и органичное для человека, как безотчетное

стремление к счастью. Потому-то ей или ничто не препятствует, или же это препятствие связано лишь с внешними явлениями, а не с внутренним конфликтом героя. Во всех рассказах любовь фигурирует как тема, но не художественная проблема.

Что же касается проблем, то часть прозаиков увлекает стремление познать великую тайну жизни и смерти и выяснение своего отношения к ней. Надо отметить, что именно этой проблеме посвящены наиболее сильные рассказы в сборнике.

Человек исключительной цельности и сильной воли — Гурам Рчеулишвили (ставший год назад жертвой нелепой случайности) не верил в эмоциональное восприятие смерти. Его идеал — сильная, владеющая своими чувствами, личность. Чтобы победить смерть, молодой автор считал необходимым противопоставить ей большое человеческое достоинство, стойкость в горе. Таков Альфред Курелла («Смерть в горах»), жена которого, упав с лошади, разбилась насмерть.

«— Да, — сказал Гурам, — этого не случилось бы, если б вы поехали через Шатили.

— От этого «если бы» многое зависит. Можно представить огромную цепь подобных «если бы». Следуя такому ходу мыслей, можно заключить: она не умерла бы, «если бы» вовсе не родилась.

Гурам слушал и догадывался: такой анализ некоторым образом рассеивал печаль Куреллы... Если бы вовсе не рождалась! Как это просто получается. Да, он прав».

Курелла противопоставляет своим чувствам холодный рассудок, дабы преодолеть эти чувства и не навязать их постороннему человеку. Правда, и у него бывают минуты слабости. Возвратившись с гор в Тбилиси и увидев в гостинице на постели платье погибшей жены, он не в силах сдержать рыдания. Но и эту слабость он преодолевает:

«Курелла поднял голову, потом встал, вышел в соседнюю комнату.

— Да, — сказал он, — так... Не стало Эльпиды, а дети ее этого не знают. Нужно срочно телеграфировать в Германию».

Так заканчивается рассказ, показывающий, как противостоит смерти истинно сильный человек.

Иначе подходит к упомянутой проблеме Отия Иоселиани. Его Левана из одноименного рассказа не может исповедовать философию Куреллы, который рассуждает: «Мы так воспитывали своих детей: умер — значит умер». После потери самых дорогих людей

(жены и сыновей) жизнь Левана словно лишается всякого смысла, и он уже почти ничем не связан с внешним миром. «Умер — значит умер», — эта холодная формула ничего не сказала бы ему. Он нуждается в более «человечном» лекарстве, дабы сражаться со смертью, вновь обрести утраченную человечность. И автор рассказа «Левана» поступает абсолютно правильно, делая труд спасителем своего героя. Такая постановка и разрешение проблемы, конечно, не новы в литературе. Новизну здесь создают стилистические и композиционные приемы, с помощью которых автор раскрывает внутренний мир героя.

По мнению Тамаза Натрошвили просто сражаться со смертью — еще недостаточно для человека. Надо иметь такую внутреннюю силу, чтобы, умирая, все же остаться победителем, выиграть страшную схватку. Об этом повествует интересный рассказ молодого писателя «Завтра будут скачки в ущелье».

В связи с этим рассказом перед нами встает еще один вопрос. Он касается возрождения интереса к жизни горцев.

Начиная преимущественно с Важа Пшавела и Александра Казбеги, эта тематика прочно утвердилась в грузинской литературе. Но почти никогда (не считая нескольких слабых попыток) эта тема не была облечена ложно-романтическим покровом. Ибо горы для грузина — не предмет романтики. Они для него являются такой же органичной частью жизни, как море — для островитянина. Произведения, описывающие жизнь и быт горцев, во многом способствовали расцвету нашей литературы, вносили в нее новизну. Подтверждением этой мысли является «горный поток» в творчестве многих грузинских писателей XIX и XX веков.

Но в последнее время эта интересная традиция грузинской литературы была почти забыта. В сознании писателей и читателей горы как бы «исчерпались», утратили свою привлекательность, обеднели что ли, ибо, думали многие, нет больше тем и проблем, связанных с горами, с жизнью горцев, которые бы не затронул тот или иной грузинский писатель.

И вот оказалось, что думавшие так ошиблись. Самое молодое поколение грузинских прозаиков снова обратилось к этой, казалось бы, исчерпанной теме.

Чем был вызван этот поворот к горной тематике?

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что горы привлекли Г. Рчеулишвили, Г. Гегешидзе, М. Элиозишвили, Т. Натрошвили и дру-

гих молодых прозаиков, в творчестве которых особенно остро ощущается стремление разрешить проблему героя.

Здесь мы подошли к кардинальному вопросу советской литературы. Проблема героя очень остро стоит в современной грузинской (и, конечно, не только грузинской) прозе.

Нет сомнения, что тот период, когда герои многих произведений напоминали фотографии из семейного альбома, ушел в прошлое. Но как только это произошло, сразу же возник вопрос: кто заменит этих «героев», кто больше поможет идейно-эстетическому воспитанию читателей, — так называемый, «обыкновенный человек» со своей повседневной жизнью или сильная личность, имеющая богатый внутренний мир?

Некоторые рассуждали так: читателю безразличен герой, говорящий лозунгами, так как он лишен главного — внутреннего мира человека. Предмет литературы — обыкновенный человек, конкретная личность, его эмоции, мысли, его повседневная жизнь. Но это, в основе своей, правильное положение не повлекло за собой верных выводов, а следовательно и верной практики. Часть молодых писателей так увлеклась этим чрезмерно «обыкновенным» человеком и тусклой повседневностью, что незаметно вернулась к безжизненной «альбомной романтике». Ведь человек с бедной психикой, как детально ее ни описывай, всегда скучен.

Необходимо добавить, что усилению этой тенденции в нашей литературе способствовало влияние некоторых западных писателей, ложное, примитивное понимание пафоса их произведений. К примеру, когда Ник Адамс Хемингуэя целыми днями занят рыбной ловлей и когда автор отводит абзацы описанию того, как его герой готовится надеть червяка на крючок, как наслаждается он этим немудреным занятием, не думая ни о чем, почти без единой мысли в голове, это вовсе не означает, что Ник Адамс — «обыкновенный» человек с бедным внутренним миром. И хотя кажется, что детальное описание повседневной жизни такой якобы скучной личности — самоцель автора, здесь перед нами встают большие социальные и психологические проблемы, мы сталкиваемся с человеком с интересным внутренним миром. Но когда под ярлыком «обыкновенного» и «повседневного» преподносится герой, по существу лишенный интересных, значительных мыслей и переживаний, и все произведение посвящается лишь анализу простейших психических устремлений блеклой личности, это уже

показатель того, что писатель — на ложном пути, что он заблуждается относительно истинного назначения своего творчества.

А ведь за последние годы подобные персонажи встречаются нередко! И, надо полагать, если некоторые молодые писатели будут продолжать в том же духе, в ближайшее время наша проза будет заселена героями, что сродни Курке и Чанчуре Михаила Джавахишвили. Но если Курка, Чанчура, сапожник Габо и другие жалкие личности в силу социальных условий того времени (900-е годы прошлого столетия) могли занять законное место в раннем творчестве М. Джавахишвили, то возрождение их в наши дни ничем не оправдано.

Кстати, аналогичное стремление так называемого «очеловечения» героев некоторым образом проникло и в поэзию. Под лозунгом борьбы со схематичностью и плакатностью появились суррогаты лирики, ничем по существу не отличающиеся от альбомной писанины.

Поэтому, думается, на более верный путь встали те молодые прозаики, симпатии которых склоняются к сильной личности с богатым духовным миром. Слов нет, их поиски в этой области — пока лишь начало, их герои еще не являются теми положительными героями, которых так настойчиво требует современность. Однако бесспорно и то, что начало это — хорошее, предвещающее грядущие творческие победы.

И вот поиски героя увели часть молодых писателей в горы. Но они не стремились найти там новых Звиадаури и Элгуджа¹, или подобно Тарашу Эмхвари² противопоставить первобытную цельность гор городской цивилизации. Нет. Уход в горы молодых прозаиков — качественно новый и психологически очень интересный этап в развитии нашей прозы. Сознательно или подсознательно созданные ими образы противопоставляются старым героям-горцам грузинской литературы. Молодые авторы уже не интересуются проблемой степени слияния личности с природой. Их цель — испытание современного интеллигента, человека со сложным внутренним миром, далеко отошедшего от природы, в той обстановке, где цивилизация еще не уничтожила окончательно условий, благодаря которым личность, оставшись наедине сама с собой, сталкивается со стихийными силами и идеально простыми (и потому, может быть, уже мало по-

нятными ей) переживаниями и отношениями людей. Такое испытание должно определить духовные возможности героя, его силу или слабость. Это — своеобразное «чистилище», после которого большую ценность приобретают победы, одержанные в привычной для героя среде. Именно так понимаю я стремление молодых прозаиков поставить своих героев в упомянутые выше ситуации. И если это верно, мы должны иметь полное право надеяться на то, что в будущем найдем этих героев уже там, где слагается характер современного нам человека, где бурлит настоящая жизнь.

* * *

Неоднократно отмечалось, что в последнее время наши прозаики все больше внимания уделяют духовной жизни современной интеллигенции.

И это вполне понятно: грузинская проза, на протяжении многих веков обращенная преимущественно к сельской жизни, должна была, наконец, заинтересоваться и жизнью города. И тем более неудивительно, что этот интерес ярче всего проявляется у молодых прозаиков. Они едва успели выйти или только выходят из студенческого возраста и, понятно, им легче писать на тему близкую и знакомую — ведь хорошее знание материала имеет первостепенное значение для писателя.

Я подчеркиваю это потому, что сейчас, если можно так выразиться, стало «модным» обращение к жизни города. Этому искушению поддаются многие молодые прозаики, среди них и те, чей личный опыт пока довольствуется знанием сельской жизни. Они забывают, что, кичась «близким» знакомством с городской жизнью, становятся очень похожи на тех расфранченных старомодных провинциалов, которые, фотографируясь, стараются выставить напоказ часы на руке.

Поэтому в выигрыше — те прозаики, которые, не взирая на «моду», не делают тщетных попыток «выпрыгнуть» из рамок своей биографии. И тут я, прежде всего, имею в виду Отия Иоселиани и Мераба Элиозишвили. Они прекрасно знают грузинскую деревню (первый — западную, второй — восточную) и рисуют удивительно живые картины ее жизни. С этим, мне кажется, согласятся все, кто читал рассказы «Левана», «Игра» О. Иоселиани, «Последний Контгала» и «Сардо» М. Элиозишвили.

В связи с рассказами М. Элиозишвили возникает еще ряд вопросов.

Прежде всего надо обратить внимание на то обстоятельство, что этот

¹ Герои произведений Важа Пшавела и Александра Казбеги.

² Герой романа К. Гамсахурдиа «Похищение луны».

писатель не стремится к какой-либо принципиальной новизне в области стиля (в широком смысле этого слова). Он — мастер изложения, очень наблюдателен, прекрасно разбирается в тонких вибрациях духовной жизни людей, не лишен чувства юмора. Но все его мысли, наблюдения, эмоции передаются несколько устарелыми изобразительными средствами. Здесь отсутствуют полутона, подтексты, намеки. У Мераба Элиозишвили прямое, неосложненное повествование с обильным использованием авторских реплик. Характеры героев, их внутренняя эволюция чаще всего обрисованы в авторском тексте, тогда как в произведениях Г. Рчеулишвили, Г. Гегешидзе, Т. Натрошвили, С. Коринтели и некоторых других молодых прозаиков внутренний мир героев в большинстве случаев раскрывается не через авторскую характеристику (иногда даже не посредством действия, развития сюжета), а через то отношение к людям и к окружающей действительности, которое подразумевается, главным образом, в подтексте диалогов.

Исходя из всего этого, надо полагать, что в будущем избранные Мерабом Элиозишвили (и некоторыми другими молодыми писателями) изобразительные средства и метод изображения действительности, возможно, окажутся недостаточными. Другими словами, если молодой писатель попытается еще глубже проникнуть в психологию своих героев, еще ближе подойдет к большим проблемам современности, этот прямолинейный метод повествования станет недостаточным и ему придется провести большую работу в поисках новых стилистических средств.

В некотором смысле то же можно сказать и об О. Иоселиани. «Левана» и «Вдовьи слезы» уже подтверждают, что молодой прозаик вступил в период неустанных поисков новых изобразительных средств, ибо почувствовал, что старый метод не всегда оправдывает себя и не всегда дает желаемый эффект.

Наблюдательность и умение описывать сочетаются у некоторых молодых

прозаиков с неустанными поисками в области лексики, которые являются одним из основных свойств прозы. Трудно себе представить настоящего писателя, которого не волновала бы стихия слова, его судьба, который не был бы энтузиастом поисков новых словесных богатств.

Где же находили и находят писатели словесный материал? В предшествующей им литературе и в народе. Другого пути не существует. Следовательно, кроме языка художественной литературы или литературы другого рода (научной, технической и т. д.) писатель должен предельно хорошо знать народную речь.

Так было раньше, так обстоит дело и теперь. Но в последнее время значительная часть молодых писателей стала равнодушной к словесной ткани произведения, все меньше внимания уделяет слову, прибегая к такому построению фразы, которое должно создать полутона, подтекст, намеки. Когда создание стиля (даже в самом широком смысле этого слова) обусловлено естественной, органической тенденцией развития грузинской прозы, пожалуй, возразить нечего. Но если в творчестве прозаика очевидно безответственное отношение к языку, к лексике, он не заботится о поисках все новых и новых слов, примирившись со своим ограниченным словарным запасом, или же под влиянием иностранной литературы пренебрегает специфическими свойствами и богатейшими возможностями грузинского языка, это непростительно.

* * *

Мы говорили, преимущественно, о некоторых прозаиках молодого поколения. Это не случайно. Проявившиеся в грузинской прозе за последние годы тенденции и проблемы связаны именно с их творчеством. Произведения остальных (названных и неназванных) молодых прозаиков пока не дают повода для специального обсуждения. Очевидно, будущее покажет, насколько интересны и значительны их потенциальные творческие возможности.

Подписано к печати 15 сентября 1961 г. 6 печ. листов

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Тираж 2500

Заказ № 959

УД-04985

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუხია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

18.9

საქართველოს
საქართველოს

ЦЕНА 40 КОП.